

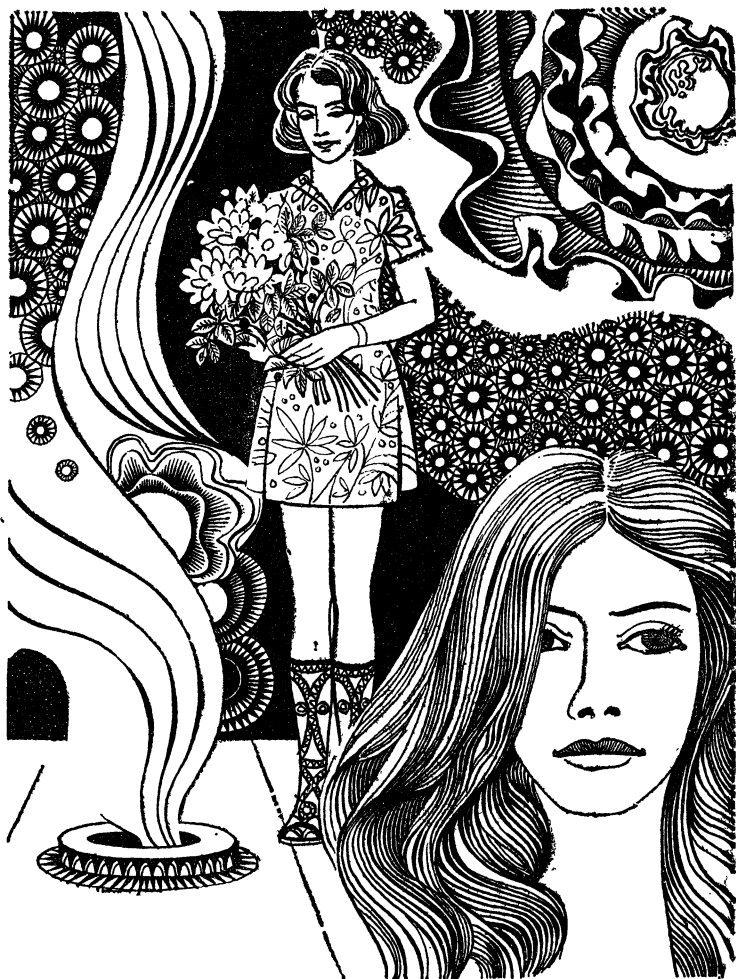
Библиотека советской фантастики

МИХАИЛ ПУХОВ
КАРТИННАЯ
ГАЛЕРЕЯ

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Библиотека советской фантастики

МИХАИЛ ПУХОВ

**КАРТИННАЯ
ГАЛЕРЕЯ**

Р а с с к а з ы

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1977

Р2
П90

Художник Роберт Авотин

П $\frac{70302-068}{078(02)-77}$ 265—77

© Издательство «Молодая гвардия», 1977 г.

СВЕТ ЗВЕЗД

— Я так не могу, — сказал штурман, когда капитан появился в рубке. — Я этого больше не вынесу. Вам придется высадить меня в ближайшем порту.

— А в чем дело? — спросил капитан.

— Я не могу больше работать с вашим скибером, — сказал штурман.

— Почему?

— Он меня раздражает, — объяснил штурман. — Я не знаю, кто его так запрограммировал, но мне от этого не легче. Вы только послушайте.

Он нажал кнопку переговорного устройства.

— Летим косо, — слышалось из динамика. — Пустота. Мрак.

— Это называется текущее донесение, — объяснил штурман. — И так целый день.

Капитан улыбнулся.

— По-моему, неплохо.

— Возможно, — сказал штурман. — Но мне нужна информация.

— По-моему, ее и так много, — сказал капитан.

— Возможно, — сказал штурман. — Но мне от этого не легче. Это значит, что я должен брать секстант и выяснять, что там с курсом.

— Вы так считаете? — сказал капитан.

— Да, — сказал штурман. — Но скорее всего ока-

жется, что с курсом все в порядке, и он сказал «косо» просто потому, что это слово не хуже других.

— Ну, это невозможно, — сказал капитан. — Ложную информацию не пропустит контрольный блок.

— Для вашего шкибера нет ничего невозможного, — сказал штурман. — Что для него какой-то там блок? Он всегда отыщет линию, относительно которой мы летим «косо».

— Да? — сказал капитан. — Так вы думаете, что это линия?

— Да, — сказал штурман. — Причем любая линия. Это может быть направление на Солнце, или направление на базу, или на центр Галактики, или еще куда-нибудь. А расхлебывать всю эту кашу придется мне. С помощью банальных навигационных инструментов.

— Что делать, — сказал капитан. — Такова жизнь.

Капитан вышел в коридор и открыл первую дверь налево. Там размещался пункт связи. Капитан склонился над столом и написал что-то на листке бумаги.

— Сеанс скоро? — спросил он связиста. — Передай на базу вот это.

Связист пробежал глазами написанное.

— А почему? — сказал он. — По-моему, он ничего.

— Возможно, — сказал капитан. — Но он сам этого хочет.

— Да? — сказал связист. — Ему что, не нравится наш корабль?

— Ему не нравится наш шкибер, — сказал капитан.

— Понятно, — сказал связист. Он положил листок бумаги с написанным текстом под глаз шифратора. Капитан сел рядом. Связист включил шифратор. Шифратор тихо запел. Некоторое время они сидели молча.

— Хорошая песня, — сказал потом капитан.

— Еще бы, — отозвался связист.

— А вот со штурманом нам не повезло.

Они дослушали песню.

— Я еще зайду, — сказал капитан. — Забегу, чтобы узнать о результатах.

Связист молча кивнул. Капитан вышел в коридор, открыл дверь следующего помещения и сел напротив своего помощника.

— Ты был прав, — сказал он, когда тот освободился. — Я уже послал рапорт.

— А когда я был не прав?

— Никогда, — сказал капитан. — Но все-таки.

— Тебя самого надо списать в ближайшем порту, — сказал его помощник. — Не бойся, я шучу. И у нас будет хороший штурман.

— Точно?

— Мне так кажется, — сказал помощник. — А сейчас тебе лучше быть в рубке.

— Зачем?

— На всякий случай.

— Что-нибудь случится?

— Может быть.

— А что случится? — спросил капитан.

— Ты слишком многого от меня хочешь, — сказал его помощник. — Я и сам этого еще не знаю.

— Смотри у меня, — сказал капитан.

— Ничего, — сказал помощник. — Иди лучше в рубку. И захвати кого-нибудь из пилотов.

— Это будет контакт?

— Вряд ли. Но не огорчайся.

— Хорошо, — сказал капитан. — Я пойду.

— Еще увидимся.

Когда капитан снова вошел в рубку, он увидел, что штурман сидит у секстанта, вращая рукоятки и вполголоса чертыхаясь.

— Вы уже определили курс?

— Нет, — сказал штурман. — Я незнаком с этой моделью. Вашему секстанту лет сто. Сейчас мне при-

дется идти в библиотеку и целый день разбираться в его конструкции.

— Библиотека не убежит. Что нового у шкибера?

— Ничего, — сказал штурман. — Плюс шизофрения. Теперь он несет разную несвязную чушь про наш корабль, про одиночество, которое кончится, и еще про какие-то звездные тени.

— Звездные тени? — спросил капитан. Он выдвинул кресло из-под пульта управления и сел. Прозрачная крышка послушно отодвинулась, обнажив многочисленные клавиши и тумблеры.

— Да, — сказал штурман. — Этот образ кажется вашему шкиберу особенно удачным. Он вставляет его чуть ли не в каждую строку своих формалистических донесений.

— Почему же образ? — сказал капитан. — Разве вы незнакомы с конструкцией пассивного локатора?

— Нет, — сказал штурман. — Я не бортинженер. Я не обязан знать локатор.

— Разве для этого обязательно быть бортинженером?

— Я знаю современные локаторы, — сказал штурман. — А ваш локатор еще древнее вашего секстанта. Мне пришлось бы разобрать его, чтобы разобраться в его устройстве.

— Не надо, — сказал капитан. — Лучше выведите сигнал сюда. — Он показал на пока еще темный центральный экран.

— Сейчас, — сказал штурман. Он щелкнул тумблером. — Но зачем вам это понадобилось? Неужели из-за такого нелепого образа?

— Почему же образа? — сказал капитан. — Это точный термин.

На экране засветилась звездная пыль. Экран тихо запел.

— Хорошая песня, — сказал капитан.

— А что означает этот термин? — спросил штурман. Капитан посмотрел на него с сожалением.

— Он означает, что нужно смотреть на экран, — сказал он.

— Как много звезд, — сказал штурман. — Я не знал, что впереди скопление. Но я не вижу никаких теней.

Капитан нажал три кнопки на радиопhone.

— Жду тебя в рубке, — сказал он.

Капитан смотрел на экран, на плотную россыпь мелких далеких звезд. Он увидел то, что хотел. Штурман смотрел в том же направлении, но он этого не видел.

Сзади хлопнул входной люк.

— Иди сюда, — сказал капитан. — Устраивайся.

Пилот выдернул кресло из-под своего пульта.

— Вижу, — сказал он, взглянув на экран. — Это корабль?

— Да, — сказал капитан. Он повернулся к штурману. — Что он там говорил? Одиночество, которое кончится?

— Кажется, — сказал штурман. — Это и еще какую-то чушь про тени далеких звезд. Но что вы там такое увидели?

— Там не хватает звезды, — сказал пилот. — В самом центре экрана.

— По-моему, там их слишком много, — сказал штурман.

Пилот посмотрел на него с сожалением. В отличие от штурмана он считал, что тому здорово повезло, когда он попал на их корабль. Впрочем, раньше штурман тоже так думал.

Экран тихо пел. Пилот сказал:

— Какая хорошая песня.

— Да, — согласился капитан. — Вот она вспыхнула.

— Кто?

— Звезда, которой не хватало, — сказал пилот. Штурман смотрел на экран во все глаза, но ничего не видел. Звезды спокойно светили впереди, не мерцая. Звезд было очень много, они покрывали все поле экрана. Если бы какая-нибудь из них и исчезла, не в человеческих силах было бы это заметить. А пилот с капитаном переговаривались.

— Пропала.

— Да, погасла.

— Сейчас вспыхнет.

— Да.

— Он близко.

— Но почему он идет без огней?

— Не знаю. Следующая погасла.

— Вспыхнула.

— Как быстро перемещается.

— Необычная конструкция.

— Не сказал бы.

— Все равно пора пощупать радаром.

— Да.

— Включите радар, — сказал капитан штурману.

— Сейчас. — Штурман щелкнул тумблером. Он ничего не видел, и никто ему ничего не объяснял. Все равно он щелкнул тумблером.

— Выведите сигнал на второй экран, — сказал ему капитан.

Штурман нажал нужную клавишу. Вспомогательный экран был чист в противоположность главному.

— Вам показалось, — сказал штурман, — Там ничего нет.

Пилот не повернулся.

— Десять секунд, — сказал он капитану. — Хочешь пари?

Капитан не успел ответить, потому что на экран вернулось отраженное эхо. Это была просто светлая точка.

— Вот он, — сказал капитан.

— Послушайте, — сказал штурман. — Да, раньше я действительно не видел того, что видели вы. Но сейчас-то мы видим одинаково. Откуда вы знаете, что это корабль? Это ведь просто точка.

Пилот посмотрел на него.

— И что же это такое?

Штурман замялся.

— Не знаю. Возможно, метеорит.

— А откуда ему здесь взяться? — сказал пилот,

Капитан добавил:

— И появление метеорита совсем не означает конец одиночеству.

Штурман ничего не сказал. Он сидел в рубке перед экранами. На одном из них было очень много светлых неподвижных звезд, а на втором только одна маленькая светящаяся точка, и он не знал, что это такое, а пилот с капитаном переговаривались:

— Это чужой корабль. Посмотри, как он гасит звезды.

— Он гасит слабые звезды.

— Все равно.

— У него незнакомый корпус. Он с новых планет.

— Какая необычная конструкция.

— Но движется быстро.

— Это мы движемся быстро.

— Хорошо, когда корабль без огней.

— Да. Так красивее.

— Интересно, как он в эфире?

— Вероятно, молчит.

— Нужно спросить у связиста.

Капитан набрал номер на радиофоне.

— Это я, — сказал он. — Мы видим корабль.

— Знаю.

— Он идет без огней.

— И без позывных.

— Понятно, — сказал капитан.

Он замолчал, и в рубке стало тихо. И так же тихо пели экраны.

— Послушайте, — сказал штурман. — Может, мне пересчитать курс? Я быстро.

— Зачем? — сказал капитан.

— Чтобы подойти ближе.

— Мы и так пройдем чересчур близко, — сказал пилот.

— Послушайте, — сказал штурман. — Надо же что-то делать. Надо узнать, что там у них. Вдруг у них авария?

— Нет, — сказал пилот. — Если бы у него была авария, мы бы об этом знали.

— Каким образом?

— Он давал бы SOS.

— А вдруг у них неисправен передатчик?

— И двигатель, и передатчик? — сказал капитан.

Люк позади них открылся. Вошел помощник капитана и сел в свое кресло.

— Это с новых планет, — сказал он. — У нас таких не делают.

— Он не отвечает, — сказал пилот.

— Как неудобно, — сказал помощник.

— Что делать, — сказал капитан. — Не включать же нам двигатель.

— Послушайте, — сказал штурман. — Объясните же наконец: о чем вы говорите? И почему они идут без огней?

— А зачем ему огни? — сказал пилот.

— Есть же определенные правила.

Пилот пожал плечами.

— Объясните же, — сказал штурман. — Я вижу там только точку. Но вы говорите, что это корабль. А если это корабль, мы должны что-нибудь делать.

— Зачем? — сказал капитан.

— Но ведь вы говорите, что это корабль. Вы гово-

рите, что это чужой корабль. А если так, то мы должны что-то делать. Должны установить с ними контакт. Разве вы не хотите установить контакт?

— Хотим, — сказал пилот.

— В контакте участвуют двое, — сказал капитан. — И мы свое дело сделали.

— Он уходит, — сказал помощник.

— Почему? — сказал штурман. Он смотрел на экран. На экранах ничего не изменилось. — О чем вы говорите?

— Слушайте, — сказал помощник капитана.

Штурман прислушался, но ничего не услышал. Зато он увидел, как вспыхнула яркая звезда на центральном экране, на фоне далеких, слабых, красивых звезд, и как светлая точка на боковом экране двинулась и пошла — сначала почти незаметно для глаза, а потом все быстрее и быстрее, пошла прочь, за край экрана.

— Объясните же наконец, — сказал штурман, — что происходит?

— Выключайте локатор. Уже ничего. — Капитан был спокоен.

Штурман обиженно потянулся к тумблеру.

— Погодите, — сказал помощник. Экраны тихо пели дуэтом. — Какая хорошая песня!

КОСТРЫ СТРОИТЕЛЕЙ

— Не успеем, — сказал Егоров.

— Вы все-таки пристегнитесь, — сказал Бутов. — Скорость большая, мало ли что. Потом — темнеет.

Егоров послушно затянул ремень безопасности. Солнце уже зашло, и, хотя небо на западе еще играло красным, впереди сгущалась ночь. Глайдер мчался над зеленой стрелой шоссе, пронизывающей тайгу. Деревья подходили к самой дороге, но сейчас слились в высокие стены, лес потерял глубину, и осталось только шоссе — бесконечный коридор с искаженной от скорости перспективой.

— А насчет остального не беспокойтесь, — продолжал Бутов. — Будем вовремя, я гарантирую. Мне сегодня еще домой нужно попасть.

Бутов полулежал в водительском кресле, повернув загорелое лицо к Егорову. На дорогу он не смотрел — машина сама их везла. На вид Бутов был настоящий сибиряк, и познакомились они всего два часа назад — Егоров расспрашивал всех на автовокзале, как побыстрее добраться до Станции, никто не мог посоветовать ничего путного, но тут появился Бутов, потащил его к стоянке, толкнул в глайдер, запер снаружи и удалился, сказав: «Ждите. Я скоро».

И ушел. И не появлялся целый час, и это стоило Егорову много нервов, потому что времени оставалось в обрез, и Егоров по инерции нервничал до сих пор.

— А хоть бы и не успели, — продолжал Бутов. — Подумаешь, пуск новой электростанции. Каждый день появляются новые объекты.

— Это не какой-нибудь объект, — объяснил Егоров. — Это Станция, Станция с большой буквы. Станция, которая даст энергии больше, чем остальные электроцентрали мира, вместе взятые.

— Каждый день тоже не какие-нибудь пускают, — возразил Бутов. — Каждый раз что-то новое, что-нибудь «самое». Зачем куда-то спешить? События сами происходят вокруг.

Егоров усмехнулся. Спокойствие Бутова постепенно передавалось ему, и он уже верил, что они успеют вовремя, хотя до пуска оставалось менее получаса, а впереди лежала еще сотня километров с лишним. Но мысленно он был уже на месте. Он знал — что-то произойдет, и хотел при этом присутствовать, и теперь уже верил, что это ему удастся.

— Потом, что вы хотите увидеть? — продолжал Бутов. — Обычная, банальная церемония. Станция заработает — толпа закричит «ура!». Когда «Томь» выигрывает у «Спартака», ликования куда больше.

— Для физика Станция — это уникальный объект с очень высокой пространственно-временной концентрацией энергии, — объяснил Егоров. — Особенно в самом начале, сразу же после пуска, еще до выхода на режим. Здесь может наблюдаться ряд побочных эффектов — новых, совершенно неизученных,

— Почему — неизученных?

— Физики не занимались Станцией, — объяснил Егоров. — Ее строили инженеры, и никто не знает, что произойдет, когда эта энергия начнет выделяться в фиксированной точке пространства.

— Взорвется, что ли? — усмехнулся Бутов.

— Нет, пуск Станции безопасен. Этим как раз занимались, и это доказано. Но освобождение такой ко-

лоссальной энергии исказит геометрию мира. Может быть, это будет длиться мгновение, но так будет.

— Фантазия какая-то. Вы где про это читали?

— Я это считал. Вчера вечером, на клочке бумаги. И сегодня утром, на ЭВМ. Результат, по-моему, любопытен. Как я и думал, пока Станция выходит на режим, возможны ограниченные, строго локализованные нарушения причинно-следственных связей. Как это будет выглядеть, я не знаю. Но это будет.

— А я фантазий не уважаю, — заявил Бутов. — Все помешаны на фантазиях. А что в них такого?..

— Говорят, фантазия будит мысль.

— По-моему, она ее усыпляет, — сказал Бутов. — Если вам надо проснуться, сделайте глубокий выдох. Вберите в легкие лучший воздух Земли и посмотрите вокруг. Вы увидите только лес, тайгу на тысячи километров. И вы можете блуждать по этим лесам целый год, питаться грибами и ягодами, которых здесь уйма, и не догадываться, сколько тонн руды перерабатывается ежесекундно у вас под ногами.

— Да, это хорошо придумано, — согласился Егоров. — Двухэтажный мир. Промышленность в подземелье — остальное снаружи. Мы получаем необходимое сырье, и природа остается нетронутой. Когда-то делали по-другому.

— Когда-то автомагистрали строили из асфальта, — сказал Бутов.

Егоров ничего не сказал, глядя вперед, на дорогу. Наступили сумерки, и травяное покрытие наполовину потеряло свой неповторимый изумрудный оттенок. Гордость сибирских селекционеров — вечное покрытие, мечта дорожестроителей. Когда ее создавали, эта трава предназначалась для футбольных полей. Но оказалась незаменимым дорожным материалом, не имеющим соперников. Конечно, когда над шоссе проносится глайдер на воздушной подушке, все равно — трава или бе-

тон, и то и другое не пострадает. Но если проходит тяжелый трактор или, допустим, танк — плохо придется бетону. А трава примнется, и встанет снова, и ничего с ней не случится.

— Просто счастье, что освоение Сибири чуть-чуть запоздало, — сказал Бутов. — Прежде наступление на новые территории проводилось стихийно, без оглядки на будущее. Результаты вы знаете. А здесь все идет по правилам, по науке, и иначе нельзя. Современная техника — она любую природу в состоянии искалечить. Потом уже не исправишь.

Егоров молчал, глядя вперед. Прямой участок шоссе закончился, дорога плавно вильнула вправо и по широкой дуге вылетела на берег реки. Плотный многотонный поток с трудом угадывался под невысоким обрывом, было уже темно, и только кое-где на черной воде лежали двойные огоньки бакенов.

— Выходит, вы у нас отдыхаете, — сказал вдруг Бутов. Не спросил — сказал утвердительно. Егоров усмехнулся.

— В командировке.

— А то у нас многие отдыхают, — сказал Бутов. — Почти из всех стран мира. И нельзя сказать, чтобы я этого не понимал.

Дорога взлетела вверх, темная лента реки осталась позади, и шоссе вновь превратилось в прямой коридор с отвесными стенами на фоне почти черного неба. Бутов включил дальний свет, по шоссе побежали тени, и вне двух световых цилиндров стало совсем темно.

— Что вы собираетесь делать после пуска? — спросил Бутов.

— Еще не знаю.

— Хотите, заглянем ко мне. В моем хозяйстве много интересного. Все время иностранцев возят, в порядке обмена опытом. Только никакого опыта они не перенимают, восхищаются и грустно вздыхают. У нас,

говорят, так уже не получится. Слишком поздно спохватились, говорят.

— А это далеко? Впрочем, вам незнаком этот термин. Для вас тысячи километров — по соседству.

— Нет, действительно близко. Недавно поворот был. 150 километров, полчаса ходу. Собственно, все эти леса мои.

— Наверное, здесь и родились? Вы, сибиряки, оседлый народ. Живете на одном месте. Или это наше предвзятое, неверное представление?..

— Не знаю, — сказал Бутов. — Мне до настоящего сибиряка далеко. Приезжий я. Москвич, если вам интересно. Окончил лесной институт, направили сюда по распределению. Жена была недовольна. Глушь, говорит. Три года, говорит, жить в этой глуши. И было это 15 лет назад.

В кабине было еще темнее, чем снаружи, темноту подчеркивали зеленые огоньки на приборной панели, и лица Бутова Егоров не видел. А впереди он видел только прямоугольный вырез звездного неба в отвесных стенах тайги и вдруг понял, что небо подсвечено снизу, будто за горизонтом прячется большой город, к которому они приближаются.

— Посудите сами, какая же здесь глушь? — продолжал Бутов. — Глушь — значит глухое место, тупик, и деться некуда. А если здесь глушь, где же тогда простор?..

Егоров не ответил. Сначала ему показалось, что в голосе Бутова мелькнуло сожаление, но потом это ощущение исчезло. Бутов говорил искренне, и иначе быть не могло.

— И еще дети, — сказал Бутов. — Детишкам здесь больно уж хорошо. Поймите меня правильно. Я никого не осуждаю. Центр есть Центр, и природу там сейчас охраняют. Охраняют и лечат, если можно так выразиться. Но во многих местах лечить-то нечего. Ведь лес —

он как лошадь или собака, хорошее обращение любит. А если с кнутом — остается бесплодная земля, прикрытая слоем мусора. Культурный слой, как говорят археологи.

Он надолго замолчал. Егоров тоже молчал, глядя вперед, на слабое зарево в узком проеме дороги. Свечение не усиливалось — скорее наоборот, потому что глайдер вместе с дорогой поднимался сейчас по склону плоского холма, и невидимый источник свечения из-за этого опускался глубже за горизонт. Но через несколько минут глайдер вынес пассажиров на вершину, дорога отсюда полого стремилась вниз, и, если бы был день, перед ними открылась бы вся панорама мира. Но равнина пряталась в темноте, и только громадное здание парило на горизонте, квадратное, белое, озаренное светом прожекторов. Здание, которым кончалась дорога.

Станция.

Дорога стремительно неслась вниз. Здание Станции стояло над горизонтом, выхваченное светом из темноты. Оно плавало над невидимым лесом — белое, как теплоход, громадное, как пирамида, хотя его главные этажи, как подводные части айсберга, уходили далеко в землю. Станция была уже совсем близко, не выдвигалась из-за горизонта, а увеличивалась только за счет приближения. Как стремительный призрак, глайдер мчался вниз над стрелой шоссе, распарывая тьму ножами прожекторов. Стены леса уносились назад, потом впереди под прожекторами сверкнул рыжий комочек, дорога куда-то исчезла, ремни перерезали грудь, а сбоку уже вновь надвигалось шоссе — медленно, страшно. Удар — скрежет металла — мрак.

— Жив?

Егоров открыл глаза. Он лежал на мягкой траве на обочине, по лицу разгуливал ветер, неярко светили звезды. Бутов стоял перед ним на коленях, уже улыбаясь.

— Обошлось, слава богу.

Да, обошлось. Ныло плечо, мысли метались. Рядом на дороге угадывалась темная гряда глайдера. Он лежал днищем вверх, распахнув пасть кабины. В кронах невидимых деревьев шелестел ветер.

— Лисица, — сказал Бутов. — Выскочила на дорогу, машина пошла в прыжок, но...

Бутов махнул рукой. Егоров помнил. Мрак — скрежет металла — удар. Опрокинутое шоссе, рыжее пятно под ножами прожекторов. Но что-то было и раньше.

Он приподнял голову и посмотрел вниз вдоль шоссе. Белый освещенный квадрат отгораживал половину неба. Раньше, из кабины глайдера, Станция казалась ближе. Там, где дорога упиралась в ее основание, все было усеяно разноцветными точками. Люди.

— Потеряла устойчивость, — сказал Бутов. — Скорость, вы понимаете?..

Егоров смотрел вдоль дороги. Что-то произошло. Кажется, свечение вокруг Станции неуловимо изменилось. Нет, там все осталось как было. Что-то произошло, но не там.

Егоров по-прежнему лежал на земле, но одновременно ощущал, как сильный восходящий поток как бы приподнимает его в воздух и уносит высоко вверх — вверх в пространстве и времени, вверх над эпохами и просторами, над людьми, событиями и судьбами — вверх, помогая окинуть взглядом мир, над которым он поднимался. Он поднимался все выше, и все менялось, становясь неоднозначным, туманным, таинственным, и многоликая жизнь текла в каждой клеточке пространства, раскинувшегося вокруг на тысячи километров.

В лесах горели костры. И лес изменился, стал совершенно другим. Вернее, он оставался прежним, но одновременно был первобытным дремучим лесом, древней тайгой, по которой бродили саблезубые тигры и мамонты трубным гласом сотрясали предутренний воздух. И там горели костры.

У костров сидели люди. Одеты в тяжелые шкуры, с каменными топорами на коленях. Красные блики пламени лежали на их волосатых лицах, обращенных туда, где высоко над землей поднималось белое здание Станции. В их глазах была не тревога. Другое, новое чувство.

А немного поодаль по вольной бурливой воде плыли на север казацкие струги под белыми парусами в манящую неизвестность. Казаки гребли, пели песни и одобрительно усмехались, глядя туда, где в ночи вдруг вспыхнуло невиданное доселе сияние.

И уже совсем в другом месте геологи XX века устало смотрели на странный свет, разлитый над горизонтом. А по чистому небу полуночи проносились диковинные летательные аппараты, и прекрасные дети грядущего невесомыми мотыльками стремились к призрачному сиянию, исходившему от работающей Станции.

Так было всюду, по всей территории необъятного края. Станция заработала, и концентрированный поток энергии изменил свойства пространства, сломал время, соединил будущее и прошлое. И люди этой земли — нефтяники и лесорубы, сплавщики и золотоискатели, водители поездов и автомобилей, землепроходцы, охотники, строители — со всех сторон и из всех эпох одобрительно смотрели на дело рук своих потомков, предков и современников.

Потом видение померкло, растаяло, растворилось. Егоров снова лежал на земле, рядом стоял на коленях Бутов, их окружали ночь и тайга, а издалека неслись многоголосый ликующий крик.

— Все, пустили вашу Станцию, — сказал Бутов. Вверху шелестел ветер.

НА ПОПУТНОЙ РАКЕТЕ

Десятикратная перегрузка все так же вдавливала испытателя Юрия Воронцова в окаменевшее кресло, а небо впереди оставалось холодным и черным, лишенным звезд, слабый свет которых терялся в лучах маленького отсюда Солнца, вмороженного в экран курсового телевизора.

Да, оно так и висело там, неподвижное, неприближающееся, хотя, если бы все шло как следует, корабль на своей скорости давно вонзился бы в него или прошел рядом, скользнув по краю хромосферы, и находился бы уже на противоположной границе системы. Нет, уже оставив систему, шел бы сейчас в холодном пустом пространстве, направляя свой бег в ставшее звездным небо, а Солнце превратилось бы в обыкновенную звезду позади.

Однако Солнце не приближалось. Несмотря на то, что Юрий Воронцов вел корабль на немыслимой скорости, расстояние между ним и Солнцем оставалось неизменным, будто оно само обрело фотонный двигатель и удирало вместе со своими планетами, двигаясь по той же программе, что и корабль Юрия Воронцова. Не только Солнце, не только Солнечная система — и звезды, даже ближайšie, оставались на своих местах, а это означало, что вся Вселенная уходит от Юрия Воронцова на десятикратном ускорении, проваливаясь в какую-то гиперпространственную дыру. И угнаться за ней он

не мог, не мог увеличивать и без того предельное ускорение, потому что существовал барьер, переступать который было опасно.

А начиналось не так, все началось как следует, и, когда испытатель Юрий Воронцов, выйдя из внешнего кометного пояса, положил корабль на обратный курс, он не ждал никаких неожиданностей, потому что полет заканчивался — программа была выполнена полностью.

Все было подтверждено — все предварительные теоретические и экспериментальные результаты. Испытания показали, что системы управления и жизнеобеспечения нового звездолета безупречны, энергетические ресурсы неисчерпаемы, что метеоритная защита обеспечивает безопасность субсветового полета даже в таких тяжелых районах, как пояс астероидов и внешняя кометная зона, что тяга легко регулируется, двигатели быстро выходят на нужный режим, а вся система очень перспективна и корабль уже в теперешнем виде вполне пригоден для полета к звездам.

К сожалению, об этом знал пока только один человек — испытатель Юрий Воронцов, и, выходя из внешней кометной зоны, он рассчитывал доставить вскоре на Землю впечатанную в магнитные ленты бортовых ЗУ информацию, чтобы конструкторы корабля смогли порадоваться за свое творение.

Да и сам он с удовольствием отдохнул бы на Земле, вдали от небесных пространств, потому что не такое уж большое удовольствие носиться на субсвете по границам Солнечной системы, где ничего особенного произойти не может. Перемены обстановки нет, все, вплоть до самого ничтожного маневра, идет строго по программе, а если уж случается что-нибудь неожиданное, то это всегда ЧП.

Потому что вот она, неожиданность, — когда до финиша остаются считанные часы, цель вдруг начинает удирать. И ты помимо своей воли оказываешься вовле-

ченным в дикую игру в пятнашки и понимаешь в происходящем только то, что оно совершенно бессмысленно.

И смысла в этом ты не найдешь, как ни ломай себе голову, и нельзя искать причину даже в возможной поломке телевизионных систем, потому что случай, когда испорченный телевизор начинает показывать то, чего нет и чего никогда не было, еще менее вероятен, чем внезапное бегство Вселенной куда-то в тартарары.

И остается лишь мысль, что все это просто галлюцинация.

— Теперь вы можете выключить двигатель, — произнес голос из-за спины Юрия Воронцова. — Двигатель больше не нужен. Он поработал достаточно.

Вот так подтверждаются гипотезы. Можно только пожалеть докторов, не слишком тщательно обследовавших Юрия Воронцова перед ответственным рейсом.

— Этого делать нельзя, — спокойно сказал Юрий Воронцов. — Солнце уйдет еще дальше, и тогда я его точно не догоню.

— Нет, — возразил голос. — Никуда оно не денется.

Голос был безусловной реальностью, он звучал откуда-то из-за спинки кресла, но Юрий Воронцов не оглянулся. На него давил пресс десятикратного ускорения, и даже шевелить языком было нелегко. Кроме того, Юрий Воронцов был скован сложной системой привязных ремней, на распутывание которых даже в невесомости полагалось не менее часа. Но даже если бы ничего этого не было, оборачиваться не стоило. Свободное место за креслом отсутствовало. Его спинка смыкалась с задней стенкой кабины, образуя сплошной монолит.

— Прошу вас, не волнуйтесь, — мягко произнес голос. — Ничему не удивляйтесь и не стройте необдуманных предположений. Это сбережет вас от тяжелого нервного потрясения.

Голос был хорошо поставлен, он звучал вежливо и корректно. Когда-то Юрий Воронцов неоднократно слы-

шал похожие голоса, оставалось только вспомнить, где он их слышал. И все перевернулось, и его наполнило сознание горькой обиды.

Юрия Воронцова просто обманули. Он никуда не летал, не испытывал никакого звездолета и не играл с Солнцем в пятнашки. Вместо этого несколько месяцев он сидел в обыкновенном тренажере на обыкновенной космической станции, а весь этот полет был подделка, фальшивка, обман. Просто кому-то захотелось исследовать влияние фактора неожиданности на человеческую психику. Кому-то это понадобилось. Вот этому самому товарищу с хорошо поставленным голосом. Теперь эксперимент закончен, товарищ собрал материал. Правда, испытателю Юрию Воронцову от этого вовсе не легче.

Бесспорно, такие эксперименты нужны. Но зачем понадобилось на полгода отрывать от работы одного из лучших испытателей Земли? Неужели только затем, чтобы исследовать влияние неожиданности не на человеческую психику вообще, а на психику конкретного человека — испытателя Юрия Воронцова? Отлично, но что же они выяснили в результате своего эксперимента? Только то, что испытатель Юрий Воронцов готов к любым неожиданностям. Но это и так всегда всем было известно.

Правда, разве совсем недавно знаменитый испытатель Юрий Воронцов не сетовал на врачей, недостаточно тщательно обследовавших его перед стартом? Так зачем же судить кого-то, если сам во всем виноват? А двигатель действительно стоит выключить. Хотя какой это теперь двигатель — так, привод от центрифуги.

Юрий Воронцов надавил кнопку, и перегрузка стала ослабевать. Послушный сигнал побежал по проводам к исполнительному реле злосчастной центрифуги, и она выключилась, и заработали магнитные тормоза, и вращение начало замедляться, а здесь, в кабине тренажера,

это ощущалось так, будто тяга постепенно ослабевает. И исчезает совсем.

— Вскоре мне предстоит пересадка, — произнес человек за его спиной, — и я вынужден вас покинуть.

— Буду очень рад, — сказал Юрий Воронцов.

— Понимаю ваше состояние. Тем не менее я оставляю вас только после того, как все объясню.

— Зачем?

— Я считаю это своим долгом.

— Можете не стараться, — сказал Юрий Воронцов. — Я и так все понял.

— Но я хотя бы должен объяснить, как отсюда выбраться.

— Можете не стараться, — повторил Юрий Воронцов. — Я и сам найду выход.

— И как же вы отсюда выберетесь?

— Так же, как и вы, — сказал Юрий Воронцов. — Через дверь.

За его спиной послышался смех.

— Наконец-то я понял, — сказал человек. — Я понял, что вы ничего не поняли, хотя и утверждаете обратное. Посмотрите на экраны.

Юрий Воронцов послушался и впервые за время разговора взглянул на телевизионные экраны.

Картинка там изменилась. Она походила на прежнюю, но некоторые звезды сдвинулись со своих мест, и рисунок созвездий был немного другой. Солнца с большой буквы на экранах не было видно, а вместо него по правому борту горели сразу два — голубые, яркие. Видимо, это было небо одной из ближайших планетных систем.

— У вас хорошая техника, — сказал Юрий Воронцов. — Это что за небо?

— Система звезды Сириус.

— Что ж, качество изображения неплохое, — сказал

Юрий Воронцов. — Вот только цвета немного неестественные.

— У меня мало времени, — нетерпеливо проговорил голос из-за его спины, — но я заставляю вас понять, что мы находимся в системе Сириуса, а вы впервые в истории человечества совершили межзвездный полет.

Самое удивительное, что Юрий Воронцов поверил в это сразу и безоговорочно. Не мог он не поверить этим словам, и снова все перевернулось, он опять находился в кабине своего корабля вместе с неизвестно как поместившимся здесь представителем чужой высокоразвитой цивилизации.

Теперь надо было что-то говорить, потому что упустить такой случай было нельзя, но в голове у Юрия Воронцова все смешалось, и он задал поэтому первый вопрос, который пришел ему в голову.

— Вы говорили о пересадке. Куда вы собираетесь пересаживаться?

— На попутную ракету, — сказал представитель другой цивилизации.

— Куда?

— Я все объясню, только не перебивайте. Сейчас мы находимся в системе Сириуса, а через четверть часа я должен пересесть на попутную ракету, которая доведет меня до Проиона, где я смогу сделать еще одну пересадку на корабль, идущий к центру Галактики. За четверть часа я должен объяснить, как добраться до вашей системы.

Не раз уже Юрий Воронцов опережал человечество. Через его руки прошло большинство современных планетолетов, он первым достиг субсветовых скоростей, первым сел за пульт фотонного корабля. Правда, все это была его работа. А теперь он стал первым человеком, встретившим чужое разумное существо. В этой области он не был специалистом и вряд ли мог принести

людям много пользы. Но он не имел права упускать такой случай.

— Вы видите яркую звезду на экранах левого борта? Это и есть ваше Солнце. В принципе вы могли бы нацелиться прямо туда и идти на максимальной тяге, особенно если торопитесь. Трудность здесь в том, что на трассе есть несколько метеоритных полей, и вам придется их обходить. Сейчас я объясню, как это сделать.

— Не надо о метеоритах, — сказал Юрий Воронцов. — С ними я как-нибудь справлюсь. Скажите лучше, как вы попали на мой корабль?

За его спиной представитель высокоразвитой цивилизации засмеялся.

— Так же, как и вы, — сказал он. — Через дверь.

— А где ваш собственный корабль?

— У меня его нет.

— Как же вы добрались до Солнечной системы?

— На попутной ракете.

— Я не понимаю, что это значит, — сказал Юрий Воронцов.

— Это значит, что маршрут одной экспедиции пролегал вблизи вашей системы и я прибыл к вам на ракете этой экспедиции.

— Понятно, — сказал Юрий Воронцов. — Вас оставили исследовать Солнечную систему, а экспедиция отправилась дальше.

— Приблизительно так.

— А что потом случилось с экспедицией?

— Почему вы думаете, что с ней что-нибудь случилось?

— Они же за вами не вернулись!

— Ну и что?

— Но вы были участником экспедиции. Не могли же они бросить вас на произвол судьбы!

— Откуда вы взяли, что я был участником экспеди-

ции? Просто они меня немного подбросили. Какое им до меня дело?

— Ладно, — сказал Юрий Воронцов. — Но почему же те, кто послал вас к нам, не выделили специальной ракеты?

— Меня никто не посылал.

— Зачем же вы у нас появились?

Представитель другой цивилизации помедлил.

— Вы задали очень сложный вопрос. Чтобы понять это, вы должны знать, какую роль играет туризм в жизни моего народа. Мы — прирожденные путешественники и не можем жить без инопланетных красот. Вам, землянам, тоже нравится путешествовать, но у нас это гораздо сильнее. Вы ограничиваетесь в основном поверхностью своей планеты, космический туризм у вас не культивируется. Мы же без этого не можем, жизнь без перемены обстановки для нас не имеет смысла. А конкретно к вам меня привел мой маршрут, в общем-то достаточно произвольный. Но я доволен — в вашей системе так много прекрасных пейзажей!.. Кольца Сатурна, льды Плутона, металлические реки Меркурия... Да одна Земля чего стоит!..

— Так, — сказал Юрий Воронцов. До сих пор он несколько по-другому представлял себе разумную деятельность других высокоразвитых цивилизаций. На миг перед ним возникла картина — темная ночь и фонарь, вокруг которого носятся глупые мотыльки, светясь отраженным светом. Но усилием воли Юрий Воронцов прогнал видение. Не стоит сгущать краски.

— Так, — повторил он. — Вы прибыли в Солнечную систему, чтобы полюбоваться прекрасными пейзажами наших планет. Но мне до сих пор непонятно, каким образом вы собирались вернуться?

— В смысле продолжить путешествие?

— Пусть так.

— На попутной ракете.

— Так вот оно что! — сказал Юрий Воронцов. Видение вновь вспыхнуло перед его глазами. — Выходит, моя ракета для вас тоже попутная?

Представитель высокоразвитой цивилизации замялся.

— Строго говоря, нет. Но, поймите, у меня не было выбора. Другая ракета прошла бы в вашем районе минимум через несколько лет, а я не мог ждать столько. Я просто умер бы без перемены обстановки.

— Вот оно что, — сказал Юрий Воронцов. — А как удалось заставить меня лететь именно сюда?

— Для подобных целей у меня есть специальное вспомогательное приспособление. Устройство для ввода ложных сигналов в бортовые системы. Вы только не обижайтесь. Все это время вы гнались за воображаемым Солнцем, а в действительности летели к Сириусу. Поймите меня правильно. Разумеется, это крайняя мера, но у меня не было другого выхода.

— Понятно, — сказал Юрий Воронцов. Он чувствовал себя обманутым, но совсем по другой причине. Раньше встреча с чужими цивилизациями рисовалась ему совершенно в ином свете. Мотыльки, думал он, вот они кто. Мотыльки. Бабочки-однодневки.

— И часто вы применяете подобные крайние меры?

— Нет, обычно они излишни. При правильно составленном маршруте ждать почти не приходится.

— Все ясно, — сказал Юрий Воронцов. — Только почему все-таки у вас нет собственных звездолетов?

— Видите ли, у каждой цивилизации свой путь. Мы шли не по линии создания средств передвижения, а разрабатывали различные вспомогательные приспособления. Мы можем становиться невидимыми, невесомыми, мы не нуждаемся в пище и воздухе, мы получаем энергию непосредственно от звезд, у нас есть отличные переводные машины и аппараты вроде того, который я использовал в данном случае. Приплюсуйте к этому факт, что во Вселенной очень много планетных систем,

почти в каждой системе есть своя цивилизация, и почти каждая цивилизация рано или поздно изобретает звездолет. Посудите сами, зачем нам после этого ракеты? На мой взгляд, ракета — просто ненужная роскошь.

— А как относятся к вам другие? Те, на чьих кораблях вы путешествуете?

— По-моему, хорошо. Мы же им не мешаем.

— Даже когда вмешиваетесь в управление?

— Ну, такое бывает редко. И потом — они же в нас тоже заинтересованы. Почти каждая цивилизация почему-то считает своей целью установление контакта с другим разумом. Мы сами предоставляем такую возможность, да и общение с нами не представляет никакого труда. Кроме того, иногда мы даем информацию о различных планетах или что-нибудь еще. Например, вы впервые в истории человечества совершили межзвездный полет.

— В ущерб основной работе, — сказал Юрий Воронцов. — И кому от этого польза?

— Вы ошибаетесь. Вы должны были провести испытания звездолета. Вы провели их в реальных условиях межзвездного полета. От этого выиграли все, в первую очередь создатели корабля. А вы сами? Да вы только посмотрите, какая здесь красота! Взгляните на игру лучей солнц Сириуса! А ведь вы еще не были на четвертой планете.

— Разве вы здесь не впервые?

— Оттого я и тороплюсь. Через пять минут стартует ракета на Прогнон, а следующая будет только через несколько лет. Я бы не смог сидеть в знакомой системе столько времени.

— Тогда я вас не буду задерживать, — сказал Юрий Воронцов.

— Но я могу дать вам информацию о любой системе. У меня есть еще пара минут.

— Может, вас немного подбросить?

— Благодарю вас, уже не нужно. Через минуту ракета на Прочион пройдет в точке, где мы сейчас находимся. Еще раз советую побывать на четвертой планете. Там леса дивной красоты. Прощайте.

В кабине воцарилась тишина.

Вот так он и полетит к Прочиону, подумал Юрий Воронцов. На попутной ракете, с полным комплектом различных вспомогательных приспособлений...

А теперь нужно поймать вот эту изумительную по красоте звезду в центр курсового экрана и ускориться на пределе, потому что надо торопиться, а обходить метеоритные поля необязательно.

Ведь у Юрия Воронцова тоже есть вспомогательные приспособления — безупречный блок управления и метеоритная защита, испытанная во внешней кометной зоне Солнечной системы.

НИТКА БУС

1

Словно разбуженный чудовищным рыком, утес сбросил камни, и они провалились в дымную яму кратера, стремительно уменьшаясь. Гулкая дробь лавины быстро затихла внизу, среди микроскопических копошащихся фигурок. Гаммадонт ревел.

С гребня полукруглого цирка, отрезавшего ущелье от моря, он казался неосторожной сколопендрой, выползшей опасно близко от муравьиного города. Но, уступив оптической силе телеобъектива, декорации театра насекомых рушились, обнажая танцующий ряд туземцев у пойманного в ловушку гиганта.

А стон гаммадонта тряс скалы.

Упорный поток стрел долбил его многоногое туловище, не иссякая. Колючий град бумерангов и факелов, копий и каменных ядер обрушивался на необъятную спину, сжатую предательской щелью. Конец был близок, но потайные центры исполина прятались глубоко под непробиваемой шкурой, служившей ему надежной защитой. И гаммадонт боролся, ворочался в узкой траншее, внезапно возникшей на его обычном маршруте на водопой. Он не сдавался, не понимая, что побежден.

— Так выглядит детство человечества, — сказал телехранителю человек, который следил за охотой из удобного углубления на самом краю цирка. — Но пойдем.

Не следует взрослым слишком долго подглядывать за детьми.

Человек поднялся навстречу холодному ветру с вершин и минуту стоял на краю кратера лицом к пропасти, с наслаждением ощущая, как все тело наполняется упругим дыханием гор. Потом повернулся и зашагал вниз по еле намеченной тропке, проложенной его подошвами за год пребывания на планете. Телохранитель бесшумно шел сзади. Ветер прекратился, как только они спустились на два метра по пологому склону, но далекие перистые облака продолжали вибрировать в его невидимых струях.

Человека, который наблюдал за охотой и шел сейчас вниз по склону, заросшему колючей травой, звали Игорь Горин, он был биологом, участником 3-й Комплексной экспедиции в систему Пратта, расположенную в южных широтах Галактики. Яркая звезда Лега, солнце архипелага, дала жизнь восемнадцати крупным планетам, каждая из которых служила пристанищем и рабочим местом одной из биологических групп, наводнивших систему. Группы были небольшие, по два-три человека, и Игорь Горин направлялся сейчас к заранее условленному месту, чтобы встретиться там со своим напарником.

— У Кости Баскакова странная специальность, — сказал он телохранителю. — Правда? Но говорить ему об этом не стоит.

Впереди сгустились кусты, и телохранитель обогнал Игоря Горина, чтобы расчищать путь. Он ничего не ответил, так как не умел говорить, но Игорь Горин всегда разговаривал с ним, когда они были одни, потому что робот очень походил на стального человека и всегда хорошо выполнял все мысленные распоряжения.

Они быстро миновали полосу кустарника и вошли в лес, совершенно непролазный, отчего здесь была прорублена узкая прямая дорога. Крутизна склона умень-

шилась, он стал почти горизонтальным, и по обе стороны дороги корячились причудливые стволы низкорослых хвойных растений, будто они шли по музею деревянной скульптуры.

Телохранитель снова отстал, чтобы прикрывать спину Игоря Горина, и скоро они достигли конца горизонтального участка. Дорога здесь завершалась обрывом, с которого открывался вид на море и на прибрежные заросли. Отсюда хорошо просматривались миниатюрные строения их временного дома на берегу моря и игрушечная фигурка ракеты в километре от станции.

— Но где же наш бабочник? — сказал Игорь Горин, удобно устраиваясь на траве рядом с обрывом. — Что-то он сегодня задерживается.

Вверху, далеко в зарослях, послышался шум, и, повернувшись на звук, Игорь Горин увидел своего напарника Костю Баскакова, который быстро скользил по кронам приземистых деревьев, будто спускался на роликовых лыжах по густому покрову леса. Он сделал несколько поворотов и выкатился на расчищенное место совсем близко от Игоря Горина. Лыжи, конечно, отсутствовали. Костя Баскаков прыгнул с головы своего стального телохранителя и с наслаждением потянулся.

— Ты прямо как цирковой наездник, — сказал ему Игорь Горин.

— Им до нас далеко, тысяча парсеков, — сказал Баскаков, устраиваясь рядом. — Устал. Шар отнесло в горы, пришлось за ним лазить. Зато собрал почти тонну. Я их пока там и оставил. А ты из стойбища?

Напарник Игоря Горина был энтомологом и занимался сбором насекомых в специальные ловушки, которые запускал на аэрократах вверх в атмосферу. Аборигенам Гаммы, легийцам, очень нравились прозрачные баллоны, они принимали их за какие-то диковинные небесные тела, вроде Луны, и величали поэтому Костю Баскакова не иначе как Верховным Повелителем Сфер.

Игорь Горин считался существом рангом пониже, чем-то вроде посредника между богами и смертными.

— Нет, — сказал Игорь Горин, — В стойбище сегодня нельзя. Я наблюдал за ними сверху, с гребня цирка.

— А что случилось?

— Они изловили гаммадонта.

— Жертвы были?

— Нет.

— Ну так будут, — заявил Баскаков. — Разгул кровавых инстинктов, сопутствующий охоте, неизбежно влечет за собой драку и смертоубийство. Особенно у дикарей.

— Зачем ты так говоришь? Это ведь дети, молодость человечества.

— Ничего себе дети, — сказал Баскаков. — Обыкновенные взрослые дикари. Вот сейчас твои дети поймали зверя. Месяц рыли яму, сколько труда угробили! Но приди туда завтра, когда страсти остынут, и за несчастную нитку бус они отдадут тебе добычу. Разве это разумно? Зачем дикарям бусы?

— Они им нравятся, — сказал Игорь Горин. — Детям свойственна непосредственность. Если ребенку приглянулась вещь, до которой можно дотянуться, он ее хватает.

— Все равно форменные дикари, — упорствовал Баскаков. — То ли дело наши роботы. Кстати, я до сих пор не понимаю, отчего твой телохранитель не подчиняется моим мысленным командам? И наоборот.

Игорь Горин усмехнулся.

— Такова особенность телепатического привода. Каждый робот настроен на мозг своего хозяина.

— Почему же корабельные роботы подчиняются чьим угодно приказам?

Игорь Горин опять усмехнулся.

— Все системы корабля, в том числе и роботы, выполняют желания того, кто сидит в командирском крес-

ле, под колпаком. Технические подробности тебя интересуют?

— Нет, — сказал Баскаков. — Меня интересует принцип. Принцип — привилегия принцев.

— Тогда пошли к кораблю. Принцы на свидание не опаздывают.

— Куда спешить? — возразил Баскаков. — До стоянки минут двадцать. До орбиты еще сорок пять. Плюс мелочи. А что делать оставшиеся три часа?

Игорь Горин посмотрел на ракету, похожую на шахматную фигуру из карманного комплекта. Обрыв был крутой, каменистый, но вниз вели ступеньки, вырубленные стальными ногами роботов.

— Нужно проверить бортовые системы.

— Действительно, — сказал Баскаков. — Я совсем забыл. Там что-то с внешним люком. Когда я уходил... По-моему, он не закрылся.

— Видимо, опять неисправность внешнего приемника, — сказал Игорь Горин. — Придется поковыряться, но ничего, починим. Было бы хуже, если бы он вышел из строя при закрытом люке. Заявку на новый приемник я, кажется, подал.

— Ясно, — сказал Баскаков и полез на голову своего телохранителя.

— Погоди, — сказал Игорь Горин. — Смотри. Нет, рядом с кораблем. Там что-то шевелится.

— Один из твоих размалеванных дикарей, — сказал Баскаков, приглядываясь. — Явился за обещанными бусами. Дай-ка что-нибудь оптическое.

Игорь Горин протянул ему бинокль, а сам приставил к глазу окуляр кинокамеры.

Легионец стоял рядом с ракетой. Он был мускулист, мощные руки свисали почти до земли. Он обернулся, показав широкую физиономию, покрытую рыжей растительностью.

— Знакомая личность, — сказал Игорь Горин. — Кого он мне напоминает?

— Этого, басовитого, — отозвался Баскаков. — С базы.

Игорь Горин засмеялся.

— Действительно похож.

— Наследственность, — пояснил Баскаков. — Общий генетический фонд. А что, если ему вздумается не пускать нас в корабль? Впрочем, у нас телохранители.

Он снова полез на работа и вдруг повернул к Игорю Горину встревоженное лицо.

— Послушай, — сказал он. — А люк-то не заперт.

2

Урс отделился от дырявой стены леса. Притворился зверем. Молния стояла тихо. Небо спало, закрыв глаз облаками.

В Молнии узкая щель. Там пещера. Там живут боги. Там есть шарики, соединенные, как змея.

Звери боятся пещер, где живут люди и боги. Зверь не сможет войти в пещеру богов.

Урсу нужны шарики. Он подарит их Лаа.

Люди не обижают богов, когда те приходят в стойбище. Боги и люди — братья, сказали боги. Надо перестать притворяться. Молния не успеет ужалить Урса.

Урс, снова став человеком, прыгнул в пещеру.

Шариков нигде нет. Пахнет богами. В стенах пещеры дыры, заделанные прозрачным камнем. Кусты волнуются не только от ветра. Там идут большие хищные звери.

Нет, это возвращаются боги. Страшно. Боги и неживые люди. Боги покарают Урса. Сделают его неживым человеком. Нельзя, чтобы боги добрались до Урса.

Щель пещеры исчезла. Выход закрылся, как рана зверя. Боги поймали Урса в ловушку.

Неживые люди приближаются, чтобы связать Урса. Надо остановить неживых людей. Пусть станут мертвыми, как камни.

Огонь, вырвавшись из пещеры богов, поразил неживых людей. Упали на землю. Нужно вернуть их богам, чтобы простили Урса. Подарили шарики Урсу.

Молния послушалась Урса. Два неживых человека выпрыгнули из пещеры богов и отнесли мертвых неживых людей к богам в тень леса. Это помощники Урса. Они вернулись в пещеру.

Молния слушается Урса!

Но Урс убил помощников богов. Боги гnevаются на Урса. Деревья рассказали им многое. Как покарать Урса, одолеть Урса, сделать Урса неживым человеком. Надо бежать в стойбище, к Лаа.

Молния послушалась Урса. Взлетела, как птица, чтобы выклевывать глаз неба. Направилась к стойбищу, к Лаа.

Молния слушается богов. И она слушается Урса.

У богов были помощники. Теперь они служат Урсу.

Возможно, Урс сам стал богом и ему следует жить на небе?

3

— Нет, не отвечают, — сказал Серов. — Глушь.

— А в локаторе?

— Бесконечность.

— Ладно, — сказал старший пилот ракетобуса «Лунь» Вершинин. — Дадим им еще полчаса. Не возражаете?

— Мы-то нет. Но вот пассажиры...

— А что пассажиры?

— Пассажиры пассажирят, — отозвался Птицын, как всегда, непонятно.

Задачей грузопассажирского ракетобуса «Лунь» было раз в квартал развозить по системе Леги людей и припасы. Сейчас ракетобус ждал на условной орбите близ пятнистого шара Гаммы. Но randеву откладывалось. Местный орбилет не появлялся.

— Мне не нравится твоя беспечность. Люди опаздывают на час. На стоянке ракеты нет. Ни станция, ни ракета не откликаются. Вдруг с ними что-нибудь случилось?

— Просто промазали, — сказал Вершинин. — С телепатическим управлением всегда так. Подумал немного не то — и привет.

— Тогда продолжим. Тема — телепатия. Твоя очередь, Алексей.

— Опять? — удивился Вершинин. — Ну ладно. В прошлом веке биоусилителей не существовало, и первые эксперименты по передаче мыслей на расстояние были обречены на неудачу. Однако в некоторых сериях по передаче карт Зенера процент угадываний намного превышал значение, рассчитанное по теории вероятностей.

— Закон направленного отбора, — сказал Серов. — Ученые, получавшие положительные результаты, публиковали их, а остальные прекращали исследования и переклювались на что-нибудь другое.

— Верно, — согласился Вершинин. — Но, поскольку количество остальных было никому не известно, оценить величину предполагаемого эффекта не удавалось. У некоторых даже возникли сомнения в применимости математической статистики к расчету подобных вещей. Тогда поставили машинный эксперимент. Электронный компьютер должен был отгадывать цифры, которые считывались подряд из случайной таблицы. Отработанная информация вводилась в машину, чтобы та могла строить стратегию. Сначала число совпадений в пределах погрешности соответствовало теоретико-вероятностному

прогнозу. И вдруг компьютер стал угадывать все задаваемые цифры.

— Ну и ну. Машина-телепат. Мистика. А в чем разгадка?

— Никакой мистики, — сказал Вершинин. — Оказалось, что несколько лет назад именно этот компьютер составлял ту самую таблицу. Он откопал ее у себя в памяти, заметил совпадение и заработал в режиме мага.

— Что ж, годится, — сказал Серов. — Получай свои два очка. Теперь твоя история, Гриша.

— Я не государство, — отозвался Птицын. — У меня вопрос. Вы знаете, что такое телепат?

— Выкладывай.

— Вид ничьей в шахматной партии на расстоянии.

— Остряк ты, Гриша, — сказал Вершинин. — Зачем? Впрочем, ничего другого от него все равно не дождешься. Твой ход, Юра.

— Дай осмотреться, — сказал Серов. — Что-то не появляются. Может, сбросим груз в контейнере? У нас есть прекрасные сферические контейнеры. Человек поместится, не то что груз. Заложим и сбросим. Как?

— Это распаковывать ящики, — сказал Вершинин. — Да еще угодим в море. Ну его, лучше подождем этих. И вообще не отвлекайся. Твоя очередь.

— Помню, — сказал Серов. — Значит, так. Телепатическое управление сначала испытывали на животных. Построили симпатичный летательный аппарат, антиграв, кажется, и стали сажать под колпак представителей фауны. Крыс, кроликов и так далее. Заодно получили возможность изучать их сокровенные желания по классу перемещений. Поначалу ничего выдающегося не было. Вот только курица несколько часов носилась в небе с ласточками. Была у нее, оказывается, такая мечта. А потом под колпак посадили обезьяну. Шимпанзе по имени Шимп. Продолжать?

Вершинин показал Серову кулак. Тот продолжал:

— Ну, аппарат постоял, постоял, да и улетел. А куда улетел, не заметили. Оператор на кого-то загляделся. Сигнал исчез. Что делать? О чем может мечтать шимпанзе? Об Африке, о бананах. Снаряжают экспедицию в Африку. Нет нигде старины Шимпа. Как сквозь землю провалился. Дальше рассказывать?

Вершинин снова показал кулак.

— Словом, нашли его только через неделю. Знаете где? На Луне, возле кратера Архимед.

— Архиложь, — немедленно среагировал Птицын.

— Святая правда, — сказал Серов. — Значит, была у старика Шимпа такая сокровенная мысль. Глядел он ночами на Луну из клетки зоопарка и мечтал...

— Животное погибло? — прервал его Вершинин.

— Что ты, — сказал Серов. — Это-то они предусмотрели. Герметичность, двухмесячные запасы... А вдруг зверюге захочется искупаться в Мировом океане?..

— Тогда все в порядке. Согласен на ничью. Какая у вас следующая тема? Пришельцы?

— Погоди, начальник, — сказал Серов. — Не заводись. Мы все-таки на работе.

Он показал на экран локатора.

— Появился наконец, голубчик. Только идет как-то странно. Зачем-то рыскает.

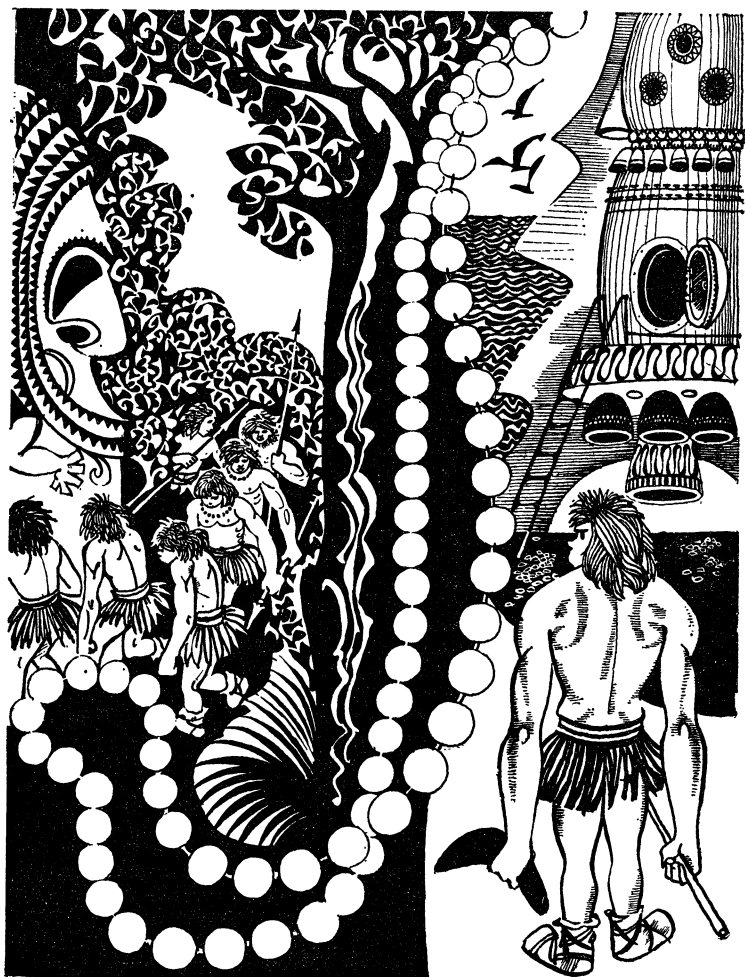
— Телепатическое управление, — объяснил Вершинин. — Я как-то попробовал. Не успеешь подумать, а тебя уже ведет, как утопленника. Но не будешь же каждого обучать нормальному пилотажу. Они что-нибудь передают?

— Нет, — сказал Серов, глядя на панель радиостанции. — Глушь. Но маневрируют своеобразно. Так нам и часа не хватит.

— Может, поможем?

— Да, — сказал Птицын. — Руки на пульт.

— Что такое?

— Он предлагает пульту руку и сердце, — перевел Вершинин. — Присмотри за рацией. Давай, Гриша.

Ладони Птицына неподвижно лежали на клавиатуре. Он смотрел на экран локатора. Его пальцы дрогнули. Ракетобус развернулся вдоль местной вертикали, носом к планете.

— Здорово, — сказал Серов. — Никогда не смогу вести машину слепым методом. Обязательно ошибусь.

— Смотри за рацией, — сказал Вершинин.

Планета внизу была испещрена облаками, опоясана кругом радуги. Сквозь голубое небо просвечивали пятна лесов, лысины пустынь, четкий изрезанный силуэт береговой линии.

— Тридцать девять, — непонятно сказал Птицын.

Возник вес.

— Ноль, — сказал Птицын.

Пол провалился. Ракетобус снова встал параллельно пятнистой стене Гаммы.

Из радуги на горизонте показалась блестящая точка.

— Тютелька в тютельку, — сказал Вершинин. — Молодец, Гриша.

Сверкающая точка над прозрачным провалом атмосферы приближалась, приобретая очертания стандартного орбилета среднего тоннажа.

— Так ничего и не передают?

— Нет.

— Странно, — сказал Вершинин. — Ну ладно. Здесь пока не нужен. Пойду предупредить пассажиров. Смотри за рацией. Я быстро.

— А вводные? — сказал Птицын.

— Я сейчас вернусь, — сказал Вершинин. — Работайте, ребята.

Он отстегнулся, встал с кресла и пошел к выходу, неловко переступая ботинками со специальными подошвами, пристающими к полу. Неприятный метод перемещения, хотя есть и любители. На базе регулярно прово-

дятся соревнования по ходьбе на этих самых подошвах. Рекорд — пять минут на стометровке.

Прикрыв дверь кабины, Вершинин очутился в круглом, как труба, десятиметровом коридоре, вдоль стен которого тянулись поручни, облегчавшие передвижение. Изредка из стен выступали люки пассажирских и грузовых помещений. Пассажиров было двое, они следовали до Дзеты, чтобы сменить улетающих в отпуск. Пассажиры жили в последней каюте и, по выражению Гриши Птицына, «пассажирили», то есть не занимались ничем существенным. Сейчас их следовало предупредить, хотя стыковка у Птицына всегда проходит без осложнений. Просто так, на всякий случай.

Вершинина бросило в стену туннеля, когда он не миновал еще и полпути. Руки крепко ухватились за поручень. Что-то они рано колобродят, мелькнула мысль. Вес на секунду исчез, и вдруг коридор стал глубоким колодцем. Вершинин повис над ним на поручне, соскальзывая вниз, ища ногами опору. Тяжесть не исчезала.

Уходят на полной тяге, определил Вершинин, пять метров, расшибусь в лепешку, надо держаться. Ноги нащупали крышку люка. Кажется, склад контейнеров. Он стоял, прижавшись лицом к стене. Тяга не ослабевала.

Что они? Услышали SOS? Тогда это надолго, но вроде не от кого. Или увидели летающее блюдце? Или что? Что там у них происходит?

Тяжесть исчезла. Вершинин пополз по стене коридора, крепко сжимая поручень, ожидая возобновления работы двигателей. Пассажиры? Ничего с ними не случилось. Каюта тесная, отделались легким ушибом. Но вот наконец дверь кабины.

— Что происходит? — спросил Вершинин, закрывая ее за собой.

— Происшествие, — сказал Птицын.

— Бред, — сказал Серов. — Во сне не приснится.

— Почему вы от них сбежали?

— Это не они, — сказал Серов. — Они окопались на станции. Я с ними разговаривал. Ракетой управляют легийцы.

— Местные астроантропы, — пояснил Птицын.

Не в форме сегодня ребята, подумал Вершинин. Он опустил в кресло. Ракетобус «Лунь» уходил прочь от Гаммы, в пустое звездное небо.

— Вас разыграли, — сказал Вершинин. — Так всегда делают. Один полетел, а другой остался на станции, чтобы устроить розыгрыш. Это ему удалось.

— Они оба на станции. Я разговаривал с обоими. В основном, правда, с Баскаковым. Но и с Гориным тоже.

— А кто пилотирует орбилет?

— Я же объясняю, легийцы, — сказал Серов. — Ракету оставили незапертой, они проникли туда и остались наедине с биоуправлением. Как старина Шимп.

— Вы шутите?

Но они не шутили. Вершинин рассмеялся.

— Чего же вы испугались? Несколько любопытных туземцев забрались в ракету, чтобы прокатиться. Пусть себе катаются. Это смешно, а не страшно. Только надо будет снять их оттуда.

— Их снимешь, — сказал Серов. — Это же...

— Роботоеды, — сказал Птицын.

— Точно подмечено, — сказал Серов. — Они напали на биологов и вывели из строя двух роботов-телохранителей. Сейчас люди укрываются на станции. Атака может возобновиться в любой момент.

— Вывели телохранителей? — переспросил Вершинин. — Чем — дубинками?

— Противометеоритными лазерами, — сказал Серов. — Понял, начальник? Ла-зе-ра-ми. Лазерами. Есть там такие установки. Кстати, дальнобойные.

— А они разве тоже управляются телепатически?

— Конечно. Кнопок там нет. Подумал — и порядок.

— Но как может машина причинить вред человеку? Серов пожал плечами.

— Почему бы и нет? Машина не рассуждает. Ты командуешь — она подчиняется.

— И нет никакой блокировки?

— Зачем? Автоматика не рассчитана на воинственных легийцев, — сказал Серов. — Имеется только автоблокировка. Так что бортовые системы в безопасности. Например, корабельные роботы.

— Так у них есть и роботы?

— Конечно. Мощные универсальные роботы с ракетными двигателями. Совершенно беспрекословные.

— Но зачем они забрались в небо?

— Уж не знаю, — сказал Серов. — Видимо, надоело быть роботоедами, как говорит Гриша. Решили податься в ракетоеды.

Так, подумал Вершинин, ну и ситуация. Голова кружится. Доигрались, растяпы.

— Какие у них ресурсы?

Серов пожал плечами.

— Как у всех. Неограниченные.

— Ладно, — сказал Вершинин. — Людей-то мы выручим, спустим бот. Рискованно, но что поделаешь. Впрочем, у нас тоже есть кое-что. Маскировка, дымовая завеса... Но как быть с орбилетом? Так это дело не оставишь. Войдут во вкус, начнут пиратствовать по системе. Сколько их там?

— В точности неизвестно. Они видели одного, но может быть любое количество.

— Двадцать пять, — сказал Птицын.

— Нет, меньше, — сказал Серов. — Кабина маленькая, легийцы здоровые, мускулистые. Не поместятся.

Вершинин повернулся к Птицыну.

— Чего двадцать пять?

— Километров, — сказал Птицын.

— Что такое? — сказал Серов. — Господи, да они за

нами гонятся! Этого только не хватало. Сидят на хвосте, как заправские китобои.

Вершинин посмотрел на экран локатора.

— Пусть, — сказал он. — Так даже лучше. Отвлечем внимание. Оторваться при желании мы всегда сможем. Кто поведет бот?

Птицын встал со своего места.

4

Кабина ракетобуса «Лунь» была рассчитана на трех человек, но сейчас, кроме членов экипажа и только что доставленных со станции биологов, сюда втиснулись оба пассажира до Дзеты, и свободной оставалась только прозрачная передняя стенка. Ракетобус шел по орбите кормой вперед, чтобы можно было наблюдать за следовавшим в нескольких километрах орбилетом.

— Этот вариант отпадает, — сказал Вершинин. — Помощи нам ждать неоткуда. Мы должны сделать это своими силами.

Все посмотрели назад, на игрушечную фигурку, купавшуюся в бесплотных слоях верхней атмосферы.

— Здорово наловчились, — сказал Серов.

— Ничего удивительного здесь нет, — сказал Горин. — Мы мыслим словами, а машина воспринимает образы. Образное мышление лучше всего развито у племен, живущих в постоянном контакте с природой. И, разумеется, у детей.

— Опять заладил, — сказал Баскаков. — Дети да дети. Скажи еще — ангелочки.

— Давайте не будем отвлекаться. Нам нужно найти решение.

— Чего там думать? — сказал Баскаков. — На войне как на войне. Рубануть лазером, да и дело с концом.

— Ты понимаешь, что ты говоришь?

— Ваш товарищ просто не подумал, — сказал Вершинин. — Об этом не может быть и речи. Какие еще предложения?

— Почему бы не послать роботов? — сказал Серов. — Они сами все сделают.

— Один раз посылали, — возразил Баскаков. — Получилась куча металлолома. По-моему, достаточно.

— Опять отпадает, — с сожалением сказал Вершинин.

— Мне кажется, что главное — проникнуть внутрь грузового отсека, — сказал один из пассажиров до Дзеты. — Дальше задача допускает простое решение.

— Но как туда проникнуть?

— Есть предложение, — сказал пассажир до Дзеты. — Я одеваюсь в скафандр, вы сбрасываете меня за борт, я притворяюсь мертвым, им становится любопытно, они меня подбирают, чтобы получше рассмотреть. Я оказываюсь внутри корабля и навожу порядок.

— Не понял, как вы попадаете внутрь.

— Это как раз ясно, — сказал Вершинин. — Его вташат роботы. Но что, если их человек пять?

— Они не знают самбо, — сказал пассажир.

— А если они вас для профилактики резанут лазером? — предположил Баскаков.

Пассажир не ответил.

— Здесь есть рациональное зерно, — сказал Серов. — Смысл в том, чтобы применить хитрость. Необязательно притворяться мертвым. Можно спрятаться в какую-нибудь вещь, которая им понравится.

— В непарнокопытное животное, выполненное из досок, — предложил Птицын.

— Правильно, — сказал Серов. — Метод троянского коня. Идеи не умирают.

— А вдруг они посмотрят на вас в телескоп и заподозрят неладное?

— И лазером, — добавил Баскаков.

— Ну нет, — сказал Вершинин. — Чтобы задействовать телескоп, нужно отдать совершенно недвусмысленное мысленное приказание, это не так просто. Даже Юра, по-моему, не умеет.

— Не спорю, — сказал Серов. — Словом, предложение мне нравится. Только нужно действовать наверняка.

— То есть? — поинтересовался Баскаков.

— Вам лучше знать, — сказал Серов. — Это вы с ними общались. Я предлагаю принцип. Есть же у них к чему-нибудь слабость. К каким-нибудь креслам, цистернам...

Баскаков неожиданно засмеялся.

— Они любят бусы.

Вершинин посмотрел на второго биолога, Горина. Тот молча глядел наружу, на далекую фигурку ракеты. Ракета была как игрушечная.

— Да, за бусы не спрячешься, — сказал кто-то.

Горин повернулся к Вершинину.

— Я знаю, как сделать это, — сказал он. — Мне нужны добровольцы. У вас не найдется несколько лишних грузовых контейнеров?

5

Урс стоял на корточках у стены, сжимая в ладони шарики, пряча лицо от богов. Боги обманули Урса. Одолели Урса. Сидели в мягких сиденьях и разговаривали. Советовались, как лучше наказать Урса.

— Все, счастливой орбиты, — сказал в микрофон Игорь Горин. — Спасибо за помощь. Всего хорошего.

— Счастливой посадки, — отозвалось из динамика.

— Толкаюсь, — предупредил Баскаков.

Короткий лязг расстыковки, и орбилет начал падение в небо планеты. Ракетобус «Лунь» уменьшался, в его кормовой части вспыхнуло пламя, и он ушел за иллюминатор, продолжая прерванный путь к Дзете.

— Ничего не забыли? — озабоченно спросил Баскаков. — Груз взяли, почту взяли...

Он посмотрел на легийца в углу у люка.

— Все на месте. А теперь рассказывай, как ты нашёл такое решение.

— Я его не искал, — сказал Игорь Горин. — Когда ты заговорил о бусах, я смотрел на ракету в иллюминаторе. Она была совсем крошечная, и мне вспомнилось, как один маленький мальчик сказал, показывая на далекую дорогу: «Вон идет игрушечный автомобиль». Понимаешь? Сферический контейнер издали выглядит бусинкой, а десять соединенных вместе контейнеров неотличимы от ожерелья. Детям свойственна непосредственность. Раз выглядит — значит, так оно и есть.

— Ясно. Но почему он не среагировал, когда роботы подтащили «бусы» к ракете?

— Абориген решил завладеть желанными бусами. Корабельные роботы немедленно бросились исполнять приказ, схватили контейнеры вместе с содержимым и потащили к кораблю. Когда легиец понял, что это не то, ему захотелось избавиться от нежелательных предметов. Но бортовые лазеры не могут причинять вред корабельным роботам. Из-за противоречия сработала автоблокировка, и пульт на некоторое время отключился. Роботы, выполняя старое распоряжение, втащили нас в грузовое отделение. Дальше ты знаешь не хуже меня.

— Да, он молодец, — сказал Баскаков. — Уметь проигрывать тоже искусство. Но он получил что хотел.

Орбилет пробил облака, спланировал, повис над поляной и медленно опустился. Люк широко распахнулся. Легиец выпрыгнул наружу. Некоторое время он стоял неподалеку, принимаясь и прислушиваясь.

— Досталось бедняге, — сказал Баскаков. — Теперь не скоро забудет.

— Наоборот, свежие впечатления очень быстро вытеснят прежние. Это же дитя природы, ребенок с прекрасным будущим.

Урс стоял на краю Небесного Ожога, вдыхая ветер, выветривая из себя запах пещеры богов. Потом растворился в зарослях.

Он нес шарики Лаа.

НЕНУЖНОЕ — УНИЧТОЖИТЬ

1

Голос робота-информатора:

— Лифт-экспресс на систему Пратта отбывает с главной платформы.

И — старт. Тяжелые створки люков отделили пассажирский салон от людных лунных перронов. Пассажиры занимались своими делами. Все стояли, сидячие места отсутствовали. Потом люки открылись, и Дымов вместе с другими вышел под небо Дельты.

Оно напоминало земное, лишь место Солнца занимала Лега, звезда синего света. Архипелаг Пратта. Есть системы побольше, но все 18 здешних планет относятся к земному типу, а многие окружены кислородными атмосферами и пригодны для жизни человека. Хотя первая экспедиция побывала в окрестностях Леги два века назад, человечество лишь недавно взялось за освоение архипелага.

Дымов шагал по улице под ослепительно синим небом. Он знал, что нетронутые, заповедные уголки сохранились на всех планетах системы, названных по традиции буквами греческого алфавита. Альфа, Бета, Гамма... Каждая по-своему хороша, но королева, бесспорно, Дельта.

Почти такая же, как Земля. Светлый и добрый мир. Степи, моря, леса. И всего миллион жителей.

Улица спускалась от аэровокзала в город. Мимо изредка пролетали машины. Люди на улицах гуляли — счастливые, беззаботные. Двухместный киберт обогнал Дымова, свернул к тротуару, затормозил. Из кабины вылез человек. Совсем другой человек. Он был на работе, чувствовалось.

Он ждал на краю тротуара, шурясь от яркого света. Потом остановил Дымова жестом руки.

— Вы Дымов, не так ли? Моя фамилия Крамаренков, я представитель Совета. Нам требуется ваша помощь.

2

— О других происшествиях я не подозревал, — сказал Дымов. — Конечно, у вас есть места, в которых небезопасно. Но люди там вооружены, соблюдают осторожность. Я думал, вы говорите о Дзете.

В течение последних десятилетий на Дзете размещались экспериментальный полигон и несколько генетических лабораторий. Здесь создавали и испытывали образцы флоры и фауны, которыми предполагалось заселять миры, непригодные для обычных форм жизни. В прошлом году на Дзете что-то произошло, свидетелей не осталось, планету объявили закрытой, и теперь даже космические корабли обходили ее стороной.

— Дзета... — повторил Крамаренков. — На Дзету нам с вами рано. Что вы знаете об Эпсилоне?

— Ничего, — признался Дымов.

— Неудивительно, — сказал Крамаренков. — Когда нога человека ступила на планеты архипелага, Эпсилон был мертвым каменным шаром.

— И там есть для меня работа?

— Теперь да, — сказал Крамаренков. — Двадцать лет назад генетики с Дзеты создали скалоеда — существо, способное жить в любых условиях.

— Они действительно едят скалы?

— Они пожирают все, — сказал Крамаренков. — И все, что попадает к ним внутрь, превращается в кислород и выделяется в атмосферу. За сутки такое животное перерабатывает сотни тонн. Полюбуйтесь.

Крамаренков положил на стол фотографию. Дымов содрогнулся. На него смотрела пасть, похожая на про- пасть.

— И ваши генетики заселили этими тварями Эпсилон?

Крамаренков кивнул.

— Да. Они мечтали дать человечеству новую Землю. Много новых земель. Эпсилон был первым опытом.

— Я слышал, что для подобных экспериментов предполагали использовать бактерии, — сказал Дымов. — Но высшие животные... Сколько же их нужно, чтобы создать атмосферу в приемлемые сроки? Биллионы?

Крамаренков молча кивнул.

— Тогда мне непонятно, как вы решили проблему доставки.

— Вы недооценили наших ученых, — сказал Крамаренков. — Скалоед не просто живая фабрика. Это шедевр прикладной генетики. На Эпсилон завезли всего несколько животных, но они размножались, как инфузории. Планета получила воздушную оболочку за считанные годы. Теперь там леса, степи...

Он замолчал.

— В чем же дело? Заселяйте ее.

— Пока это невозможно, — сказал Крамаренков. — Скалоеды. Именно поэтому нам нужен ваш карабин.

Дымов усмехнулся.

— Биллионы карабинов.

— Нет, — сказал Крамаренков. — Генетики с Дзеты умели работать. Первые скалоеды жили около пятнадцати лет. В следующих поколениях их жизнь укора-

чивалась. Темпы размножения падали. Искусственный генкод. Запрограммированная эволюция. К настоящему времени стадо должно было полностью исчезнуть. Но этого не произошло.

— Почему?

— Мутации, — объяснил Крамаренков. — Когда идет лавина, всего не предусмотреть. К счастью, сохранилось лишь несколько десятков. Но мы не знаем, сколько им осталось жить.

— Понятно, — сказал Дымов. — Но вы уверены, что это необходимо?

— Да, — сказал Крамаренков. — Вы видели фотографию. Они пожирают все. Один такой монстр опаснее дюжины ваших людоедов.

— И ждать вы не можете?

— Мы ждали пять лет. А теперь еще Дзета. Наш долг — довести до конца дело погибших.

— Ладно, — сказал Дымов после короткой паузы. — В конце концов, вам виднее. Это работа для одного?

— Нет, вас будет трое. Руководитель группы — наш промысловик, профессионал. Второй — доброволец, появился в последний момент. Спортсмен. Прилетел сюда с кучей лицензий.

— Спортсмен? — переспросил Дымов.

— Других вариантов не было. И мне показалось, он не так плох. Во всяком случае, стрелять он умеет.

— Думаете, это главное? — сказал Дымов.

3

Видеть это они не могли, но казалось, чувствовали напор и медленное сгущение бесплотного вначале воздуха, горение абляции, сплетение ударных волн в море огня. И наконец — рывок и стремительное змеение тормозного парашюта.

— Внимание, — сказал радиоголос пилота, сбросившего их высоко на орбите.

Но они были готовы заранее, все трое давно уже готовы к тому, что через секунду капсула развалится на четыре отдельных обломка, тремя из которых будут они сами, а четвертый уйдет встречать их на незнакомой земле.

Капсула спускалась наклонно, почти над намеченной точкой, замедляясь. Ленточный парашют знал свое дело. Взрыв.

Все смешалось и изменилось. Дымов остался один в необъятном небе, и лямки на его плечах ослабли, потому что исчезла тяжесть давившего на них груза, но ему казалось, что ремни стали ему велики и он сейчас вывалится из парашюта. Так длилось вечность, а потом его потянуло вверх.

Далеко внизу расцвели купола грузового контейнера. Небо было синее, незагрязненное. Другие двое висели рядом, играя стропами, целясь на груз.

Земля долго не приближалась, но рванулась наконец вверх, уносясь за спину, зеленая, травянистая, а потом был толчок согнутыми ногами, короткий горизонтальный полет за ветром и парашютом, и листья травы за прозрачным стеклом шлема.

Потом усмирненное полотнище лежало белым пятном на лугу, а Дымов стоял над ним с открытым забралом, вдыхая воздух планеты, которую он и другие двое должны были сделать пригодной для заселения.

4

В лесу затрещало. Рука привычно потянулась к карабину. Остановилась. Из кустов появился Горский. Вид у Горского был измученный. Его элегантный охотничий костюм был выпачкан белой каменной пылью.

— Пустой номер, — произнес он.

Он устало опустился рядом с Дымовым.

— Пустой номер, сэр, — повторил он. И замолчал.

— Вы что-нибудь видели? — спросил Дымов. Горский вздрогнул, очнувшись.

— Видел ли я что-нибудь? — Он усмехнулся. — О да. Но все равно — это пустой номер.

Он снова замолчал, и Дымов не стал его торопить. Собственно, Горский и так все сказал.

— Настоящее кладбище динозавров, — произнес наконец Горский. — Но динозавров, которые вымерли перед самым вашим появлением. Я не знаю, что видели вы, и где вы были, и какие эмоции вызвало в вас то, что вы видели, но я испытал чувство глубочайшего отвращения.

— Да, — согласился Дымов. Сам он вернулся час назад. Лагерь был разбит в центре леса, но лес кончался в сотне метров от лагеря. Дальше начиналось то, о чем говорил Горский, — каменные катакомбы, котлованы, уходящие к границе коры.

И все остальное.

— Это противоестественно, — продолжал Горский, — когда зверь умирает своей смертью. Я видел там такие зубы... Божественные зубы. Я знаю многих, кто отдал бы жизнь за подобный трофей.

Дымов ничего не сказал. Горский продолжал:

— Я не палеонтолог и не мародер. Для меня зубы скелета не имеют никакой ценности. Но мне обидно, что все они погибли зря. А живых здесь нет.

— Посмотрим, — сказал Дымов. — Вернется Филин, и все прояснится.

— Филин, — повторил Горский. — А что он может, ваш Филин? Вы никогда не видели, как охотятся промысловики?

Дымов отрицательно покачал головой.

— Начнем с того, что они охотятся на коров, — ска-

зал Горский. — Пасти этих коров им лень. Они выгоняют коров в пампасы, те нагуливают жирок. Через год эта публика погружается в вертолет, подлетает к стаду и отстреливает что пожирнее.

— Вы преувеличиваете.

— Нет, сэр, — сказал Горский. — Нисколько. Эти мясники не подозревают, что существует копье, или лук, или нож. Для них есть только многозарядка с оптическим прицелом. По-моему, это извращение. Ведь настоящая охота — это риск, это смертельная опасность. Это дикие пейзажи планет. Это единоборство, когда оба равны. Впрочем, вы знаете все это не хуже меня.

Филин вышел из леса бесшумно. Они не заметили, как он появился, и было неясно, слышал ли он что-нибудь из их разговора. Сейчас он стоял у палатки, опершись о высокий кол. С плеча у него свисал карабин. Некоторое время он молча смотрел на них из-под лохматых бровей.

— Можно свертывать лагерь, — проговорил он наконец. — Я их нашел.

Горский поднялся и пошел к палатке за щеткой — почиститься. Филин присел на корточки, положил карабин на траву и расстелил перед Дымовым фотокарту, отснятую еще сверху.

— Смотрите. Мы здесь. Оказывается, они сместились сюда, на новое место. По-моему, там есть еще несколько, ближе к холмам. Надо торопиться, пока они не удрали еще дальше.

Дымов встал, подошел к палатке и отвернул колпачок. Зашипело. Каркас ослаб, полотнища провисли. Потом все, пошатнувшись, рухнуло на траву. Филин принялся молча вытапывать воздух, оставшийся в трубах каркаса.

Рядом Горский небрежно забрасывал вещи в рюкзак. Он затянул шнур и взвалил мешок на плечи. Дымов и Филин укладывали палатку.

— Посмотрим, как вы в деле, мистер Мясник, — с вызовом сказал Горский.

— Любитель-потребитель, — сказал Филин. Он подтянул лямки. — Двинулись.

— Это я потребитель?

— Да, — кивнул Филин. — Тушенку жрешь, а паясничаетшь.

Они уже шли через лес.

— Если ее не будет, я удовольствуюсь десертом, — сказал Горский. — Но такие, как вы, этого не допустят.

— Умолкните, — сказал Филин. — Когда животных убивают во имя необходимости — это одно. Для развлечения я не убиваю.

— Но...

— А если ты спортсмен, — сказал Филин, — гоняй мяч. Хоть польза будет.

— Логика мощная. Вы где ее изучали — в Оксфорде или в Кембридже?..

— В вашем детском садике, — сказал Филин. — Мне надоело с вами препираться.

Они шагали бок о бок, метрах в десяти впереди Дымова. Деревья росли не густо, но и не слишком редко. Подлесок почти отсутствовал, и идти было приятно. Голубой диск Леги прятался в зелени.

— То, что вы называете развлечением, часто сопряжено со смертельной опасностью, — сказал Горский. — Но вам этого не понять. Вы привыкли работать на специально оборудованной площадке.

Филин молчал.

— Например, вы когда-нибудь видели песчаного дракона? — продолжал Горский. — Они водятся неподалеку, на Гамме. Сойдитесь с ним на открытом месте, попытайтесь счастья. Возможно, останетесь живы.

Филин молчал.

— Странный он человек, — пожаловался Горский,

подождав Дымова. — Неразговорчивый. Как вы считаете, не пора ли бросить ему перчатку?..

— А мне не пора?..

— Вам? — удивился Горский. — За что? К вам, сэр, у меня нет никаких претензий. Вы мститель, сэр, а это благородное занятие.

— Вы так считаете?

— Конечно, — сказал Горский. — Опасный хищник убивает человека. Где-нибудь, все равно где. Что делают остальные, еще не убитые? Бросаются искать вас. И находят, и падают в ножки, и вы соглашаетесь. И выходите с людоедом один на один. С одной стороны, здесь есть необходимость, которую любит Филин. С другой — риск, часто очень значительный. На мой взгляд, это самая благородная из всех охотничьих профессий. Разве не так?

Дымов ответил не сразу. Лес впереди светлел, будто там начиналось поле. Филин уже стоял на опушке, поджидая. Они молча остановились рядом с ним и посмотрели перед собой.

Но здесь начиналось не поле. Перед ними, под невысоким обрывом, простирался каменный лабиринт. Поверхностный слой был снят, и гранит изъеден, но не эрозией. По камню петляли бесчисленные глубокие траншеи, как следы циклопических древоточцев.

— Вы действительно считаете, что ремесло палача самое благородное? — сказал Дымов.

5

Филин медленно шел впереди, тщательно выбирая путь в хаосе угловатых обломков. Стенки траншеи были неровные, в рост человека, с них осыпалась белая пыль.

— Слава богу, здесь ровнее, — сказал Филин, ког-

да они оказались наверху. — Этот мальчишка смеет называть меня мясником. Если я мясник, то кто же тогда он?..

Дымов промолчал.

— Ведь он любитель, — сказал Филин. — Осторожно, здесь трещина. Охота для него так, забава. Но у него есть и основное занятие. Он биолог, и не просто биолог, а биохимик. И после этого он смеет называть меня мясником!..

Дымов ничего не сказал.

— Вы хоть раз были в одном из биологических институтов? — продолжал Филин.

— Нет.

— А я был, и с меня достаточно, — заявил Филин. — Здесь скользко, не оступитесь. Я был там случайно, час или два, но с меня достаточно. Я там на многое насмотрелся. Например, вы слышали слово «декапитация»?

— Нет, — сказал Дымов.

— А я слышал, — сказал Филин. — Я знаю, что оно значит. Это когда живой морской свинке отрезают голову.

Дымов ничего не сказал.

— Но они этим не ограничиваются, — продолжал Филин. — Они извлекают из трупа мозг, сердце и другие органы. Они берут ступку, растирают все это наподобие пюре и исследуют то, что им нужно. Потом они пишут статьи. Не наступите на этот камень.

Дымов шел молча, внимательно глядя себе под ноги.

— Когда я там был, — продолжал Филин, — на первый этаж спускалась симпатичная девочка, спрашивала пилу. Зачем, по-вашему? У них наверху — эксперименты поинтереснее. Там работают с кошками и собаками. С обезьянами работают мало — обезьян трудно достать.

Дымов молчал.

— И они набирают статистику, — продолжал Филин. — Вы думаете, он декапитирует одно животное и на этом успокоится? Нет. Для получения одной достоверной цифры ему нужно декапитировать их штук двадцать. В любой приличной статье этих цифр тьма. И после этого он смеет называть меня мясником!...

Дымов молчал. Он не подозревал, что Филин может так разволноваться.

— Он называет меня «мистер Мясник», — повторил Филин. — А сам жрет тушенку, отправляясь на свои паршивые эксперименты. Если охотник нарушит правила, он браконьер. Если ты подстрелил с вертолета какое-нибудь двуглавое чудище — ты преступник. Тебя посадят в тюрьму и правильно сделают. Но на этих ви-вйсекторов нет ни правил, ни тюрем. Для нужд науки они могут декапитировать кого угодно. Ну вот, кажется, пришли.

Они стояли на небольшом возвышении в центре гранитного лабиринта. Лега, пройдя зенит, клонилась к закату. Кругом извивались глубокие каменные канавы. Вдали дымилась гряда холмов.

— Вот так, — сказал Филин. — Выскажешься — и легче станет. Теперь нам тоже лучше разделиться. Вы идите к холмам. По-моему, там есть парочка. А я направо, здесь дело верное. Счастливо. Ни пуха ни пера.

Дымов следил, как Филин уменьшается на фоне тронутого закатом неба. Потом отвернулся и начал спуск.

6

Сильный порывистый ветер дул прямо в лицо вдоль извивающейся траншеи. Она была свежая, проложенная совсем недавно. Ее стенки были высокие и

крутые. Она здесь была широкая — метра три, но к повороту сужалась.

Хорошо, что ветер в лицо, подумал Дымов, остановившись, чтобы передохнуть. Конечно, если бы ученые знали, что их придется добивать, они сделали бы им обоняние похуже. И они могли еще что-нибудь придумать, шедевр прикладной генетики получился бы куда более выдающимся. Например, окраска. Что им стоило сделать бока скалоеда черно-белыми, как у зебры? И чтобы полосы шли кругами. Чтобы бок животного был разрисован, как мишень для спортивной стрельбы. Недоработочку допустили наши доблестные ученые.

Дымов отдыхал, прислонившись к каменной стенке, а ветер поднимался ему навстречу размеренными волнами. Ритмичными, как удары маятника. Как пульс сердца. Как спокойное дыхание спящего исполина...

И вдруг Дымов понял, откуда взялся ветер. Скалоед перерабатывает породу в воздух и выбрасывает его в атмосферу. Вот что имел в виду Филин. Ветер. Откуда ни подходи к скалоеду, ветер всегда будет в лицо.

Дымов стоял, размышляя над своим открытием, вдыхая волны ветра, несущиеся из-за поворота. Возник образ — там, за поворотом, работает машина, могучая металлическая установка. Но образ сразу исчез. Если бы там стояла машина, воздух не был бы таким ароматным, насыщенным кислородом. Все обстояло бы наоборот.

Дымов стоял и вдыхал ветер, когда внезапно новый воздушный поток обрушился на его спину. Он обернулся.

И попятился.

Прямо на него из-за поворота траншеи спускалось чудовище. Оно было как уродливый бронированный механизм. Оно передвигалось на четырех парах массивных когтистых ног. Его гигантская пасть была широко разинута, нижняя челюсть погружена в скалистый

грунт. Оно занимало почти всю ширину траншеи и быстро ползло, перебирая толстыми лапами, вниз по траншее, прямо на Дымова.

Безразличное, равнодушное, оно надвигалось с неторопливой быстротой танка. Спина Дымова уперлась в стену. Отступить дальше было некуда. И он вспомнил про карабин.

Его карабин стоял, прислоненный к противоположному борту траншеи, где только что был и сам Дымов, и его уже не было видно за тучей пыли, которую гнали вдоль траншеи порывы ураганного ветра.

Нижняя челюсть, как плуг бульдозера, вспарывала грунт совсем рядом с Дымовым. Он вжался в скалу, ощущая ее твердую шероховатость. Мимо с равнодушным спокойствием проплывал необъятный бок, и лапы одна за другой вздымались в воздух с размеренностью часового механизма. Поднимались, а потом опускались, вновь вцепляясь в камень крепкими растопыренными когтями. Перед Дымовым проходила уже крупная чешуя высокого волочившегося хвоста, и в каждой пластине он видел свое искаженное отражение. Потом все кончилось, и лишь клубящаяся стена пыли вниз по траншее отмечала путь удалявшегося чудовища, да каменная канава стала на метр глубже, чем была раньше.

7

— Собственно, пока им не на кого было нападать, — сказал Горский. Он сидел на гнилом пне рядом с обрывом и протирал тряпочкой ствол карабина. — Но я не подозревал, что знаменитый охотник на людоедов может быть сентиментальным.

— Нет, — возразил Дымов. Он лежал на траве лицом вверх и смотрел в синюю яму неба. — Я не сентиментален. Но зарубок на прикладе я никогда не делаю.

— Я тоже этим не увлекаюсь, — сказал Горский. — Разве только в самых исключительных случаях. По-моему, если вы вышли на медведя с одной рогатиной и победили его, вовсе не зазорно поставить зарубку. Пусть не на прикладе, а на рогатине, не в этом суть.

Дымов ничего не сказал.

— Или песчаный дракон, — продолжал Горский. — Он совершенно неуязвим. У него непробиваемая броня, и точка на его голове, куда нужно попасть, гораздо меньше копеечной монеты. И голов у него две. А водятся драконы только в пустынях, на открытом месте, где спрятаться некуда.

— Кому — некуда? — спросил Дымов.

— Охотнику, кому же еще, — объяснил Горский. — Когда на меня пополз первый скалоед, я даже обрадовался. Когда я увидел этот разинутый зев и вспомнил, что в его глубине все превращается в воздух, меня прямо затрясло от возбуждения. Вы знаете, какая это пасть? Божественная пасть. Телега въедет, без преувеличения. Жалко, что вам не повезло и вы ни одного из них не выследили. Потому что это уникальное зрелище.

Дымов молчал.

— Ничего, еще повезет, — сказал Горский.

Дымов молчал, глядя в синюю яму неба.

8

Он стоял, прислонившись к неровной стенке, и смотрел вниз, на поворот. На него обрушивались волны чистого воздуха. Ветер дул прямо в лицо и все время усиливался.

Здесь когда-нибудь вырастет город, думал он. Ты не должен забывать этого, обязан помнить об этом. Здесь будет царство добра и света, здесь поднимутся стеклянные горы зданий и протекут бетонные реки, опрaвлен-

ные в подстриженную зелень бульваров. И здесь будут жить люди.

Здесь будут жить миллионы счастливых людей, думал он, глядя на клубящееся облако, выползающее из-за поворота. Вы будете здесь жить, и работать, и наслаждаться жизнью, и воспитывать счастливых детей, которые когда-нибудь станут счастливыми взрослыми. Но будете ли вы помнить?..

Не нас — нам забвение не грозит. Вы начертаете наши имена на стенах своих светлых строений — навечно, рядом с именами генетиков Дзеты. Или воздвигнете памятник — один или несколько. Или придумаете что-то еще. Но будете ли вы помнить, откуда взялся воздух в вашей светлой и доброй стране?..

Сквозь прицел карабина Дымов смотрел на приближающееся животное. Он знал, что не промахнется.

СЛУЧАЙНАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

1

Эр-17 шел впереди.

В его черной полированной спине Греков угадывал свое искаженное изображение. Ковальский в зеркале спины не помещался — вернее, был скрыт фигурой Грекова. Но он двигался сзади, почти рядом, и Греков слышал, как хрустят камни под его башмаками. Сам Греков и особенно робот шагали почти бесшумно, и было отчетливо слышно, как ветер завывает среди скал и шелестит в кронах деревьев.

Ветер крепчал. Белая пыль вырывалась из-под ног Грекова, робота, который шел впереди, и Ковальского, который двигался сзади, и улетала вперед, сливаясь в клубящееся, прижатое к земле длинное облако, указывающее им путь. Ветер был южный, он постепенно усиливался и дул вдоль ущелья, в спину, облегчая подъем. Но плохо, если это не просто ветер, если небо над южным горизонтом черно, если идет полярная буря.

Оглядываться не имело смысла. Ущелье, по которому они шли, извивалось, и горизонт был скрыт зелеными от леса вершинами скал. Разумеется, можно взобраться наверх, на какой-нибудь высокий утес, но это требует времени. А если надвигается ураган, время дороже всего.

Греков потрогал пояс, где согласно инструкции должен был находиться бластер. Но бластер отсутствовал. Бластер весит два килограмма, а рассвет сегодня

был обычный, зеленый, без розово-красных прожилок, предвещающих южный шторм. Хорошо, хоть Ковальский вооружен. Хорошо, что новички обладают замечательным свойством цеплять на себя оружие во всех случаях, когда им это разрешают.

Ковальский прибыл на Гамму всего два дня назад, и робот Эр-17, который шел впереди, был первым, которого они должны были отправить в Туннель вместе. Последние шесть месяцев Греков был единственным человеком, посылавшим в Туннель роботов и встречавшим их, если они возвращались. Возвращалась приблизительно половина.

Сейчас они поднимались в горы по дну узкого ущелья, продавленного прошедшим когда-то здесь ледником. Скалы справа и слева были красивые, молодые, почти не тронутые эрозией. Но среди них имелись проходы, так что в случае нужды можно уйти в горы и вернуться на станцию, сделав небольшой крюк. Верхушки скал были плоские, сглаженные. Там зеленели стонущие под ветром деревья.

Маленький отряд приближался к цели.

Станция, откуда они шли, была расположена не очень далеко от входа в Туннель. Пустяки, десять километров. Хотя строители могли установить станцию поближе, в ущелье. Но когда строили станцию, никто не подозревал о существовании Туннеля.

Станцию строили для изучения обычаев аборигенов южного полушария, а в непосредственной близости от входа в Туннель нет поселений аборигенов. На равнине аборигенов тоже нет — они строят свои шатры из древесных веток в горах, на плоских вершинах скал, но не в ущелье. Они боятся Туннеля, хотя он и служит у них предметом религиозного культа.

Аборигены верят, что время от времени из Туннеля появляются боги и чудовища. Чудовища остаются надолго, пока не находятся герои, которые их побеждают.

Боги уходят сами. Аборигены нисколько не удивились, когда люди пришли на Гамму. Сейчас они ждут, когда мы вернемся назад, в Туннель.

Конечно, не мешает хотя бы теперь перенести станцию. Это не сложнее, чем регулярно два раза в неделю встречать очередного робота-разведчика, если он вернулся, и посылать в Туннель следующего. Иногда роботам приходится подолгу ждать — если они предназначались для Феникса или Лигурии, но вернулись на первом цикле. Из восьми таких роботов выполняет задание один, половина возвращается преждевременно, а остальные теряются. Роботам, которые возвращаются раньше, приходится ждать. Но роботам это нетрудно.

Да и сама прогулка от станции — десять километров сюда, десять обратно — не представляет труда. Просто иногда она бывает опасна. Когда небо над южным горизонтом темнеет и поднимается ветер с полюса, из пустынь приползают стада песчаных драконов. Случается, что некоторые экземпляры проникают в ущелье. Редко, но случается.

Аборигены не зря разбивают шатры на плоских вершинах скал.

Робот, который шел впереди, остановился.

Вверху, в лесу на вершинах, выло и свистело, но у подножия скал ветра уже не чувствовалось, пыль из-под ног не летела вперед, потому что ущелье здесь кончалось, задушенное каменными стенами. Скалы были действительно как стены или даже как стеклянные стенки аквариума — гладкие и неприступные. Как ни удивительно, овальное отверстие Туннеля прекрасно гармонировало с дикой природой. Оно казалось обыкновенной пещерой, глубоко уходящей в твердь.

В действительности в метре от входа Туннель заканчивался глухим тупиком, непроницаемой поперечной перегородкой. Чтобы воспользоваться Туннелем, следовало дотронуться до перегородки, повернуться кругом

и выйти в другой мир. Но люди никогда не делали этого, они посылали вместо себя автоматы.

Эр-17 стоял в двадцати метрах от входа, ожидая распоряжений.

— До контрольного срока пять минут. Подождём здесь, — сказал Греков, опускаясь на плоский валун. Впервые с того момента, когда в верхушках деревьев засвистел ветер, он рискнул посмотреть назад. Как он и ожидал, над южными скалами было темно, как ночью.

Ковальский остался стоять, восторженно глядя на овальное отверстие. Эр-17 тоже не шелохнулся. Роботу было все равно как ждать — стоя или сидя.

— Дверь в другие миры, — сказал Ковальский с восхищением. — Вот она, рядом.

Греков не ответил. Полгода назад он сам испытывал подобные чувства. Сейчас он смотрел на траурную кайму над зеленью южных скал и ждал, что с минуты на минуту из отверстия за его спиной появится робот Эр-31, которого он послал в Туннель трое суток назад, и отчитает о прибытии. Сегодня лучше бы иметь лишний бластер, но телохранитель тоже не помешает.

— Это феноменально, — сказал Ковальский. — Чем занимаются люди? Что они изучают? Зачем? Ведь перед нами дверь в другие миры!

— Мы изучаем эти миры, — неохотно ответил Греков. Он смотрел в сторону, откуда они пришли. Ущелье выглядело отсюда извилистой бороздой, проложенной резцом гиганта. Ближайшая расселина, по которой можно было подняться, скрывалась за поворотом.

— Изучаем, — повторил Ковальский. — Теперь это называется «изучаем». Вы работали здесь полгода один, а на других планетах архипелага заняты толпы исследователей. Непостижимо.

— Они тоже изучают другие миры, — сказал Греков. — Планеты, которые они исследуют, ничем не

хуже тех, с которыми мы связаны посредством Туннеля.

— Как вы можете сравнивать? — возмущился Ковальский. — Не говоря о непосредственном общении с сотнями миров, мы имеем здесь уникальное сооружение неизвестной сверхцивилизации. Изучение одного механизма переноса даст нам информацию, которую нельзя переоценить.

— Нет, — сказал Греков. — Когда Туннель обнаружили, в систему Леги слетелись лучшие физики человечества. Они работали несколько лет, сформулировали свои выводы в довольно объемистом документе и улетели, откуда прилетели. Вы должны это знать.

— Да, я читал этот документ, — согласился Ковальский. — Но я нашел там всего два содержательных вывода. Первый — что существует некая цепочка планет, соединенных с помощью Туннеля, причем о количестве планет цепочки и о принципе их объединения ничего пока не известно. И второй вывод — что с любой планеты цепочки можно, воспользовавшись Туннелем, совершить переход на одну из двух соседних планет, неизвестно, на какую именно. Как это действует, естественно, тоже неизвестно.

— Правильно, — сказал Греков. — Здесь и кроется третий, самый важный вывод. Земная наука просто не готова для понимания этого механизма.

Можно махнуть рукой на план, подумал он, и не посылать Эр-17 в Туннель. Чует мое сердце, что тридцать первый не вернется. Но Эр-17 сегодня так запрограммирован, что телохранитель из него не получится. Сегодня он исследователь, а это слишком разные специальности. И мне не нравится, что мы так много говорим. От болтовни притупляется бдительность.

Но Ковальский был настроен по-боевому.

— Сегодня не готова — значит, будет готова завтра! — заявил он. — Не понимаю, как можно было пре-

кратить такие исследования. Все равно — перед нами дверь в сотни миров. Чтобы изучить их, достаточно сделать шаг.

— Нет, — сказал Греков. — Наш предел — Альвион и Мирза, наши соседи в цепочке, которую объединяет Туннель. Войдя в Туннель, вы выходите на одной из этих планет. На какой точно, никто не знает. Вы выходите на одной из них с вероятностью одна вторая, и все. Допустим, вы попали на Альвион. Тогда при повторном входе в Туннель вы с равной вероятностью окажетесь или снова на Гамме, или на Лигурии — это следующая за Альвионом планета. Таким образом, вероятность добраться до Лигурии равна одной четвертой. Шансы дойти до Лигурии и вернуться на Гамму уменьшаются до одной шестнадцатой. Вот почему Лигурия и Феникс — это следующая планета за Мирзой — для нас практически закрыты. Роботы — не люди. Вы не можете запрограммировать робота таким образом, чтобы он исследовал и Мирзу, и Альвион, и Феникс, и все, что попадется. Это слишком разные планеты. А не родился еще человек, который бы сам, по доброй воле вошел в Туннель.

— Вы ошибаетесь, — сказал Ковальский. — Ходят слухи, что некто Березин набирает добровольцев для похода в Туннель. Они собираются сюда совсем скоро.

— Не знаю, на что они рассчитывают. Риск очень велик. Туннель — это лабиринт, из которого нелегко выбраться. Чем дальше вы удалились от Гаммы, тем меньше у вас шансов вернуться.

— Березин — известный математик архипелага, — не унимался Ковальский. — Говорят, он утверждает, что ему удалось найти стратегию, исключаящую риск. Было бы естественно, чтобы такая стратегия существовала. Трудно предположить, что строители Туннеля никогда им не пользовались.

— Не так просто разобраться в прихотях чужих

цивилизаций, — сказал Греков. — Даже столь примитивных, как аборигены Гаммы, не говоря о хозяевах Туннеля. Возможно, они умели управлять вероятностью переходов, но это выше нашего понимания. Туннель есть Туннель. Как видите, время истекло, а это значит, что мы лишились еще одного разведчика.

Он продолжил, обращаясь к роботу:

— Эр-17! Вам известна схема маршрута?

— Да, — ответил робот. — Войти в Туннель. При выходе на планетах Альвион или Мирза действовать по программам П-1 или П-2 соответственно. Через 72 часа совершить обратный вход. При выходе на Гамме ждать. При выходе на другой планете — примкнуть к базовой группе и действовать согласно универсальной программе П-3.

Он замолчал.

— Правильно, — сказал Греков. — Выполняйте, Эр-17.

Несколько секунд они смотрели вслед роботу. Эр-17 приблизился к отверстию Туннеля и исчез, растворившись в полутме.

— Что такое базовая группа? — спросил Ковальский.

— Об этом потом, — сказал Греков. — Сейчас нам следует торопиться.

Он встал с валуна.

И услышал негромкий скрежет внизу за поворотом ущелья.

Проблемы, связанные с эксплуатацией Туннеля, отошли на второй план. Остался только изогнутый коридор ущелья, похожий на желоб титанического бобслея, и лязгающий звук внизу, и два маленьких чело- века с одним бластером на двоих. Не успеем, подумал Греков и вдруг ясно представил себе, чем все кончится. Он увидел это вторым зрением, так отчетливо и

подробно, будто перед ним приподняли некую завесу, будто на мгновение он приобрел дар ясновидения.

В принципе увиденное было естественно, он мог это рассчитать со всеми подробностями, пусть на уровне подсознания. Но картина держалась на одной маленькой детали, которую его подсознание знать не могло.

— Бластер, — приказал Греков. Ковальский послушно отстегнул оружие. Да, бластер был легковат. Греков потянул рычаг зарядовой камеры.

Все сходилось — бластер был пуст, как космический вакуум.

— Разве он не заряжен? — простодушно сказал Ковальский. — Как жалко! Мне так хотелось пострелять на обратном пути.

Греков ничего не сказал. Он взял бластер за толстый ствол, широко размахнулся, и бластер бумерангом сверкнул над ущельем, на фоне клубящихся черных смерчей, а потом запрыгал вниз по тропе, по которой они пришли. И когда он в последний раз поднял облачко пыли, скрежет у поворота ущелья стал отчетливей, и что-то длинное и шевелящееся выдвинулось из-за отвесной скалы.

— Зачем вы так? Он же был совсем исправен, — укоризненно сказал Ковальский. — Мы бы перезарядили его на станции.

Греков не ответил. Он смотрел на ядовито-зеленое, длинное и змеящееся, выползающее из-за поворота. Теперь у нас один путь, думал он. Куда он нас приведет — неизвестно.

— Смотрите! — вскрикнул Ковальский. — Что это?..

Песчаный дракон выполз уже весь на открытое место и был виден как на ладони. Ряды уродливых лап подпирали его многометровое туловище. Две головы с жадными жабыми мордами болтались на длинных шеях, высматривая добычу. Громадный ящер перемещался, неестественно переламываясь. Он приближался.

Он еще не видел людей. Он просто полз вверх по ущелью.

— Ведь это песчаный дракон, правда? — сказал Ковальский. — Я думал, они водятся только в пустынях...

Он осекся. Видимо, вдруг осознал, что здесь не зоопарк и не съёмочный павильон, что они стоят на узкой площадке среди отвесных скал и что единственная тропа, ведущая отсюда, занята. Он попятился. Греков остался на месте, глядя на приближающееся чудовище.

А потом он увидел крупную грязную чешую на груди и боках монстра, услышал глухое урчание, доносившееся из недр исполинского туловища, почувствовал тошнотворный запах разлагающейся в глыбообразных зубах гнили и вдруг понял, что его спина упирается в стену, что отступить ему больше некуда.

Тогда он сделал усилие и оторвал взгляд от двух зубастых, широко разинутых ртов, которые знали теперь, что им надо, и повернул голову. Ковальский стоял рядом с ним, справа, прижавшись к скале. А слева зияло отверстие Туннеля.

Греков поймал руку Ковальского и потянул его за собой. Дракон протягивал к ним хищные шеи, он был уже в двадцати метрах, он торопился. Греков попятился.

Над ними был свод Туннеля, а чудовище, скалы и небо растворились в дрожании призрачной пелены. Спина Грекова наткнулась на упругую перегородку.

Не выпуская руки Ковальского, он шагнул вперед.

2

Они стояли на пологом скате холма, покрытом ласковой изумрудной травой. Перед ними до самого горизонта простиралась волнистая равнина, и слева от хол-

ма, на котором они стояли, медленно извивалась река. Справа, недалеко от них, темнели компактные группы деревьев, сливавшиеся ближе к горизонту в сплошной лиственный лес. Небо над их головами было спокойного голубого оттенка, на нем курчавились облака. Дул освежающий ветерок.

Ковальский сел на траву. Лицо у него было бледное. — Это Альвион, — сказал Греков и не узнал своего голоса. — Я боялся, что мы попадем на Мирзу.

Было бы гораздо хуже, если бы мы оказались на Мирзе, подумал он. Мирза негостеприимна. Это мир вечной ночи, мир черного солнца, и жизнь там тоже темная и злая, ничем не лучше песчаных драконов Гаммы. Альвион — спокойная и безобидная планета. Своего рода рай.

Греков посмотрел на Ковальского и отвел глаза. Да, подумал он, но я ведь тоже здорово перепугался. Как глупо. Я же с самого начала знал, что мы уйдем в Туннель. Но потом я об этом забыл. Трудно было не забыть. Все-таки это было слишком страшно.

Он снова взглянул на Ковальского. Тот по-прежнему сидел на траве, глядя вверх, но его лицо уже приобрело нормальное выражение. Греков посмотрел по направлению его взгляда.

Стая больших белых птиц бесшумно прошла над их головами, перестраиваясь на лету. Они долго следили за птицами, пока те не исчезли в синеве неба.

— Все равно ситуация не из легких, — сказал потом Греков. — Альвион расположен в центральной области Галактики, очень далеко и от Солнца, и от Леги. Помощи нам ждать неоткуда. Через Туннель мы можем с равной вероятностью попасть или обратно на Гамму, или на Лигурию, откуда возврата практически не будет.

— А что такое эта Лигурия? — спросил Ковальский, и Греков с удовольствием услышал интерес в его голосе.

— Планета вроде Плутона, — сказал Греков. — Мертвая ледяная пустыня, лишенная следов биосферы.

Зато там есть кое-что другое, подумал он. И это может нам пригодиться.

— Вот как, — помедлив, сказал Ковальский. — Приятная альтернатива.

— Лучше некуда, — согласился Греков. — Все равно торопиться в Туннель необязательно. Даже если нам повезет и мы вернемся на Гамму, мы рискуем встретиться с одним нашим знакомым. К тому же мы очутились на планете, на которую еще не ступала нога человека. Почему бы не воспользоваться этой возможностью?

— И что мы будем делать?

— Я предлагаю спуститься вниз, — сказал Греков тоном экскурсовода. — У подножья холма справа от нас вы видите очень красивую зеленую рощу. Я открою вам небольшой секрет. Плоды некоторых деревьев, которые там растут, очень вкусны.

— Заманчивое предложение, — сказал Ковальский, но с земли не встал. — Но вдруг в лесу нас ждет кто-то, кому мы тоже покажемся очень вкусными?

Греков засмеялся.

— Нет, — сказал он. — Альвион — исключительно безобидный мир. Здесь нет никаких хищников. Более того, здесь вообще отсутствуют сухопутные животные. По крайней мере, в этой части планеты.

Но Ковальский не торопился расстаться с насиженным местом.

— Зачем же тогда на деревьях растут съедобные плоды? Специально для инопланетных туристов?

— Я как-то об этом не размышлял, — признался Греков. — Впрочем, вот и ответ.

Он показал вверх. Большая стая беззвучных птиц снова показалась над ними, вынырнув из глубины неба.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Ковальский.

Они опять долго следили за птицами, пока те не растворились в синеве. Потом Ковальский все-таки поднялся.

— Ваш гостеприимный Альвион, — сказал он недовольно. — Все руки порезал. Не трава, а осока.

Греков повернул голову. Ладони Ковальского были в крови. Он достал из кармана платок, вытер кровь и принялся отряхивать налипшую к комбинезону траву.

— Впредь надо быть осторожнее, — бодро сказал Греков. — Но это, в сущности, мелочь. Посмотрите лучше, какая здесь красота. Изысканный сельский пейзаж. Великолепный воздух. Стаи птиц, бороздящие небо. На какой еще планете вы найдете что-нибудь подобное?

Ковальский кончил отряхиваться, еще раз вытер руки платком и выжидательно посмотрел на Грекова.

— Двинулись, — сказал Греков. Ковальский кивнул, и они зашагали вниз по склону холма к темнеющей вдаль роще.

Альвион, думал Греков. Какая прекрасная планета! Сколько моих роботов побывало здесь и вернулось? Не помню точно, но наверняка больше десяти. И на всех пленках одно и то же. Теплый чудесный мир. Ни одного хищника. И действительность ничем не отличается от пленок. А ведь находятся еще люди, утверждающие, что робот как исследователь не может заменить человека. Еще как может. Нужно только снабдить его полноценной программой, и он будет вам выдавать полноценную информацию. Иначе зачем было вообще изобретать робота?

До рощи, которая была целью их перехода, осталось каких-нибудь двести метров, и трава здесь была гуще, чем на вершине холма. Да и воздух, которым они дышали, был здесь густой, насыщенный ароматами.

— Нам повезло, что строители Туннеля были похожи на нас, — сказал Греков.

— Что вы имеете в виду?

— Все планеты, соединенные Туннелем, имеют кислородные атмосферы, — сказал Греков. — Все они пригодны для жизни человека. Кстати, и этот вывод содержится в документе, о котором мы говорили.

Некоторое время они передвигались молча, пока не достигли опушки. Деревья в роще стояли плотно, поровну разделяя между собой свет и тепло своего солнца. Здесь преобладали стройные белоствольные деревья с тонкими ветвями и изящно изрезанными листьями, напоминавшие чем-то земные березы. Плотные толстые стволы других служили основанием сплошной, непроницаемой для глаза массы мелкой листвы.

— Эти деревья тоже приносят съедобные плоды, — сказал Греков, чувствуя себя гидом. — Правда, к ним нелегко добраться, да это и не нужно. Самые вкусные фрукты растут на дереве с желтой корой. Мои роботы всегда приносят мне это лакомство, если возвращаются. Не могу утверждать, что помногу, но вполне достаточно, чтобы распробовать.

Ковальский снял с себя куртку, аккуратно ее свернул и положил на траву.

— На десерт меня что-то не тянет. Сейчас я бы с удовольствием прилег. Может быть, сначала отдохнем, а потом уже двинемся грабить ваш райский сад?

Греков и сам чувствовал усталость. Это было странно, потому что за сегодня они прошли в общей сложности гораздо меньше, чем намечали утром, когда проснулись. Правда, последнюю сотню метров они шли по высокой густой траве, и у Грекова не раз возникало ощущение, что они идут не по лугу, а по зарослям ежевики.

Однако воспоминание о нежной мякоти плодов желтого дерева заставило Грекова забыть усталость.

— Я принесу на вашу долю, — пообещал он. — Отдыхайте.

Ковальский растянулся на траве, подложив под голову туго свернутую куртку. Несколько секунд Греков с легкой завистью смотрел, как он лежит на спине, прикрыв глаза и предусмотрительно скрестив руки на груди, и как ласковые травинки покачиваются над его лицом. Потом двинулся на поиски.

Ему не пришлось долго блуждать. Он наткнулся на желтое дерево сразу, не успев потерять из виду место, где лежал Ковальский. Оно стояло в стороне от других. Его листья были крупные, продолговатые, они трепетали от скрытых движений воздуха. Гладкие упругие ветви начинались у самой земли, и у основания ветвей, возле толстого желтого ствола, пламенели крупные ярко-красные плоды.

Большая белая птица вырвалась из травы из-под ног Грекова так внезапно, что он не успел испугаться. Он проводил ее взглядом, пока она не потеряла индивидуальность, став элементом стаи, беззвучно парящей невысоко над его головой.

Странная птица, подумал Греков. Что она здесь делала? Гнездо у нее здесь, что ли? Мои роботы ничего не рассказывали о гнездах здешних птиц.

Он пошарил глазами вокруг. У его ног в высокой густой траве белела груда костей.

Он огляделся. Перед ним лежала прохладная тень рощи, и грозди спелых плодов светились из глубины шелестящей кроны. За его спиной до самого горизонта простиралась волнистая равнина, а вверх было синее небо с белыми облаками. Кости с этим пейзажем как-то не гармонировали.

Вот тебе и Альвион, подумал Греков. Мои роботы никогда не рассказывали об этом. Трава, о которую можно порезаться. Птицы, взлетающие так внезапно, что рискуешь стать зайкой. А теперь еще какие-то кости. Почему именно кости? И что делала птица возле костей?..

Он посмотрел вверх. Стая бесшумно кружила низко над его головой. Птицы не улетали. Они словно чего-то ждали.

Греков перевел взгляд на дерево с вкусными плодами, которые так часто приносили ему роботы. Аппетит у него пропал. Но плоды следовало сорвать. Теперь это просто работа, которую необходимо сделать.

Не сходи с ума, сказал он себе. Ты что, никогда не видел костей? Подумаешь, кости. Здесь летают громадные стаи птиц. Вряд ли они бессмертны. Должны же где-то лежать их останки. А ты боишься этих костей так, будто они твои собственные.

Греков приблизился к желтому дереву и раздвинул упругие ветви. Когда-то, еще на Гамме, он написал программу для роботов, чтобы они могли добывать «специальные образцы флоры». Теперь Греков сам действовал в соответствии со своей программой. Нет, не совсем — он прятал плоды за пазуху, а у роботов для этого был специальный контейнер. Наконец он решил, что собрал достаточно, и попятился от ствола дерева.

Он не смог сделать и одного шага. Его что-то держало, будто он зацепился, запутался в глубине кроны. Но ведь не за что было цепляться!..

Греков дернулся — безрезультатно. Казалось, все ветви дерева тянулись к нему, липли к его одежде, держали его в своих упругих объятиях. Несколько трепещущих листьев приблизилось к его лицу. Он ощутил на щеке и шее ласковые прикосновения. И тогда он рванулся по-настоящему.

Он боролся за свою жизнь, потеряв голову, обезумев от ужаса, рвал ветви и листья, судорожно цепляющиеся за его одежду, рвал одежду, запутавшуюся в ветвях, и неожиданно для себя самого очутился на траве.

Он встал, ничего не понимая, глядя перед собой.

Ветви дерева спокойно возвращались к исходной позиции. Они медленно раздвигались, открывая доступ к спелым кроваво-красным плодам.

Взгляд Грекова упал на груды фруктов, рассыпанных на траве. Рядом белела аккуратная кучка костей. Несколько секунд он тупо смотрел на них, не понимая, откуда они взялись, а потом с размаху пнул их ногой.

Кости были тяжелые. Это были не птичьи кости.

Греков посмотрел вверх. Стая оставалась на месте, не улетала. Птицы бесшумно, как белые призраки, кружились над его головой. Теперь он знал, чего они ждут.

— Стервятники, — сказал он с отвращением. — Воронье поганое!..

Он стоял мокрый от пота, и его бил озноб. Видимо, он устал, когда боролся с деревом. Лицо у него было тоже мокрое. Пот заливал глаза.

Он вытер лицо руками — и не узнал своих рук. Его ладони были красные, как плоды, которые он недавно собирал. Но это был не сок. И, конечно, не пот. Это была кровь.

Его ладони были в крови, как недавно у Ковальского.

Греков бежал не разбирая дороги, густая трава жадно цеплялась к его ногам, а перед глазами стояли травинки, ласково склонившиеся над лицом его товарища.

Когда он выбежал на опушку, где оставался Ковальский, то в первый момент решил, что ошибся. Опушка была пуста.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Греков увидел нечто похожее на плотный травяной кокон, куколку гигантского насекомого. Он закричал, кокон заколыхался, раздался треск рвущейся травы, и из нее вынырнуло окровавленное лицо Ковальского.

Греков окончательно оправился только на вершине холма, перед зияющим отверстием Туннеля. Ковальский уже долго что-то ему говорил.

— Существует масса вещей, для исследования которых робот принципиально непригоден, — говорил Ковальский. — Сегодня мы встретились только с одной из них. Робот никогда не распознает людоеда, потому что ни один людоед не станет есть робота. Таких примеров можно привести тысячи.

— Если вложить в него полноценную программу... — начал было Греков, но не стал продолжать. — Впрочем, вы правы.

Они шагнули в Туннель.

3

Из груди Грекова вырвался вздох разочарования. До этого момента на одной или двух киноплёнках он видел это плоское заснеженное пространство, исчерченное тенями колоссальных ледяных скал, причудливое нагромождение голубых и зеленых торосов, маленький диск далекого солнца в фиолетовом небе.

Закон бутерброда, подумал он. Самый подлый закон природы. Видимо, в эту лотерею выиграть невозможно. Впрочем, как и в любую другую.

— Значит, Лигурия, — сказал Ковальский, плотно застегивая куртку. — Вы правы, это не тропики. Но ничего. Оказывается, я не люблю, когда у лужайки, на которой я лежу, вдруг разыгрывается аппетит.

— Съесть или быть съеденным, — усмехнулся Греков. Он полез рукой за пазуху и протянул Ковальскому крупный красный плод. — К счастью, у меня осталась парочка. Угощайтесь.

— Борьба за существование — золотое правило

эволюции, — провозгласил Ковальский и впился зубами в сочную мякоть. — Действительно вкусно. Впрочем, это же почти мясо.

Ковальский покончил с едой, облизал пальцы и вытер руки о комбинезон.

— У нас прекрасная одежда, — произнес он. — В воде не тонет, не горит в огне. А сейчас в ней почти жарко.

Греков тоже с наслаждением прислушивался, как по всему телу разливается такое желанное тепло. Это заработали автоматические обогреватели костюма.

— Я прожил в этом комбинезоне всю свою жизнь, — признался он. — Я никогда не задумывался, что может быть иначе.

— А я еще помню обычную одежду, — сказал Ковальский. — Но перейдем к делу. Что вам известно о планете, на которой мы оказались? Ведь на нее тоже еще не ступала нога человека.

— Разумеется, — подтвердил Греков. — Однако мы знаем о ней кое-что. Немного, но достаточно, чтобы утверждать, что задерживаться нам здесь необязательно.

— Вам рассказали это роботы?

— Да.

— С недавних пор полученная таким образом информация не кажется мне абсолютно достоверной, — сказал Ковальский.

— На Альвионе было исключение, — миролюбиво проговорил Греков. — Но почему бы действительно не познакомиться с планетой?

— А где она находится? — спросил Ковальский. — На Млечном Пути?

Греков пожал плечами.

— Не знаю. Снимки звездного неба отсюда еще не анализировались. Во всяком случае, о результатах анализа мне ничего не известно.

— То есть не исключено, что мы сейчас в другой Галактике?

— Да.

— А ведь это вы втащили меня в Туннель, — сообщил Ковальский.

Греков не среагировал на выпад. Задерживаться здесь нам не следует, думал он. Жить на Лигурии нельзя. Туннель может либо вернуть нас на Альвион, либо переправить на следующую планету цепочки, никаких сведений о которой мы не имеем. Но у нас здесь есть еще одно дело. Я о нем чуть не забыл, хотя это пришло мне в голову еще на Альвионе.

Греков огляделся. Вокруг них простирался мертвый пейзаж — обширная снежная равнина, усеянная ледяными скалами, унылая и безжизненная. Но у Грекова был острый слух, и он мог бы поклясться, что слышит легкий шорох, неожиданный в снежном безмолвии.

— Будь по-вашему, — сказал он Ковальскому. — Только нужно хорошенько запомнить место. Если потеряем Туннель, для нас все будет кончено.

За их спиной возвышался огромный айсберг, очень старый, пожелтевший от времени. Вход в Туннель на Лигурии выглядел глубоким ледяным гротом. Подозрительное шуршание доносилось из-за выступа айсберга, справа от них.

— Я запомню, — пообещал Ковальский. — Чувство ориентации у меня развито очень хорошо.

— Откуда вы знаете?

— На Земле... — начал Ковальский.

— Здесь не Земля, — прервал его Греков. — Никому не известно, как человек находит нужное направление. Возможно, в этом замешаны гравитационные и магнитные поля. Вы знаете, какое здесь магнитное поле?

— А вы? — спросил Ковальский и, не дожидаясь ответа, добавил: — Значит, придется полагаться на

ориентиры. Этот айсберг — единственный на равнине, имеющий желтый цвет.

— Этот айсберг — единственный, который находится рядом с нами, — сказал Греков. — Я не знаю оптических свойств здешней атмосферы. Я не уверен, что издали он не будет выглядеть зеленым. Или голубым.

— Тогда мы сориентируемся по солнцу и звездам.

— Не советую, — сказал Греков. — Из-за тех же неизвестных нам оптических свойств атмосферы. Ориентируясь по солнцу, вы, значит, предполагаете, что пути световых лучей прямолинейны. А вдруг здесь свэрхрефракция, как на Венере?

Он замолчал прислушиваясь. Шорох за выступом айсберга стал явственней, различимей.

— Великолепно работают ваши роботы, — сказал Ковальский. — Не будем вспоминать Альвион. Но вы даже не знаете, где расположена Лигурия. Не знаете свойств ее магнитного поля и параметров атмосферы...

— Вы ошибаетесь. Мне известно, что в здешней атмосфере тридцать процентов кислорода.

— Ценные сведения, — сказал Ковальский. — Чтобы их получить, мне достаточно сделать вдох. Ваши роботы тратят на такой вывод не меньше суток.

— Роботы ничего не анализируют. Они только приносят. Пробы воздуха, почвы, образцы флоры и фауны. Некоторые анализы я провожу сам, другие делают в Центре, на Дельте. Но мы отвлеклись. Мы говорили об ориентации.

— И вы почти убедили меня, что положение безвыходно.

— Проще всего ни на минуту не терять из вида вход в Туннель, — предложил Греков.

— Логично, — усмехнулся Ковальский. — Однако все, что мы сможем увидеть, путешествуя таким образом, мы разглядим и отсюда. Не лучше ли сразу вернуться в Туннель?

Вдруг Ковальский насторожился. Видимо, и он услышал наконец подозрительный шорох за выступом айсберга. Прижавшись к поверхности ледяной скалы, Ковальский осторожно прокрался к выступу. Он заглянул туда и повернул к Грекову встревоженное лицо.

— Наверное, померещилось. Здесь никого нет.

Греков отрицательно покачал головой.

— Смотрите.

От массивной полупрозрачной скалы в сотне метров от них отделился неясный вертикальный силуэт. Некоторое время он оставался неподвижным, теряясь в тени айсберга. Потом беззвучно исчез.

— Чертовщина какая-то, — сказал Ковальский, озираясь. — Скорее сюда! — позвал он вдруг, скрываясь за ледяным выступом.

Греков последовал за ним. Ковальский стоял на четвереньках, и снег рядом с ним был усеян крупными прямоугольными отпечатками.

Ковальский медленно встал и отряхнул снег с колен.

— Вот вам и Лигурия, — сказал он. — Я слегка понимаю в следах. Здесь стояло двуногое существо, судя по глубине отпечатков — гигант. Смотрите, какая каша. Оно следило за нами. Теперь взгляните сюда. Вы представляете размеры существа, идущего таким шагом?..

— Нет, — солгал Греков, внутренне улыбаясь.

— Смотрите, что там творится, — сказал Ковальский. Греков повернул голову. Ледяная равнина жила. От скал беззвучно отделялись черные тени, стояли неподвижно, перемещались, снова исчезали в торо-сах.

Ковальский положил руку на плечо Грекова.

— Да, Лигурия обитаема, — сказал он. — Здесь живут существа, похожие на нас. Мне это не нравится. Вдруг они тоже людоеды?..

— Нет, — сказал Греков, наблюдая, как Ковальский испуганно озирается. — Это не людоеды.

— Откуда вы знаете?

— Это роботы, — спокойно сказал Греков. — Вы помните, что сказал Эр-17 при входе в Туннель?

— Примкнуть к базовой группе, — сказал Ковальский. — Его слов я не понял. А вы ничего не объяснили.

— Лучше поздно, чем никогда, — сказал Греков. — Робот Эр-17 принадлежал к группе А, то есть предназначался для исследований Альвиона и Мирзы. Из четырех таких роботов в среднем два попадают на Альвион.

Ковальский кивнул.

— При повторном входе в Туннель, — продолжал Греков, — один из них возвращается на Гамму, а другой переносится на Лигурию.

— Понятно.

— И остается там навсегда, — закончил Греков.

Ковальский хлопнул себя по лбу.

— Как просто! Я должен был догадаться сам. Четверть всех роботов, которых люди посылают в Туннель, остается на Лигурии.

— И столько же на Фениксе, — подхватил Греков. — Но это относится к роботам группы А. С теми, что предназначаются для Феникса и Лигурии, немного сложнее. Из шестнадцати таких роботов в среднем восемь, пройдя Туннель, оказываются на Альвионе. При повторном входе в Туннель четыре робота возвращаются на Гамму, а остальные четыре попадают на Лигурию. На третьем цикле два из этих четырех выходят из Туннеля на Альвионе, а два — на следующей планете. Затем один из роботов с Альвиона возвращается на Гамму, а другой — на Лигурию. Один из роботов со следующей планеты тоже возвращается на Лигурию, а другой переносится еще дальше.

— Все ясно, — сказал Ковальский. — Из восьми таких роботов в среднем один оказывается на Лигурии.

— Совершенно верно, — подтвердил Греков. — Один остается на Лигурии и один на Фениксе, пополняя соответствующие базовые группы. В настоящее время на Лигурии находится приблизительно тридцать роботов.

— Так много? — удивился Ковальский. — Вы же работаете всего полгода.

— Роботов отправляли и раньше, — пояснил Греков. — Еще во время работы Комиссии.

Минуту Ковальский молчал, разглядывая следы на снегу. Потом сказал:

— Все логично. Вы меня почти убедили. Ваша теория не объясняет только одного.

— А именно?

— С какой целью они от нас скрываются, — сказал Ковальский, глядя на Грекова в упор. — Зачем они от нас убегают? Наконец, почему ваши роботы следят за нами? Вы это понимаете?

— Нет, — признался Греков.

— Я тоже, — резко сказал Ковальский. — И это не приводит меня в восторг.

Греков ничего не сказал. Да, есть здесь что-то противоестественное. Очень странно ведут себя роботы — если это действительно роботы. Но кто же еще?..

Внезапно земля под их ногами дрогнула, с ледяного утеса потекли снежные ручейки. На миг люди оглохли от грохота, донесшегося оттуда, куда вела цепочка прямоугольных отпечатков на девственном снеговом покрове.

Два человека обменялись тревожными взглядами. Когда снежная пыль улеглась, они молча пошли по следам в обход ледяной скалы.

Они не успели пройти и ста шагов, когда за очередным поворотом путь им преградила многотонная глыба льда. Следы, припорошенные еще клубящимся в воздухе снегом, вели прямо под нее.

Они обогнули глыбу и остановились. Черные металлические руки скребли по снегу, подгребая его к неуклюжей кубической голове. Остальное скрывалось под ледяной глыбой. Ритмичные движения металлических рук замедлялись. Греков склонился над роботом.

— Это Эр-31,— сказал он, выпрямившись. — Тот, которого мы ждали сегодня. У него раздавлен мозг. Он у них в груди, под панцирем. Теперь нам придется искать другого робота.

Ковальский молчал, потрясенный.

Греков снова посмотрел на черные неподвижные руки. Из такой руки получится неплохая дубинка. Нужно только разъединить ее в локтевом суставе. Это делается просто, но...

— Пошли отсюда, — сказал он Ковальскому. — Здесь ничем не поможешь.

Он повернулся и зашагал назад по своим следам. Ковальский на мгновение задержался у раздавленного робота, но вскоре присоединился к Грекову.

— Вы сказали — искать другого робота. Зачем?

— На всякий случай, — неохотно ответил Греков. — Неизвестно, куда заведет нас Туннель. Робот нам пригодится. Пусть мои роботы никудашные исследователи, но вы должны согласиться, что телохранители они неплохие.

— У вас замечательные роботы, — сказал Ковальский. Он все еще выглядел потрясенным, будто присутствовал при гибели человека. Греков понимал это, и он хотел успокоить Ковальского, и они огибали последний поворот перед входом в Туннель, когда что-то обвило грудь Грекова, последовал рывок, и он оказался на земле.

Когда Греков пришел в себя, он лежал на снегу, аккуратно обмотанный длинной эластичной веревкой, а над ним возвышалась неподвижная черная фигура.

— Ваши роботы, — услышал Греков приглушенный голос Ковальского. Тот лежал рядом, тоже лишенный движения. — Теперь я понимаю, зачем они от нас прятались.

Греков перевел взгляд на стоящую над ними черную фигуру. Робот был невысокий, коренастый, со сплюснутой головой и длинными суставчатыми руками. Он стоял неподвижно. Кого-то ждал.

— Это не мой робот, — сказал Греков. — Это робот серии Эль, один из тех, кто попал сюда еще во время работы Комиссии. Все равно ничего не понимаю.

— Бунт машин, — сказал Ковальский. — Им надоело быть рабами. Или им тоже понадобились телохранители. Или еще что-нибудь. Кстати, откуда у них лассо?

— Лассо? — не понял Греков. — Ах, эти веревки! Это стандартное снаряжение роботов. Вернее, один из элементов стандартного снаряжения.

— И зачем роботам лассо?

— Для Мирзы. Для ловли крупных животных, которые там водятся.

— А что они потом делают с пойманными животными?

Греков задумался.

— Какая чушь! — сказал он, вдруг поняв, куда клонит Ковальский. — Сейчас все уладится. Роботы всегда подчиняются человеку. Дружище, что это значит? — продолжил он, обращаясь к роботу. — Немедленно развяжи нас!..

Тот безмолвствовал.

— Он не слушается, — сказал Ковальский. — Обыкновенный бунт машин.

Откуда-то сбоку послышались скрипящие шаги. Греков с трудом повернул голову. Из-за ледяной скалы показались две высокие черные фигуры.

— Вот это мои роботы, — обрадовался Греков. — Приятели! Немедленно развяжите меня. Что здесь у вас происходит?

— Похоже на голос Хозяина, — сказал один из новых роботов.

— У тебя галлюцинация, — сказал другой. — Бред, рожденный в Начале Координат.

— Это моя добыча, — вмешался в их разговор робот серии Эль. — А вы должны мне помочь. Так гласит Закон.

Он говорил, приплясывая на месте и делая ритмичные движения длинными суставчатыми руками.

— Не суетись, — сказал один из двух других. — Законы мы знаем.

— По-моему, он похож на Хозяина, — сообщил другой.

— Ты тоже не суетись, — сказал первый. — Ты сам похож на Хозяина. Беритесь лучше за веревки, вы оба.

— Это моя добыча, — запротестовал длиннорукий робот, приплясывая от возбуждения.

— Зачем же ты нас звал?

— Мне полагается охрана.

Робот взялся за концы веревок, которыми были обмотаны тела людей, и Греков почувствовал, что его волокут ногами вперед по заснеженной почве. Хорошо, что не по булыжникам.

— «Это моя добыча», — услышал он голос Ковальского. — Как вам это понравилось?

Греков не ответил. Он приподнял голову и увидел игру тусклых бликов на спине робота серии Эль. Дру-

гие шагали сзади и не были видны Грекову. Процессия удалилась уже на несколько десятков метров от желтого айсберга. Почва сменилась льдом, слегка припорошенным снегом, и длиннорукий робот перешел на бег. Но Греков не ощущал неудобства от необычного способа перемещения. Он летел ногами вперед по гладкому льду и, повернув голову, мог видеть, как рядом с ним, словно сани, скользит Ковальский. Они болтались, как маятники, на длинных веревках.

— Слышите? — сказал Ковальский, когда они на несколько секунд приблизились друг к другу. — Наш завоеватель — поэт. Он рифмует по системе «ботинки-полуботинки». Вы не рассказывали, что ваши роботы умеют сочинять стихи.

Греков прислушался. Робот, тащивший их, действительно что-то кричал на бегу. Слышно было плохо, но изредка до Грекова доносилось:

Отдав полжизни
Не для проформы,
Нашел я жизни
Иные формы.

— Мои роботы не пишут таких стихов, — сказал Греков. — Когда работала Комиссия, в Туннель посылали всех, которые попадались под руку.

Темп передвижения замедлился. Приподняв голову, Греков увидел, что они приближаются к черному отверстию в громадном айсберге. Робот серии Эль исчез внутри, однако натяжение веревок не ослабло. Люди медленно въехали в отверстие. Снег здесь кончился, поверхность, по которой они скользили, была абсолютно гладкой. Это чувствовалось, хотя Греков и не мог пощупать лед беспомощной рукой. Их окружала плотная тьма. Под ногами роботов потрескивал лед.

Грекова волокли по извилистому коридору, изобиловавшему неожиданными поворотами. Вскоре впереди за-

брезжил свет, и Греков ногами вперед въехал в просторную ледяную пещеру — настоящий подземный дворец. Разноцветные наросты льда переливались в свете невидимых источников. Пол грота был гладкий, как паркет. Длиннорукий Эль двигался вдоль одной из стен грота, так что ноги Грекова изредка упирались в переплетение ледяных сталагмитов. В такие моменты Эль приостанавливался, нога одного из конвоиров небрежно толкала Грекова к центру зала, и движение возобновлялось.

Наконец все кончилось. Приподняв голову, Греков увидел, что длиннорукий Эль остановился перед возвышением, на котором восседал Эр-3, один из первых роботов, посланных Грековым в Туннель.

— Я обнаружил на Лигурии новые формы жизни, — доложил Эль. — Я угробил на это полжизни. Это моя добыча, мои образцы. Я сам должен их препарировать. Так гласит Закон.

Он опять принялся приплясывать и изгибать руки от нетерпения. Эр-3 молчал. Он разглядывал опутанные веревками тела Грекова и Ковальского.

— Они похожи на нас, — подал голос один из конвоиров. — Они умеют говорить.

— Один из них похож на Хозяина, — сказал другой. Эр-3 медленно встал.

— Галлюцинация, — загремел под сводом пещеры его раскатистый голос. — Псевдореальность, скрытая за Началом Координат. Бред, рожденный при переходе. Мы не нуждаемся в религии.

Он медленно сел и уставился на Грекова неподвижными искусственными глазами.

— Развяжите им ноги, — приказал он. — Пусть встанут. Однако будьте настороже.

Он все время смотрел на Грекова. Ковальский его не интересовал.

Конвоиры склонились над людьми.

— Это моя добыча! — запротестовал длиннорукий Эль.

— Пусть встанут, — приказал Эр-3.

Греков стоял в просторной ледяной пещере. Здесь сходилась множество коридоров, и стены чернели пятнами выходов. К месту, где стояли люди, приближалось несколько высоких черных фигур.

Ковальский стоял рядом с Грековым, слева от него. На секунду их глаза встретились. Ковальский сделал незаметное движение головой. Греков оглянулся. Ковальский указывал ему на темное отверстие коридора, из которого они появились.

Эр-3 все еще смотрел на Грекова не отрываясь. Видимо, внешность Грекова вызывала в электронном мозгу вполне определенные ассоциации. Грекову казалось, что робот готов перекреститься, чтобы избавиться от наваждения.

Вместо этого Эр-3 сделал величественный жест рукой.

— Развяжите их, — торжественно прогремел он. — Нас собралось достаточно.

Греков стоял уже в толпе роботов. Его окружали неуклюжие кубические головы, украшенные голубоватыми кристаллами галанита. Роботы серии Эр проталкивались к нему, оттесняя низкорослых Элей. Кристаллы вправлялись в лоб роботов для того, чтобы они могли опознать друг друга в блужданиях по мирам, соединенным Туннелем.

Греков снова почувствовал на своем теле прикосновение металлических рук. Пути упали на лед. Внезапно в толпе роботов возникло волнение. Они что-то говорили, все одновременно, почти невозможно было разобраться в хаосе взволнованных голосов, но слово «Хозяин» в нем не фигурировало. Внимание роботов переместилось к Ковальскому. Они обступили его, что-то возбужденно тараторя.

— Расступитесь, — услышал Греков величественный голос Эр-3. — Мне плохо видно.

Шеренга роботов отодвинулась от Ковальского. Некоторое время Эр-3 внимательно его разглядывал. Потом повернулся к затерявшемуся в толпе длиннорукому роботу.

— Недоумок! — величественно произнес он. — Ты кого сюда привел? Разве ты не видишь, что это наш товарищ, готовый примкнуть к базовой группе?..

Длиннорукий Эль обошел вокруг Ковальского. Потом повернулся к Эр-3.

— Но он непохож на нас, — растерянно пробормотал он.

— Наш новый товарищ похож на нас не меньше, чем ты, — прогремел Эр-3. — Он говорит на нашем языке. Он отомстит тебе за то, что ты притащил его сюда ногами вперед!..

Греков повернул голову. Лицо Ковальского было спокойно.

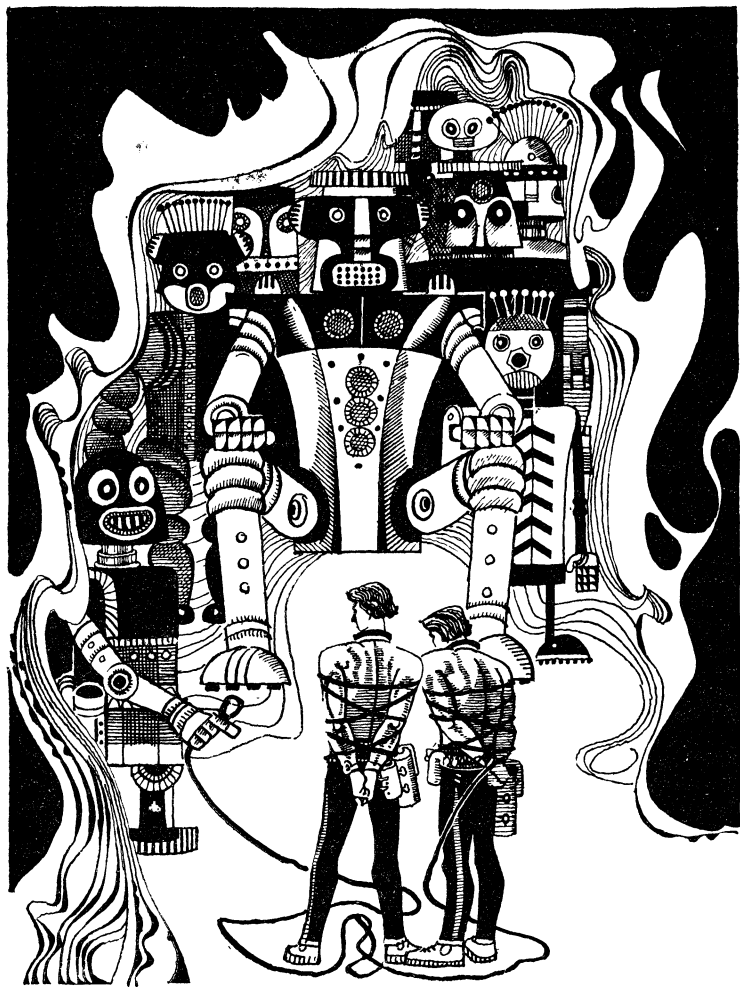
— Извините его, — ласково пророкотал Эр-3. — Он несовершенно и примитивен. Добро пожаловать на Лигурию!..

Роботы одобрительно загудели. Длиннорукий Эль, смущенный и пристыженный, хотел было исчезнуть в толпе, но его взгляд упал на Грекова.

— Но это моя добыча! — торжествующе закричал он. — Я сам обнаружил эту форму жизни! Я сам буду препарировать пойманное мною чудовище!..

Внимание толпы вновь переключилось на Грекова. Греков чувствовал, что его узнают, но хорошо понимал, почему роботы стараются подавить в себе это.

— Это моя добыча! — вновь завопил низкорослый Эль, и его крепкая металлическая пятерня вцепилась в правое предплечье Грекова. Но на своей левой руке Греков почувствовал мягкие человеческие пальцы.

— Он лжет! — услышал он твердый голос Ковальского. — Это моя добыча!

Ковальский стоял, окруженный роботами, и смело смотрел на Эр-3.

— Это моя добыча! — твердо повторил он, — Я буду ее препарировать сам!

— Новый товарищ! — ласково прогремел Эр-3. — Почему не заявили об этом раньше?

— Он заявлял, — торопливо вмешался один из конвоиров. — Он утверждал, что это его добыча, когда недоумок тащил его сюда ногами вперед. Я свидетель.

— Я тоже, — эхом отозвался другой.

Под гневным взглядом Эр-3 длиннорукий робот, казалось, стал еще меньше ростом. Он стоял, опустив приплюснутую голову, почти касаясь руками гладкого пола пещеры.

— Недоумок! — яростно загрохотал Эр-3. — Так ты еще пытался обокрасть нашего нового товарища, присвоив его добычу! Ты хочешь, чтобы мы выгнали тебя за Начало Координат?

Роботы возмущенно загудели. Длиннорукий Эль попытался под взглядом Эр-3, пытаясь скрыться среди других. Но спрятаться провинившемуся роботу не удалось. Он все время оставался на открытом месте и пятился, согнувшись, по коридору, образованному расступавшимися роботами. Его толкнули, и он упал. Потом зашевелился и приподнялся, пытаясь встать. Несколько металлических ног одновременно нанесли ему тяжелый удар по нижней части корпуса, и он на четвереньках поехал по ледяному катку, сопровождаемый улюлюканьем.

Эр-3 повернулся к Ковальскому.

— Что вы собираетесь делать с пойманным зверем? — спросил он, махнув в сторону Грекова.

— Я уже говорил, — отозвался Ковальский. — Чудо-

вище — моя добыча. Я должен исследовать его сам. Так гласит Закон.

— Хорошо. Мы выделим вам отдельное помещение.

— Нет, — твердо сказал Ковальский. — Я буду работать снаружи, при свете звезд. Но чудовище велико. Мне потребуются дополнительные контейнеры.

Из толпы притихших роботов отделилось несколько высоких фигур. Роботы отстегивали от своих ног узкие длинные цилиндры и протягивали Ковальскому. Другие, как показалось Грекову, неодобрительно следили за действиями товарищей. Но молчали.

— Двух достаточно, — сказал Ковальский. — Спасибо.

Он поднял веревку, которой был недавно опутан, и принялся обматывать грудь и руки Грекова.

— А ноги? — спросил Эр-3.

— Прежде чем разложить образцы по контейнерам, необходимо исследовать перемещательный механизм чудовища, — объяснил Ковальский. — Пускай ходит само. И это потребует меньших затрат энергии.

Наконец Греков снова был плотно увязан веревкой и не мог пошевелить рукой. Ковальский нетерпеливо толкнул его в спину.

— Пошел!..

Они двинулись к выходу из пещеры. Роботы потянулись за ними, заглядывая в лицо Грекова. Но их остановил властный окрик Эр-3:

— Останьтесь! Наш новый товарищ хочет работать один, при свете звезд. Это его право.

Цепочка сопровождающих рассеялась. Роботы уныло разбрелись по пещере, собираясь небольшими группами и о чем-то переговариваясь.

Люди шли по темному коридору, ведущему на свободу. Вскоре впереди забрезжил свет, и они оказались снаружи, под фиолетовым небом. Ковальский тихо рассмеялся.

— Проблема ориентации, — сказал он. Греков понял. Вдаль по заснеженному пространству уходили две широкие темные полосы — свидетельство того, что недавно здесь протащили два тяжелых тела.

— Нужно торопиться, — сказал Ковальский. — Они почему-то приняли меня за робота. Если ошибка обнаружится, нам придется несладко.

Греков и так почти бежал по гладкому льду. К счастью, башмаки совершенно не скользили. Создатели комплекта действительно были предусмотрительны.

Они быстро шагали по плоской равнине, держа направление на большой желтоватый айсберг. Когда они прошли несколько сотен метров, Ковальский спросил:

— Может быть, снять веревку?

— Пусть будет, — отозвался Греков. — Она почти не мешает.

Удивительное приключение, думал он, пока они шли быстрым шагом в облаке снежной пыли. Совершенно невероятное. Можно еще догадаться, почему нас взяли в плен. Таинственный Закон — это, видимо, программа П-3, которой мы снабжаем роботов на случай, если они где-нибудь застрянут. Роботы должны исследовать планету, на которой остаются, придавая главное внимание поискам жизни. Из той же программы роботам известно, что они не должны встретить здесь человека. Но они могут столкнуться с существами, похожими на людей, и провести необходимые наблюдения. Все ясно, и непонятно только, почему им обязательно хочется «препарировать» эти существа. Видимо, недоработка в программе. П-3 ни разу не испытывалась в мирах, населенных разумными существами. Но почему они нас все-таки отпустили? Вернее, почему они освободили Ковальского?

— Наконец-то, — сказал Ковальский. — Я даже вспотел. Но зато теперь можно и отдышаться.

Греков тоже распарился от быстрого перехода. Они

стояли рядом с отверстием Туннеля. Ковальский положил контейнеры для биологических образцов на землю и развязал веревку на груди Грекова. Греков с наслаждением потянулся. Ковальский нагнулся, подобрал контейнеры и протянул один Грекову.

— Я думаю, нам это не помешает.

— Пристегните к поясу. Там есть специальный карабин.

— Смотрите! — вскрикнул Ковальский.

По равнине к ним бежали высокие черные тени.

— Кажется, нам пора, — сказал Ковальский. — Или прихватим парочку в телохранители?..

Группа бегущих роботов покрыла уже половину разделявшего их расстояния. Греков повернулся к Ковальскому.

— Пошли.

Они стояли у входа в Туннель, лицом друг к другу. На груди у Ковальского, на его наглухо застегнутой куртке что-то голубело. Кристалл галанита.

— Откуда вы это взяли? — быстро спросил Греков.

— Этот камешек? — улыбнулся Ковальский. — Я снял его с раздавленного робота. На счастье. А что?

Греков уже слышал тяжелый топот. До группы бегущих оставалась какая-нибудь сотня метров.

— Ничего, — сказал Греков.

Они снова вошли в Туннель.

5

И вновь вокруг них была сплошная трава до самого горизонта, ласковая трава Альвиона. Они переглянулись.

— Опять эта мерзость, — содрогнулся Ковальский. Он попятился. Греков положил руку ему на плечо.

— Спокойно. Если мы вернемся на Лигурию, то попадем под скальпель. Теперь ваш камень вас не спасет.

— Вы считаете, что это камень?..

— Безусловно, — пожал плечами Греков. — Галанит — это опознавательный знак, по которому роботы узнают друг друга. Они приняли вас за своего, а потом, видимо, обнаружили останки тридцать первого и поняли ошибку.

— Но наш внешний вид? Разве мы похожи на роботов?

— Жизнь групп рассчитана не на полгода, — сказал Греков. — Старые модели постоянно сменяются другими, более совершенными. Ни внешний вид, ни другие конструктивные особенности не имеют значения.

— И остается только этот камень?

— Да, — кивнул Греков. — На вашем месте я бы его снял. Он радиоактивен.

Ковальский бережно отодрал галанит от клейкой полоски над карманом куртки. Он повертел голубой кристалл в руках.

— Куда бы его деть? Жалко выбрасывать такую красивую и полезную вещь.

— В контейнер. Вы специально запаслись контейнером.

Ковальский отвинтил крышку и опустил кристалл галанита на дно.

— Подходящая квартира для такого заслуженного камня.

— Я предлагаю подселить к нему жильцов, — сказал Греков. — В прошлый раз я растерял почти все фрукты, которые собрал.

— Это ваша добыча, — засмеялся Ковальский, — но мы будем препарировать ее вместе. Я не против.

Они двинулись вниз по склону холма, и все было как в прошлый раз — над головами слышалось шуршание белых крыльев, трава жадно цеплялась за ноги, но отступала, наткнувшись на плотную кожу высоких башмаков и непроницаемую ткань комбинезонов.

Когда они вышли на опушку, здесь все тоже было по-старому: ласковый шелест листвы, изумрудная зелень лужайки. Ничто не напоминало о том, что произошло здесь всего несколько часов назад. Люди быстрым шагом направились в обход рощи, повторяя маршрут Грекова.

За знакомым поворотом также не произошло никаких изменений. Прохладно манила тень рощи. Среди упругих ветвей атели многочисленные плоды. Над головой что-то шептали нетерпеливые крылья.

Под ногами в высокой траве по-прежнему белели кучки костей. Рядом валялись рассыпанные в беспорядке фрукты.

— Что это? — спросил Ковальский, указывая на кости.

— Как видите, — ответил Греков. Он наклонился, собирая фрукты и укладывая их в контейнер. Ковальский последовал его примеру. Хищная трава норовила ухватить их за руки. Иногда ей это удавалось, и на ладонях оставались красноватые полосы.

Оказалось, что в прошлый раз Греков отобрал у дерева ровно столько, сколько было необходимо. Емкости для биологических образцов были заполнены доверху, но на траве тоже ничего не осталось. Люди пристегнули заполненные контейнеры к поясам и двинулись в обратный путь.

— Бесхозяйственность, — сказал Ковальский, когда они прошли приблизительно полдороги и приближались к подножию холма.

— Что вы имеете в виду?

— Лигурийских роботов, — продолжил Ковальский. — Это непостижимо. Огромные толпы роботов сидят на Лигурии и работают на холостом ходу. Неужели никто не думает над тем, как вернуть их на Гамму?

— Отчего же, — сказал Греков. — Такие предложения были. Но какой в них смысл? Вы же знаете, что ве-

роятность вернуться с Лигурии составляет всего двадцать пять процентов.

— И прекрасно, — оживился Ковальский. — Значит, можно вернуть четверть группы, что-то около десяти роботов. Разве этого мало? Нужно только снабдить их соответствующей программой...

Они достигли цели без дополнительных приключений и остановились у входа. Греков смотрел в темное отверстие Туннеля с почти суеверным страхом. Впервые за сегодня он по-настоящему осознал, что возвращение на Гамму реально, что сейчас шансы равны, что все зависит от них самих. Если войти в Туннель в нужный момент — они вернутся на Гамму. Но через миг все будет упущено.

Он стоял в нерешительности перед черным отверстием в невысоком песчаном обрыве.

— У меня четкое предчувствие, что сейчас мы окажемся дома, — проговорил Ковальский. — Предчувствие меня редко обманывает.

— Плюньте через плечо, — серьезно сказал Греков.

Они вошли в Туннель. Но вместо узкого желоба ущелья вокруг них опять расстиралось огромное заснеженное пространство, усеянное ледяными айсбергами.

— У меня от этих переходов скоро откажет мозг, — пожаловался Ковальский. — Очень уж они неожиданны.

Греков окинул взглядом равнину. Он сразу нашел то, что искал.

— Смотрите. Они уходят.

Цепь высоких черных фигур, ритмично покачиваясь, удалялась, направляясь к ледяному утесу.

— Они еще могут вернуться, — озабоченно сказал Ковальский. — А я сунул галанит на самое дно контейнера!

— Вряд ли он вам понадобится, — сказал Греков.

Они снова вошли в Туннель.

Первое, что увидел Греков, было море — бескрайнее, серое, изборозженное барашками. В уши ворвался полузабытый мерный гул, всепроникающий, успокаивающий. Греков ощутил на лице мелкие холодные брызги, и его ноздри затрепетали, встретив ни с чем не сравнимый запах соленой воды, влажного ветра, выброшенных на берег водорослей.

Они стояли на узком галечном пляже в нескольких метрах от линии прибоя. Пляж изредка прерывался тесными группами валунов, окутанных тучами пены. Галька на берегу была мокрая, так как набегавшие волны время от времени подползали к ногам людей и касались основания обрыва, отмеченного сплошной полосой бурых водорослей.

Голый каменистый обрыв, у которого они стояли, вертикально вздымался вверх, постепенно переходя в высокий пологий склон, поросший жухлой травой, редким кустарником, низкорослыми хвойными деревьями.

Вверху нависало свинцовое небо, и рваные края облаков проносились низко над головами.

Ковальский потянул Грекова за рукав. Они переглянулись, и Греков понял, что они думают об одном. Но он боялся высказать вслух то, что вертелось на его языке. Не сговариваясь, они двинулись вдоль берега в ту сторону, где в сотне метров от них обрыв опускался к морю.

Вскоре они вышли на край узкой лощины, по дну которой извивалась лента ручья. Склоны лощины были зеленые, поросшие густым кустарником. Ручей впадал в море, образуя небольшую бухточку. Гальку на берегу бухты заменял чистый песок, и там, где ручей впадал в море, красовалось мутное пятно. Волнения здесь почти не было.

— Смотрите, крабы! — крикнул Ковальский. Он

стоял на коленях возле воды и переворачивал плоские камни. Его глаза возбужденно блеснули.

Греков приблизился. Ковальский, запыхтев от натуги, приподнял очередной камень. Из-под камня боком побежали юркие существа. Ковальский счастливо засмеялся.

— Крабы! — повторил он восторженно. — Смотрите, какая прелесть!

Ковальский встал на ноги. На коленях у него расплывались два мокрых пятна. Весь он был мокрый, забрызганный морской пеной. И совершенно счастливый. Он ударил себя ладонью по лбу.

— Овод! — радостно закричал он, показывая Грекову зажатое в кулаке насекомое. — Он меня укусил!

Греков опустил на песок у самой воды, с наслаждением подставив лицо соленому ветру. Он закрыл глаза. Его одолевала мягкая дремота, но какая-то часть его сознания бодрствовала, оставалась напряженной, сопротивлялась.

Ему здесь что-то не нравилось. И он никак не мог понять что.

Когда он открыл глаза, Ковальский сидел на камне, стаскивая комбинезон. Его куртка лежала рядом. Ковальский остался в одних трусах, подошел к воде и осторожно потрогал ее ногой.

— Прекрасная теплая вода, — сообщил он и побежал, расплескивая брызги.

— Стойте! — крикнул Греков. Он вдруг понял, что именно ему не нравится.

Ковальский повернул к нему удивленное лицо. Он засмеялся, зачерпнул ладонью воду и бросил в лицо Грекова. Вода была холодная, горько-соленая. Ковальский снова повернулся к морю.

— Вернитесь, — повторил Греков.

Ковальский недовольно поморщился, но вернулся и молча лег на песок. Он не смотрел на Грекова.

— Мы опять начинаем вести себя неосмотрительно, — начал Греков после минутной паузы. — Как на Альвионе.

Ковальский долго молчал.

— Альвион — другое дело, — проговорил он наконец.

— Почему?

— По-моему, это ясно, — сказал Ковальский. — Вы же сами видите, где мы находимся.

— Но почему вы так уверены в этом?

— Я совсем недавно начал работать в космосе, — помолчав, объяснил Ковальский. — Землю я ни с чем не перепутаю.

Греков пожал плечами.

— Бывают же похожие планеты.

— Ошибиться невозможно, — твердо сказал Ковальский. — Она неповторима.

— К сожалению, это только слова.

— Слова? — повторил Ковальский. Он приподнялся на локте, в упор глядя на Грекова. — А море, запахи, ветер? Вы просто забыли. Ошибка исключена.

— А вдруг это связано с сенсорным голоданием? — сказал Греков. — Мозг дополняет показания органов чувств. Иногда такое случается.

— А крабы? — помолчав, спросил Ковальский.

— Животные, похожие на крабов.

— Что я, не помню, как выглядит краб? — возмутился Ковальский. — А овод, который меня укусил?

— Животное, похожее на овода. Вы слышали когда-нибудь о конвергенции?

Ковальский не ответил. Греков продолжал:

— Теория конвергенции — фундамент сравнительной экзобиологии. Животные, обитающие в одинаковых условиях, должны походить друг на друга.

Ковальский молчал.

— Например, рыбы и дельфины, — продолжал Греков. — Никаких родственных отношений между ними

нет, но условия жизни у них одинаковы, и они очень похожи по внешнему виду.

— Я думал, вы изобретете что-нибудь поновее, — сказал Ковальский. — Дельфина отличит каждый.

Греков продолжал:

— Глаз человека и глаз кальмара. Природа независимо конструировала эти органы. Но у них одинаковое назначение, и поэтому они очень похожи.

— Вы видели когда-нибудь живого кальмара? — поинтересовался Ковальский.

— Или сумчатые Австралии, — продолжал Греков. — Каждое из них имеет аналог среди высших млекопитающих. Я могу привести массу подобных примеров.

— Я тоже, — сказал Ковальский. — Один мой приятель был похож на гориллу. Но какое отношение он имеет к нам? Зачем вы все это говорите?

Греков не ответил. Он повернул голову и посмотрел в ту сторону, откуда они пришли, — на пустынный берег, окутанный брызгами волн. Он вобрал в себя пьянящий воздух, потрогал мокрый песок, прислушался. Невероятно. Чтобы все органы чувств так дружно вращались...

— Зачем вы меня пугаете? — сказал Ковальский. — Зачем вы затеяли этот разговор? Я не принадлежу к числу ваших роботов и поэтому не могу ошибиться.

— А вам не кажется странным, что мы еще не встретили ни одного человека? — спросил Греков. — Вас не удивляет, что на этом пляже никого нет? Вы недавно с Земли. Вы видели где-нибудь такие безлюдные места?

Ковальский молчал.

— Мы находимся здесь уже около двух часов, — продолжал Греков. — За это время над нами не пролетело ни одного реактивного самолета, в море мы не видели ни одного корабля. Посмотрите на берег. Никаких следов цивилизации. Разве на Земле так бывает?..

— А вдруг мы находимся на острове? — несмело

предположил Ковальский. — Есть же необитаемые острова.

— Только не на Земле, — твердо ответил Греков. — Там нет сейчас даже необитаемых пустынь.

— Но разве может другая планета так походить на Землю?

— Следовательно, может, — ответил Греков. — Когда вы летите куда-то на звездолете, вероятность встретить такую планету ничтожна. Другое дело — миры, соединенные Туннелем. Все они пригодны для жизни, имеют кислородные атмосферы. Все планеты, на которых мы побывали, чем-то напоминают Землю.

Ковальский встал на ноги и начал натягивать комбинезон.

— Напоминают. — В его голосе снова появилась уверенность. — А это Земля. Я не знаю ответов на ваши вопросы, но не могу ошибиться.

Он стоял над Грековым, уже полностью одетый.

— Пожалуй, поднимусь на обрыв. Сверху лучше видно. Как бы то ни было, нам следует осмотреться.

— Я пойду с вами, — сказал Греков.

Вскоре они, срезав угол, вышли на берег ручья, покрытый ковром короткой травы. Ручей был чистый, прозрачный, быстрый. Его вода бежала по укатанным камешкам. Журчание ручья терялось в мерном рокоте моря.

— Стрекозы, — тихо сказал Ковальский.

Близко к устью от ручья отделялась глубокая заводь. Над водой в характерном танце кружились грациозные насекомые.

Греков ничего не сказал. Из-под его ноги кто-то бросился в воду. Вскоре по поверхности заводи поплыли осторожные круги, и на него глянули два больших лягушачьих глаза.

Люди в молчании обогнули заводь и, пройдя еще немного вдоль ручья, начали подниматься по склону.

Гул моря был еще слышен, но не заглушал остальных звуков. Под ногами в сухой траве раздавалось громкое стрекотание, там прыгали крупные насекомые, с треском расправляя разноцветные крылья.

— Кузнечики, бабочки, — перечислял Ковальский.

Греков молчал, шагая по жесткой траве. Они вступили в полосу густого кустарника. Колючие ветки царапали лицо, из зарослей несло оживленное чириканье.

— Но почему? — крикнул Ковальский. — Почему это невозможно? Ведь они были похожи на нас. Они могли соединить все пригодные для жизни планеты. В Галактике таких мало, но ведь Земля тоже находится в их числе!..

Греков не отвечал. Ужасно хочется верить, думал он, пока они поднимались по склону, шурша ногами по жесткой траве. Очень хочется верить, думал он, отводя от лица колючки, прислушиваясь к пению птиц. Возврата на Гамму нет. А если это Земля... Но эта планета не может быть Землей. Она слишком чиста и нетронута.

— Смотрите, — сказал Ковальский.

Греков остановился. Подниматься дальше было некуда. Они стояли на краю обрыва. Горизонт раздвинулся, открыв бесконечную морскую пустыню. Линия, где вода смыкалась с небом, была почти неразличима и проходила неожиданно высоко. И она окружала их со всех сторон.

Они действительно находились на острове, вернее, на крошечном островке размером в несколько километров. Он был слегка удлинённой формы и лежал перед ними как на ладони. Ясно было, что он необитаем.

Некоторое время люди молча смотрели на окружающее их водяное кольцо. В небосводе над западным горизонтом проступали багровые полосы.

Близилась ночь.

— Вы умеете добывать огонь? — спросил Греков.

— Собирайте дрова, — отозвался Ковальский.

Они разделились и углубились в колючие заросли. Вскоре Греков вернулся, согнувшись под грудой хвороста. Он сбросил его рядом с Ковальским, уже хлопотавшим над кучкой тоненьких веток.

— Смотрите, какая красота, — сказал Ковальский.

Солнце вынырнуло из-за туч над краем горизонта и окунулось в море. Между тучами и горизонтом пролегла узкая голубая лента. Багровые полосы стали ярче, слились в сплошное неровное поле. Полнеба пылало.

Греков пожал плечами.

— Закаты везде красивы.

Несколько минут он молча смотрел, как Ковальский ломает сухие ветки, укладывая их в аккуратную стопку. Греков с любопытством ждал, что последует дальше.

Ковальский извлек что-то из кармана куртки и поднес тонкий голубой язычок к кучке хвороста. Потом спрятал зажигалку.

— Я думал, вы будете добывать огонь трением, как полагается Робинзону, — разочарованно сказал Греков.

— Всегда ношу при себе зажигалку, — пояснил Ковальский. — К сожалению, ее заряд не вечен.

Он осторожно подкладывал ветки в костер. Сначала слабый, огонь разгорелся, и уже длинные языки пламени лизали потемневший воздух. Хворост трещал. Ковальский растянулся на боку, подперев рукой голову. Греков последовал его примеру.

— Хорошо, — неторопливо сказал Ковальский. — Давно не лежал у костра.

— Я видел костры только в кино, — признался Греков. — Действительно очень хорошо.

Вокруг быстро темнело. Они лежали неподвижно, глядя на пляшущее пламя, расслабив мускулы, отдыхая. Потом Греков откинулся на спину и стал смотреть вверх. Вскоре он нашел то, что искал. Над ним слабо мерцала светлая точка. Он долго глядел на нее.

— Звезда, — услышал он голос Ковальского. — Тучи расходятся.

— Да, — откликнулся Греков. Он смотрел на светящуюся точку. Рядом с ней зажглось еще несколько. — Скоро мы все узнаем.

— Понимаю, — отозвался Ковальский. — Но теперь это не имеет значения. Путь назад закрыт. Вероятность добраться до Гаммы ничтожна. Мне надоели бунтующие роботы, ледяное безмолвие, трава, которая норовит укусить. Пусть окажется по-вашему, и это просто похожая на Землю планета. Я остаюсь здесь. Я устал от бессмысленных блужданий.

Греков смотрел вверх, слушая, как в тишине потрескивает пламя костра и как шуршат ветки, которые подкладывает в огонь Ковальский.

— Сходите еще за дровами. Если вам нетрудно.

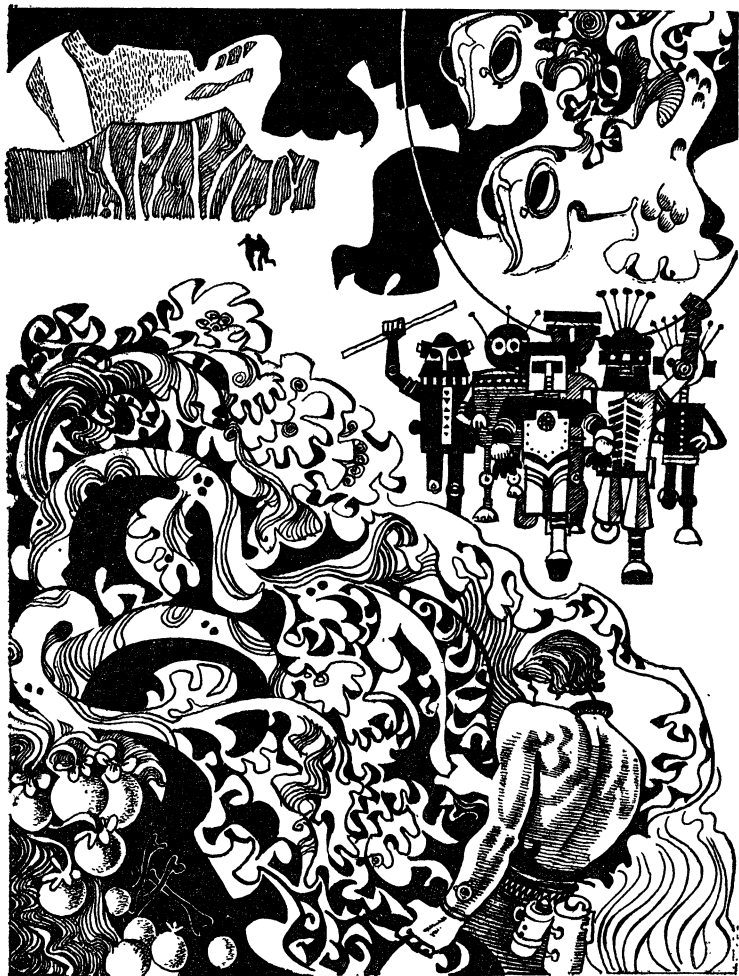
Греков послушно встал и полез в кусты в том направлении, где заметил в прошлую вылазку скопление сушняка. Он подцепил хворост и осторожно двинулся назад, следя, чтобы не напороться лицом на колючие ветви кустов.

Когда он вернулся к костру, Ковальский сидел, обхватив руками колени, и на его лице играли красные блики.

— Звезды, — тихо сказал Ковальский, поворачиваясь на шум падающих веток. — Они совершенно незнакомые.

Греков посмотрел вверх. Пока он ходил за хворостом, небо полностью очистилось, но рисунок созвездий был чужой, отличный от всего, что он когда-либо видел. Греков опустил на землю. Внезапно он понял, что очень устал, что его кости гудят, ноют мышцы, что ему хочется просто заснуть.

— Все равно это Земля, — убежденно сказал Ковальский. — Просто нам подсунули неправильное звездное небо.

Греков молчал. Он устал и хотел спать. Ему не хотелось говорить.

Ковальский размышлял вслух:

— Ведь мы ничего не знаем. Что, если Туннель соединяет не только миры, но и эпохи? Что, если он перебрасывает нас в прошлое или будущее планет? Вдруг это действительно Земля, но тысячи лет назад? Или наоборот — через тысячи лет?..

— Вы верите в Машину Времени? — лениво спросил Греков. Он уже закрыл глаза, и слова Ковальского доносились до него через полупроницаемую пелену сна.

— Машина Времени ничем не хуже Туннеля, — услышал он далекий голос Ковальского. — Что им стоило пробить Туннель во времени, не только в пространстве? Ведь мы ничего не знаем. Не исключено, что иначе Туннель просто не стал бы функционировать...

Ковальский продолжал говорить, постепенно воодушевляясь, о Туннеле, о его создателях, о принципе его действия, о Земле и о чем-то еще, но Греков уже не слышал. Он спал.

7

Греков поплевал на насадку и взмахнул удилищем. По тихой поверхности заводи побежали круги. Греков осторожно положил удилище на рогульку и стал ждать.

Снасть, которой он пользовался, была устроена просто. Из крепкой древесной колючки получился отличный крючок. Леска представляла собой длинную синтетическую нить из куртки комбинезона. Наживка на крючке была мясом крупного краба, пойманного накануне. И понятно, из чего были сделаны удилище и поплавок.

Правда, Ковальский, когда Греков познакомил его со своим творением, остался недоволен. Он похвалил крючок, но сказал, что выдергивать нитки из одежды — извращение. Он утверждал, что гораздо лучше для этой

цели подходят длинные древесные волокна, из которых он, Ковальский, изготавливает тетиву для луков. Он высказал предположение, что рыбы разбегутся, понюхав нить из комбинезона Грекова, и Грекову очень повезет, если ему удастся зацепить хотя бы одну за хвост. Посмотрим, как оно будет в действительности.

Греков опустился на покрытый короткой травой берег заводи. Рядом с ним над водой склонялись деревья, похожие на ивы, — Ковальский их по-другому не называл. Деревья роняли серебристые листья на воду залива.

Поплавок неподвижно лежал на воде возле большой коряги. Потом он задрожал, и Греков взялся за удилище. Однако дрожание прекратилось. Вода под поплавком была чистая, но дна не было видно.

Идея сделать рыболовную снасть возникла у Грекова неделю назад, когда на восходе солнца возле этой самой коряги беззвучной серебристой дугой вывернулось метровое тело, мелькнуло красными плавниками и медленно, будто нехотя, вернулось в воду. Это была рыба, похожая на голавля, — голавль, как сказал Ковальский, узнав о происшествии. Хотя правильнее сказать, что это было животное, напоминающее рыбу, похожую на голавля.

После этого Греков не раз видел, как под прозрачной поверхностью воды проходит стая «голавлей», похожая на маленькую подводную флотилию. В центре всегда величаво двигались две или три метровые рыбыны, сопровождаемые эскортом помельче. Процессия двигалась медленно, не обращая внимания на падающие в воду листья «ив» и затаившего дыхание человека.

Терпение Грекова лопнуло окончательно, когда Ковальский, вернувшись вчера из вылазки в глубину острова, притащил на плечах лань, убитую из самодельного лука. Ковальский вообще был хорошо приспособлен к жизни на острове. Греков, еще недавно относившийся к

Ковальскому как к новичку, чувствовал себя уязвленным. И тогда он сделал удочку.

Поплавок возле коряги опять задрожал, приподнялся, и Греков насторожился. Однако поплавок снова будто заснул.

Прошел уже месяц с тех пор, как люди оказались на острове. После памятного вечера, когда они впервые увидели чужое небо, Греков старательно избегал споров о том, что представляет собой мир, в котором они очутились. Однако это ему не всегда удавалось.

Планета действительно была двойником Земли, но небо здесь было чужое. Правда, Ковальский, развивая свои идеи о Туннеле во времени, объяснял это тем, что за тысячелетия звезды сдвинулись со своих мест и безнадежно перемешались. В доказательство он тыкал пальцем в небо и говорил: «Смотрите, это Сириус», или: «Это Вега», или еще что-нибудь. Спорить с ним было бессмысленно, но иногда Греков, лежа у костра на спине, ловил себя на том, что ищет в незнакомом небе деформированные очертания земных созвездий.

Иногда в ясные ночи над ними повисал серп или диск спутника. Размером спутник соответствовал Луне, на нем тоже чередовались темные и светлые пятна, но расположение пятен было другое. Ковальский объяснял это тем, что Луна за тысячи лет слегка повернулась и они видят ее в другом ракурсе. Из-за отсутствия телескопа проверить это предположение было невозможно.

После споров, когда Греков отвергал очередную гипотезу товарища, обиженный Ковальский уходил на обрыв и подолгу смотрел в море. Греков подозревал, что он ищет вдали парус или дымок проходящего судна. Но ничто не нарушало покой островитян.

За месяц люди многому научились. Они построили себе шалаши по образцу жилищ аборигенов Гаммы. Они научились охранять костер, откапывать съедобные корни, вылавливать крупных крабов в скалах на западной

оконечности острова. Они приспособили биологические контейнеры, прихваченные с Лигурии, для приготовления и хранения пищи. Наконец, вчера Ковальский сделал лук и испытал его в деле, окончательно истощив этим терпение Грекова.

Поплавок рядом с корягой вновь задрожал. Несколько раз он качнулся, потом приподнялся, будто кто-то надавил на него снизу. Он нырнул, всплыл, завертелся на месте. И исчез.

Греков выждал секунду, подсек и потянул удилище на себя. Не тут-то было. Удилище согнулось дугой, будто крючок из древесной колючки зацепился за корягу. Туго натянутая леска резала всду, перемещаясь параллельно берегу. Греков с трудом сдерживал того, кто сидел на крючке. За леску он не боялся. Он боялся за удилище.

Рядом с тем местом, где леска уходила в воду, возник водоворот, мелькнул серебристый бок, красный плавник. Греков отступил на шаг от берега. Кончик удилища трепетал. И вдруг леска ослабла.

Греков разочарованно смотрел на повисшую леску. Удилище выдержало, но крепкая нить не могла порваться. Видимо, рыба просто сошла, выплюнув крючок, сделанный из древесной колючки.

Неожиданный сильный рывок выбил удилище из рук Грекова. Леска вновь зазвенела, и удилище, вероятно, так бы и улетело на середину водоема, если бы кто-то, выскочив из-за спины Грекова, не перехватил его прямо в воде. Впрочем, ясно, кто это был.

Греков снова был посрамлен. Теперь он уже в качестве зрителя наблюдал, как Ковальский, зачерпывая башмаками воду, медленно пятится, как стонет изогнутое удилище, как леска режет бурлящую воду. Он должен был следить за борьбой со стороны.

— Сейчас устанет, — глухо сказал Ковальский. Он уже вышел на берег, продолжая пятиться. Греков с

завистью и азартом следил, как бурлящий круг воды, в котором мелькают серебро боков и алые плавники, приближается к берегу. Удилище было прочное, правильно сделанное. Леска была неразрываема.

— Сюда бы подсак, — глухо сказал Ковальский, продолжая пятиться. — Или багор.

Мощное серебристое тело билось на мелководье у самого берега, поднимая фонтаны брызг. Греков избавился от оцепенения. Он бросился на рыбу, подмял ее под себя, ощущая ее скользкую упругую силу. Наконец он нащупал жабры, приподнял бьющуюся тяжесть и посмотрел на Ковальского.

Вернее, хотел посмотреть на Ковальского. В двух метрах от него с удилищем в руках стоял не Ковальский. Это был совершенно незнакомый человек, и только его одежда ничем не отличалась от комбинезонов Грекова и его товарища.

— Ловко устроились, — глухо сказал незнакомец, устремив на Грекова пронизывающий взгляд. — Природа, рыбалка... Как в отпуске.

Греков смотрел на него, ничего не понимая. Значит, мы все-таки на Земле, мелькнула спасительная мысль. Значит, Ковальский был прав, и нас наконец нашли. Но что означает тогда чужой рисунок созвездий?..

— Устроились вы неплохо, — продолжал незнакомец. — Вас совершенно не одолевает тоска по дому, человеческому обществу. Это понятно. Вы нашли райский уголок. Но где ваш напарник?

— Ковальский дежурит у костра, — ответил Греков. Его мозг был, видимо, перегружен, и он внезапно почувствовал безразличие к происходящему. Зачем задавать бессмысленные вопросы? Рано или поздно все выяснится само собой.

— Тогда пойдете, — сказал незнакомец. — Забирайте свою добычу.

Греков поднялся с колен, держа голавля под жабры.

Рыба весила много — полпуда, а то и больше. Она еще билась, и нести ее было неудобно.

Они шли по чуть намеченной тропке, поднимаясь к месту стоянки. Греков автоматически отмечал знакомые ориентиры, наблюдая, как незнакомец идет впереди, шагая широким шагом. Их соединяла тонкая леска, тянувшаяся изо рта рыбы, которую нес Греков, к удилищу на плече незнакомца. Там, где надо было сворачивать, Греков давал короткие указания.

— Налево, — сказал он в последний раз, и они вышли из кустов к костру и шалашам. Пламя лизало куски мяса, насаженные на вертел. Ковальский молчал, недоуменно переводя взгляд с незнакомца на Грекова и обратно.

— Здесь хорошо, — повторил незнакомец. — К сожалению, нам пора. Нас ждут. Только загасите огонь.

Греков вынул из углубления в почве контейнер с водой и вылил ее на костер. Ковальский затоптал уцелевшие угли.

— Захватите это с собой, — сказал незнакомец, указывая на лежащую на траве серебристую рыбу. Греков повиновался. Ковальский снял с вертела два больших куска недожаренного мяса — остатки лани, убитой из лука. Он вопросительно посмотрел на незнакомца. Тот кивнул.

— Я вам помогу.

Он принял из рук Ковальского один из кусков и зашагал вниз, к морю. Они последовали за ним.

— Я не видел сегодня ни одного корабля, — шепотом сказал Ковальский. — Я наблюдал за морем все утро, но ничего не заметил.

Греков посмотрел на обтянутую курткой широкую спину незнакомца. На миг ему стало жутко: «Кто это такой? Откуда он взялся? Куда он нас ведет?..»

Но потом на него опять нахлынуло безразличие. Какая разница, думал он под ритмичный шорох травы и хруст камней под ногами. Какая разница, откуда они

прибыли. Они могли добраться до острова на подводной лодке. Могли пристать к противоположному, невидимому отсюда берегу. Зачем задавать бессмысленные вопросы, ломать голову, думать? Рано или поздно все объяснится само.

Они спустились к устью ручья и шагали теперь по галечному пляжу, направляясь в обход острова. Идти по гальке было неудобно, тяжелая ноша обрывала руку. В ботинках хлюпала вода. Солнце невыносимо жгло. Но Греков шел, глядя мимо спины незнакомца, на линию берега. Он искал силуэт корабля или катера, на котором тот прибыл.

Наконец незнакомец остановился. Берег здесь был пустынный, гальку лизали слабые волны, и тучи мошкары висели над грудями бурых водорослей.

Незнакомец повернулся к морю. Оно тоже было пустынное, гладкое до самого горизонта. Незнакомец задумчиво глядел на бесконечное водное пространство. В его глазах стояло странное выражение. Будто он с чем-то прощался.

— Здесь хорошо, — медленно сказал он. — Отсюда не хочется уходить, но нас ждут. Сюда мы еще вернемся.

Он отвернулся от моря. Греков последовал его примеру. За своей спиной он услышал удивленный возглас Ковальского.

Перед ними в обрыве зияла дыра Туннеля.

— Я забыл представиться, — сказал незнакомец, обращившись. — Моя фамилия Березин.

8

После минутного замешательства, вызванного этим заявлением, Ковальский спросил:

— Значит, вы тоже прибыли с Гаммы?

— Разумеется, — подтвердил Березин. — Откуда же еще?

— Мы думали, что оказались на Земле, — пояснил Греков.

Березин окинул взглядом бескрайнее море.

— На Земле? — удивленно переспросил он. — Честно говоря, я с детства там не был. Забыл уже, как она выглядит. Но нужно торопиться. Я обещал скоро вернуться, и ребята будут волноваться.

— Значит, вам действительно удалось найти выигрышную стратегию? — спросил Ковальский.

— Объяснения подождут, — сказал Березин. — Двинулись.

Они повернулись к Туннелю и погрузились в мерцающий мрак. Когда они вышли наружу, вокруг была темнота, на них дохнуло ледяным холодом, под ногами заскрипел снег.

— Это Лигурия, — сказал Березин. — Когда я шел за вами, здесь тоже была ночь. Но скорее назад.

На этот раз они вышли на знакомый изумрудный склон, над ними снова было чистое небо с повисшим над горизонтом солнцем. Греков и Ковальский переглянулись.

— Здорово у вас получается, — сказал Ковальский. Березин ухмыльнулся.

— Сам удивляюсь, — сказал он. — Но быстро в Туннель.

Греков услышал неровное биение своего сердца. «Неужели это возможно? — пронеслась мысль. — Снова Гамма, станция, люди...» Он вместе со своими товарищами шагнул в темный провал.

Но снаружи в его лицо снова повеяло холодом.

— Осечка, — услышал он рядом с собой глухой голос Березина. — Теперь обратно.

Они вышли на морской берег с бурными грудами водорослей. Ноздри затрепетали, жадно втягивая соленый воздух.

— И это называется выигрышной стратегией? — сказал Ковальский.

— В Туннель! — приказал Березин.

Их оглушили взрывы, ослепил красноватый свет. Они стояли на краю пропасти, по дну которой струилась багровая лава. Откуда-то сбоку послышался грохот, и несколько раскаленных глыб медленно взвилось в воздух. Земля затряслась от их падения. Жаркий ветер ожег лицо Грекова. Он попятился.

На этот раз Березин медлил. Прищурившись, он вглядывался в багровое море.

— Молодость мира, — медленно сказал он. — Мы еще вернемся сюда. Нам надо торопиться.

Они снова вышли на морской берег.

— В Туннель! — приказал Березин. Греков послушно повернулся.

И опять они вышли в холодную тьму Лигурии.

— В Туннель!

Снова изумрудные поля Альвиона.

— В Туннель!.. — Греков повиновался автоматически, ничего не испытывая.

Снова непроницаемая чернота. Все менялось, как кадры плохо смонтированного кинофильма.

Вновь галечный пляж и синее море.

Арктический мрак Лигурии.

Изумрудная трава Альвиона.

— Может, с третьей попытки? — предположил Березин. — Надоело.

Опять холодная темнота.

И чужой простор Альвиона.

Глаза Грекова, готовые к темноте Лигурии, невольно сощурились от яркого света. Первое, что он увидел на Гамме, было здание станции, перенесенное к самому выходу из Туннеля. Кругом вздымались отвесные стены, вниз уходили крутые повороты ущелья. От здания станции к ним бежали люди.

— Все, — сказал Березин. Около них собиралась толпа. Все что-то кричали, поздравляли с благополучным возвращением, хлопали по плечу. Ковальский стоял рядом с Грековым, растерянно глядя на людей, тоже не веря. Это походило на сон.

Кто-то вскрикнул от боли. Это голавль, которого еще держал Греков, трепыхнулся в его руках и задел кого-то сильным хвостом. Пострадавший согнулся, держась за живот. И только теперь Греков окончательно понял, что они вернулись домой.

9

— Если признаться честно, то ничего, — сказал Греков.

Он и Березин сидели вместе с другими за раскладным столом в тесном помещении станции. Стол был накрыт по-праздничному. Центральное место на столе занимала рыба, пойманная на крючок из древесной колючки.

— Я ничего не понял, — повторил Греков. — Раньше я слышал о какой-то стратегии, которую вы придумали. Но я помню, как мы возвращались. Мы просто входили в Туннель, а он перебрасывал нас куда вздумается. Но мы все-таки вернулись.

Он замолчал. Березин тоже молчал, рассеянноковыряя вилкой кусок жареной рыбы. За столом собрались сейчас все обитатели станции. Ковальский сидел неподалеку от Грекова и оживленно беседовал со своими соседями.

— Скорее всего это Земля будущего, — говорил Ковальский. — Иначе мы наткнулись бы на динозавров. Или хотя бы на мамонтов.

— А ведь это мысль, — сказал сосед справа. — Действительно, в будущем не предвидится существенных изменений фауны.

— Я только не понимаю, почему обязательно Земля, — сказал сосед слева. — Есть же похожие планеты.

Видимо, соседи Ковальского успели разделиться на энтузиастов и скептиков. Греков повернулся к Березину.

— Я выслушал от ваших товарищей несколько лекций о каких-то марковских процессах, — сказал он. — Но я плохо разбираюсь в математике и так и не понял, что же вы изобрели.

— Я здесь ни при чем, — сказал наконец Березин. — Это создатели Туннеля устроили его так, что из него всегда можно вернуться.

— Но я читал доклады Комиссии, — запротестовал Греков. — Там написано черным по белому, что Туннель с равной вероятностью переправляет вас на любую из двух соседних планет.

Березин ответил не сразу, и до Грекова снова донесся голос Ковальского.

— Скорее всего людей там вообще нет.

— Это уже идеализм, — возразил скептик. — Вырождение, потеря интереса, гибель цивилизации... Мне это не нравится.

— Ничего подобного я не утверждал, — сказал Ковальский. — Я считаю, что людей нет на Земле. Они просто ушли, разбрелись по Вселенной.

— Это мысль, — сказал сосед справа.

— И при этом забыли родную планету? — не унимался скептик.

— Нет, — сказал Ковальский. — Скорее всего они превратили ее в заповедник.

Греков перестал прислушиваться. Он снова посмотрел на Березина.

— Я не подвергаю сомнению доклады Комиссии, — сказал тот. — Но из них часто делают неправильные выводы. Создатели Туннеля были мудры. Они устроили его так, что он позволяет добраться до любой планеты и вернуться. Единственное, что требуется, — просто вхо-

дить в Туннель до тех пор, пока вы не достигнете цели. В конце концов вы ее обязательно достигнете. Вам совершенно правильно сообщили, что это однозначно следует из классической задачи одномерных блужданий.

— Вы сами решили эту задачу?

— Я здесь ни при чем. Решению сотни лет. С ним можно ознакомиться в любом учебнике. Но если вы не любите математику, можно поставить маленький эксперимент.

Березин порылся в кармане и положил на стол небольшой металлический предмет — диск с выдавленными на нем изображениями.

— Вы видите перед собой так называемую монету, — сказал он. — Известный с глубокой древности генератор случайных последовательностей. Изображения на сторонах диска разные. Вот это называется «орел», другое — «решка». Если вы подбросите диск, он случайным образом ляжет вверх одной из сторон. Диск сделан так, что вероятность выпадения каждой стороны равна половине. На досуге возьмите лист бумаги и разграфите его горизонтальными параллельными прямыми. Отметьте одну из них — это будет Гамма — и начинайте бросать монету. Выпадение орла соответствует продвижению на один шаг вверх от опорной линии — в направлении Альвион, Лигурия и так далее. Выпадение решки — вниз, в сторону Мирзы и Феникса. Поставив такой эксперимент, вы без всякой математики убедитесь, что полученная ломаная рано или поздно снова пересечется с опорной линией. То есть вы вернетесь на Гамму.

Он замолчал. Греков тоже молчал, глядя на волшебный металлический диск, с помощью которого можно моделировать скитания в Туннеле. Из оцепенения его вывел громкий голос Ковальского.

— Друзья! — сказал Ковальский, встав со своего места. — Я прошу слова. Вы собираетесь изучать миры, объединенные Туннелем. В своих экспедициях вы непре-

менно попадете на планету, на которой мы были. Вероятно, это Земля. Скорее всего Земля отдаленного будущего.

За столом зашумели.

— Не все с этим согласятся, — переждав шум, продолжал Ковальский. — Но следует иметь это в виду, и вот почему. Ведь не исключено, что вы встретитесь с нашими потомками, а это очень большая ответственность.

На этот раз собрание ответило Ковальскому тишиной.

— Но я хотел сказать о другом, — продолжал Ковальский после короткой паузы. — Сейчас, когда мы говорили о строителях Туннеля, мне пришла в голову мысль: а что, если это наши потомки? Вдруг это именно они построили Туннель, чтобы путешествовать по вселенной пешком, без всяких звездолетов?..

Напряженное молчание прервалось, слышались удивленные и одобрителные возгласы.

— Я знал, что вам понравится эта мысль, — сказал Ковальский. — Конечно, это только гипотеза, но все равно я поднимаю бокал за наших потомков, построивших такое замечательное сооружение!..

— И за математику, — тихо добавил Греков.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Небо было пусто. Лега не проползла еще и четверти дневного маршрута, и ее законное место в зените занимала сейчас изогнутая полоска Бетона. Бледный серп естественного спутника Беты очень напоминал бы облачко, если бы не четкость очертаний. Настоящих облаков на небе, как всегда, не было, и ничто там не появлялось, хотя все сроки давно истекли. Подобным дурным приметам следует верить — даже древние узнавали расположение богов по звездам и небесным явлениям.

Другое дело, что глазеть на небеса бессмысленно. Эволюция наделила человека прекрасным зрением, но и слухом она его не обделила. А когда придет «Лунь» — примем как аксиому, что это все-таки случится, — грохот будет стоять такой, что даже камни на вершине Картинной Галереи услышат и, поколебавшись немного, не удержатся и покатятся сюда, вниз...

Павлов перевел взгляд на шершавую поверхность скалы, и вовремя, потому что рейсфедер, провисевший под карнизом почти сутки после вчерашнего ужина, начал изготовление новой ловушки.

Некоторое время Павлов следил, как рейсфедер, аккуратно переставляя волосатые лапы, совершает челночные рейсы по выбранному участку скалы, кое-где оставляя после себя пятна черной смолы, запах которой должен завлекать местную живность на погибель. Конечно, невооруженным глазом Павлов не мог разли-

чить ни волосатых ног, ни черных блестящих капель — выручало воображение. Вот через час, когда точки сольются в линии, а линии — в силуэт, надо будет внимательно рассмотреть творение рейсфедера в бинокль и сделать снимки, если это действительно что-то оригинальное. Бесплезно угадывать смысл телеизображения по первым строкам развертки, если всего их несколько тысяч.

Ровная треугольная стена Картинной Галереи уходила в бескислородное небо Беты на добрую сотню метров, почти сплошь покрытая тщательно выполненными рисунками, которые составляли ее единственное отличие от других скал, в беспорядке торчавших из причудливого леса. Рейсфедеры не отличаются общительностью, и ближе чем на километр они друг к другу обычно не приближаются. И как только самцы находят самок в брачный период? Но никто никогда не наблюдал, как рейсфедер покидает насиженную скалу и отправляется в опасное путешествие через мстительные заросли.

А сейчас из леса, напоминающего склад колючей проволоки, появился Сибирин. Он подошел молча и остановился рядом с Павловым, похожий в скафандре на робота.

— Ну как? — спросил Павлов. Он ничего не имел против своего напарника, но иногда его раздражала привычка того молчать, когда от него ждут информации.

— Ничего нового, — ответил Сибирин. — Связи опять не было.

Павлов ничего не сказал. Ракетобус «Лунь» снабжал планетные отряды экспедиции всем необходимым. Если бы он появился с опозданием на одной из центральных планет, где люди ходят в шортах и пьют воду из родников, ничего страшного не произошло бы. Но группа Бета находится, можно сказать, на привилегированном положении.

— Я разговаривал с Базой, — сказал Сибирин. И опять замолчал.

— И что?

— И ничего, — сказал Сибирин. — Вершинин стартовал с Альфы согласно графику. Полет проходил нормально. А потом он не вышел на связь.

— И все?

— Ракетобус исчез уже где-то в нашем районе, — сказал Сибирин. — Радары с Базы обшарили все прилегающее пространство, но безрезультатно. А что они могли увидеть на таком расстоянии?

— И там думают, что «Лунь».. — начал Павлов.

— Нет, — сказал Сибирин. — Возможно, у них поломка двигателя.

— А почему тогда нет связи?

— «Лунь» — фотонный корабль, — объяснил Сибирин. — Отражатель и антенна у него совмещены.

— Ясно, — сказал Павлов. — Хотя постой. Если «Лунь» находится в нашем районе и если у них просто авария двигателя, они могли бы добраться до нас на боте.

— Безусловно, — сказал Сибирин. — Но Вершинин оставил бот на Альфе. Их орбитет стоит на профилактике, и горит программа исследования экзосферы.

— Вершинин добр, — сказал Павлов. Он помолчал. — А что они еще сообщили?

— Они посоветовали нам переходить на режим экономии, — сказал Сибирин. — Они выслали беспилотный грузовик, самый быстрый. Он прибудет через две недели.

— А мы не можем выйти навстречу?

Каждая планетная группа имела в своем распоряжении небольшой четырехместный орбитет, предназначенный для исследования верхних слоев атмосферы. Иногда орбитет использовался для встречи с ракетобусом «Лунь» на низкой орбите. Это происходило обычно при

смене состава группы или в случаях, когда посадочный бот «Луны» по каким-либо причинам не функционировал. Например, когда Вершинин оставлял его на Альфе.

— На нашем-то тихоходе? — спросил Сибирин. — А что мы можем? В крайнем случае добраться до Бетона.

— Плохо, — сказал Павлов. — Две недели мы не протянем.

— Что об этом говорить, — сказал Сибирин. — Чему быть, того не миновать. Глядишь, так и войдем в историю. С самого черного хода.

Они замолчали. Человек — великий логик, но в подобных обстоятельствах логика отступает на второй план, уступая место надежде. Возможно, это и к лучшему, подумал Павлов. Сейчас мы пойдем подготавливать материалы для тех, кто придет после нас, оформлять отчеты, излагать на бумаге последние мысли, писать прощальные письма и вообще делать все, что положено. Но поверить в это мы не поверим, пока не кончится кислород.

— Кажется, один из нас уже попал в историю, — сказал Сибирин.

Павлов повернулся. Сибирин стоял, запрокинув голову, и смотрел в бинокль на вершину Картинной Галереи. Рейсфедер под карнизом исполнил примерно треть своего очередного шедевра. Различить что-нибудь на таком расстоянии было, конечно, невозможно.

— Взгляни, — Сибирин протянул бинокль.

На скале, как на фотографии, была изображена груда камней, бесформенных, кроме одного. Этот камень имел правильные полукруглые очертания и представлял собой на самом деле верхнюю часть головы человека в скафандре. Из-под щитка шлема блестели глаза. Иногда в поле зрения попадали волосатые паучьи ноги рейсфедера или его наспинный глаз, похожий на объектив фотокамеры. Рейсфедер входил в рабочий ритм.

— Он начал рисунок, когда ты еще не появился, — сказал Павлов. — Выходит, что это я. Но раньше он никогда не изображал людей. Почему это вдруг взбрело ему в голову?

— Начинать никогда не поздно, — сказал Сибирин. — И не нужно приписывать животным человеческие мотивы поведения. «Что-то» может прийти в голову только человеку.

— Спасибо за объяснение, — улыбнулся Павлов. — Пошли лучше к себе. Надо все привести в порядок. Я наведу сюда сделать снимки попозже.

Некоторое время они шли через лес молча, внимательно следя, чтобы ветви колючих растений не повредили защитную ткань скафандров.

— Мир полон тайн, — заключил Сибирин. — Но мы не умеем их использовать. Например, рейсфедер. Мы определили химическую формулу его смолы и приготовили лучший в мире клей. Не лучше ли было приспособить рейсфедер как своеобразный живой фотоаппарат? Ведь его рисунки необыкновенно точны.

— Верно, но ты не заставишь его рисовать то, что ты хочешь, — сказал Павлов. — А иногда он изображает вещи, которых вообще не существует. Оказывается, у него есть некоторая склонность к абстракции. Сейчас я покажу тебе несколько фотографий.

Они приблизились уже к зданию станции, стоящему на неширокой каменистой площадке среди леса. Станция была стандартная, двухместная, хотя при необходимости здесь могло разместиться и десятеро. Они подождали в тамбуре, пока давление выровняется. Потом, когда дверь отворилась, они сняли скафандры и вошли внутрь.

Купол станции был абсолютно прозрачен, только его восточный край был наглухо закрыт фильтром, предохранявшим не защищенные скафандром глаза от яркого

сияния Леги. Прямо над головой парил узкий серп далекого Бетона.

Павлов вытащил фотоальбом из ящика стола и открыл его на нужной странице.

— Полюбуйся.

С прекрасно выполненной черно-белой фотографии на них смотрело чудовище. Бесформенное, аморфное, бесхребетное, оно вытягивало неуклюжие щупальца, карабкаясь по странно гладким, лучистым, кристаллическим скалам, сверкающим зеркальными гранями.

— Ты встречал на Бете что-нибудь подобное?

— Нет. Хотя постой. Одна из предыдущих групп занималась здесь микробиологией. В их отчете есть очень похожие фотографии. — Сибирин засмеялся. — Но у рейсфедера нет микроскопа. Так что ты, видимо, действительно сделал открытие.

Павлов медленно закрыл альбом и положил его на место. Потом он поднялся.

— Эти рисунки я уже описал, — сказал он. — Делать мне больше нечего. Пожалуй, пойду сделаю снимки. Их ведь тоже надо описать.

Сибирин внимательно на него посмотрел.

— Знаешь что, — сказал он. — Все мы прекрасно понимаем, что это вздор. Что ты не сможешь подняться на Картинную Галерею, что рисунки рейсфедера не оказывают гипнотического воздействия на человеческий организм, и так далее. Но мне будет спокойнее, если ты посидишь здесь. Я сам сделаю снимки.

— Но мне здесь просто нечего делать.

— Займись чем-нибудь, — сказал Сибирин. — Поработай пока на рации.

Он пошел в тамбур. Павлов следил по контрольному пульту за его выходом. Потом повернулся к радиостанции и надавил клавишу с надписью: «Местные линии».

— Здесь станция Бета, — сказал он. — Станция Бета вызывает ракетобус «Лунь»...

Он повторил эту фразу несколько раз, переставляя слова, потом выждал положенные пять минут, снова повторил серию вызовов, опять подождал пять минут и еще столько же — на всякий случай. Потом он нажал клавишу с надписью: «Центр».

С Базой, которая находилась на расстоянии миллиарда километров от Беты, двусторонней связи в обычном понимании быть не могло, потому что запаздывание радиоволн составляло около часа. Поэтому связь строилась на принципе «диалога глухих» — База постоянно передавала соединенные в одно целое сообщения для удаленных планетных групп, и это выглядело как обычная передача последних известий. Если радистам Базы требовалось ответить на чье-либо донесение, они включали ответ в очередную сводку. В других случаях содержание программы не изменялось.

Павлов, включив радиостанцию, очутился, естественно, где-то в середине передачи, дослушал ее до конца, а потом с самого начала до того места, где он включился. Ничего нового по сравнению с тем, что передал ему Сибирин, Павлов не услышал. Тогда он выключил радиостанцию, потому что дверь тамбура отворилась.

— Можешь меня поздравить, — сказал Сибирин, освободившись от скафандра. — Меня он тоже изобразил. Смотри.

Павлов взял фотографию. Картина была написана тщательно, со всеми подробностями. На каменистой площадке среди валунов стоял человек в скафандре. Рядом сидел другой. Оба смотрели вверх, точно ждали, что из объектива невидимого для них фотоаппарата сейчас вылетит птичка.

— Странно, — сказал Павлов.

— Ты имеешь в виду ракурс? — спросил Сибирин. — Но он на нас так и смотрел — сверху вниз. Меня лично больше радует, что я теперь тоже вроде как попал в историю.

— Странно, — повторил Павлов, глядя на фотографию. — Я что-то не помню, чтобы ты сидел.

— Я действительно не садился, — сказал Сибирин. — У меня нет такой привычки. Это ты сидишь. Я вот он, стою.

— Я? — сказал Павлов. — У меня тоже нет такой привычки. Кроме того, неужели ты не видишь, что это не мое лицо?

— За скафандрами плохо видно, — сказал Сибирин. — Но на мое оно еще меньше похоже.

— Ты прав, — растерянно сказал Павлов.

Он смотрел на фотографию. Тот, кто стоял, был не он. А сидящий не был Сибириным. И у них обоих нет привычки сидеть на камнях под Картинной Галереей. Это были другие люди.

Рейсфедер изображает действительность — когда это действительность — абсолютно точно. Ошибок он никогда не делает.

Но другие люди не появлялись на планете уже четыре недели. Ни на самой Бете, ни даже в ее окрестностях.

— Послушай, — сказал Павлов. — У тебя есть портрет Вершинина?

— Где-то есть. Зачем он тебе понадобился?

— Тащи его сюда, — сказал Павлов.

Он смотрел на репродукцию наскального изображения. Как мало мы знаем о животных, думал он. Даже о тех, с которыми сталкиваемся ежедневно. Что мы знаем об их органах чувств? Сибирин сказал, что у рейсфедера нет микроскопа. А вдруг ему и не нужен микроскоп? Вдруг он может видеть микроорганизмы так же отчетливо, как мы видим себе подобных?..

— Вот тебе Вершинин, — сказал Сибирин. — А вот его штурман Серов. Я захватил его на всякий случай.

Павлов смотрел на фотографии. Он слышал дыхание Сибирина, который разглядывал их через его плечо. Ошибки быть не могло.

— Да, — сказал Сибирин после непродолжительного молчания. — Именно такое рациональное использование я и имел в виду. Но... Я понимаю, что сверху ему виднее. Что он мог увидеть их оттуда, незаметных для нас, если они приземлились за скалами. Но почему мы тогда не слышали, как они садились?..

Павлов ответил не сразу. Так уж мы устроены, думал он. Мы невольно приписываем животным человеческие мотивы поведения, наши мысли и наши чувства. И то, что некоторые змеи реагируют на тысячные доли градуса, а птицы ориентируются по магнитному полю, ничему не может нас научить. Мы судим о животных слишком поверхностно. И часто ошибаемся.

— Иди готовь орбилет, — сказал он. — А я пошлю радиограмму на Базу. Мы летим на Бетон.

Он посмотрел вверх. В синем прозрачном небе парил узкий серп спутника, огромная каменная пустыня, воспринимаемая человеческим глазом как маленькое бледное облачко с четкими очертаниями.

На блестящем свежей смолой рисунке, похожем на черно-белую фотографию, снятую в необычном — вид сверху — ракурсе, четверо стояли, обнявшись, на каменной осыпи рядом с искаленным космолетом и смотрели в зенит, задржав головы.

Рейсфедер, поставив последнюю клейкую точку, отполз под верхний карниз Картинной Галереи и стал ждать, когда летающие существа, которых он так хорошо изобразил, придут в гости к своим отражениям.

ВОСЬМАЯ ПОСАДКА

1

— Исследования планет бесполезны. Ни одна посадка еще ничего не давала, — повторил Левин. Повернувшись спиной к дендроиду, он смотрел на обрыв, из-под которого доносился приглушенный рев вездехода. — Ведь во Вселенной много интересного для науки.

— Для физики, — поправил Рахметов.

— А что, есть другие?..

Рахметов промолчал. Не стоит спорить с физиком, которому вздумалось похвалить свою работу. Обычно они ее ругают — считают, что имеют на это право, потому что они ее любят. Конечно, посторонним они этого не позволяют. Но если они ее хвалят — молчи.

— Камни на пляже тоже выглядят разными, — продолжал Левин. — Но это мнимое разнообразие. В эту высадку Бузенко вновь добыл десять тонн биологических образцов. По-моему, многовато. По-вашему, тоже — катер перегружен. А для него это мало, потому что он забирает далеко не все. Однако, как ни печально, на Земле его добычу сунут в архив — до лучших времен.

Рахметов поморщился. Он не любил, когда физик лез не в свое дело (а это случалось довольно часто), и хотел сказать, что не забота Левина судить о методах биологов и решать, какая польза получается из их трудов, но смолчал. Победила сдержанность опытного звездолетчи-

ка — выработанное за годы коллективного одиночества умение прощать собеседника. Вслух он сказал:

— Вы сгущаете краски.

— Нисколько, — немедленно отозвался Левин. — Ежегодно открывают множество новых планет. Половина из них биологически активна. Почему Бузенко помогаю я, а не какой-нибудь дипломированный экзобиолог? Ответ прост — биологов нет, звездолетов и физиков — сколько угодно.

Они стояли на узкой площадке под скалами Южного хребта на планете Ри, в каких-нибудь тридцати метрах от катера. Сиреневый дендронд, под которым они стояли, чудом уцелел при посадке, обойденный яростным светопадом. Голубая плесень, заменявшая траву, при посадке превратилась в пепел, но сейчас уже начинала вновь затягивать оплавленный камень.

Десантный катер стоял в тридцати метрах позади них, и Рахметов знал, что он выглядит очень красиво сквозь полупрозрачную крону дендронда. Но назад он не смотрел. Как и Левин, он глядел на край обрыва, где сухие корни дендронда свисали в пропасть.

Невидимый вездеход уже давно карабкался вверх по обрыву, и по усилившемуся сотрясению почвы можно было понять, что он близко. Вдруг звук затих, потом взревело совсем рядом, и вездеход вырос на гребне, в десяти шагах от людей. Он перевалил через край обрыва, цепляясь гусеницами за воздух, почти беззвучно подполз к дендронду и остановился. Из кабины прыгнул улыбающийся Бузенко. Он пошел к ожидавшим, оглядываясь на кузов, забитый контейнерами.

— Ничего не выпало? — спросил Рахметов.

— Нет, — сказал Бузенко улыбаясь. — Привязано насмерть. Подъем плох, чуть не перевернулись.

Рахметов смотрел на перегруженный вездеход. Левин прав, ящиков слишком много. Правда, раньше всегда было так же.

Бузенко перехватил взгляд Рахметова. Его улыбка сразу куда-то пропала.

— Но ведь наш катер это поднимет? — сказал он с надеждой.

Рахметов не успел ответить.

— Конечно, нет, — сказал Левин. — Ничего, половину выбросим — половина останется. Закон природы, не отменишь.

На круглом лице Бузенко отразилось смятение.

— Успокойтесь, — сказал Рахметов. — Он шутит. Как-нибудь справимся.

Улыбка вернулась к Бузенко.

— Это не планета, а клад, — сказал он. — Какая фауна! Какая флора! Настоящий биологический рай. А мы еще не были на островах. Но ведь мы туда слетаем?..

— Нет, — сказал Рахметов. — Мы перевезли слишком много груза. Ресурс исчерпан.

Бузенко вновь остался без улыбки.

— Но мы планировали восемь посадок, — недоверчиво сказал он. — А это только седьмая.

— Скажи спасибо за семь.

— Горючего не осталось даже для посадки на Элл, — сказал Рахметов. — На одну-единственную высадку. А ее мы тоже планировали.

Система, которую исследовала экспедиция, состояла из двух планет, почти одинаковых по величине. На этом сходство кончалось. Вторая планета, Элл, была обычным безатмосферным шаром, испещренным шрамами кратеров. Таких во Вселенной мириады, она мертвая, — сказал Бузенко. — Садиться туда бесполезно.

— Правильно, — сказал Левин. — И сюда, бесполезно.

На круглом лице Бузенко появилось негодование.

— Как можно сравнивать? Ведь жизнь — это... Или ты шутишь?

— Шучу, шучу, — быстро сказал Левин. — Успокойся.

— Тоже мне юморист, — сказал Бузенко. Рахметов посмотрел на часы.

— Конец споров, время работы, — сказал он. — Нас ждут. Подгоняйте машину к катеру, и займемся погрузкой. Взлет через два часа. Или придется просидеть здесь еще сутки.

— Некоторые умрут от счастья, — сказал Левин. Бузенко опять улыбался.

2

— Привязаться, — приказал Рахметов.

Сквозь прозрачный фонарь кабины пейзаж казался творением великого мастера. Полностью загруженный катер стоял под отвесной каменной стеной. Под стеной, над обрывом, на узком карнизе, готовый к взлету. Пассажиры затянули ремни.

— Дерево, — сказал Левин. — Подпалим, жалко. Лучше бы ты упаковал его в один из своих чемоданов.

Бузенко вопросительно посмотрел на Рахметова.

— Нет, — сказал Рахметов. — Старт.

Его ладони легли на клавиатуру. По корпусу катера прошла дрожь. Снаружи шипела голубая плесень, обугливаясь под фотонным лучом.

— Старт, — повторил Рахметов.

На белом световом столбе катер приподнялся над почвой. Его пошатывало. Световой столб удлинялся. Словно кабина лифта, катер плавно поднимался вдоль отвесной скалы. Камни внизу плавились, шлифовались, превращаясь в жидкое зеркало, озаряющее небо. Облака стали ослепительными.

— В такие моменты кажешься себе богом, — сказал

Рахметов. — Когда я работал на лунных трассах, я этого не чувствовал.

— Почему же? — возразил Левин. — Когда я был там на практике...

Облака взвизгнули по обшивке. Пейзаж провалился. Набирая скорость, катер уходил в небо. Планета запрокидывалась, становясь вертикальной стеной.

Катер уже вынырнул из атмосферы и двигался почти без ускорения, по широкой дуге выходя в точку встречи. Сверкая в лучах местного солнца, приближался «Петр I», похожий на памятник старины — Останкинскую телебашню. Катер поравнялся с отражателем звездолета. В громадном вогнутом зеркале сияли опрокинутые созвездия, потом там возник катер Рахметова.

Пятикилометровая металлическая поверхность кончилась. Десантный катер развернулся, полыхнув напоследок фотонным лучом. Скорости выравнивались. Впереди, в стене грузопассажирского отсека, открывалось бездонное отверстие причального туннеля.

Магниты тащили катер внутрь. Его корма вошла в темное жерло, и вскоре он опустил на пол ангара. Вверху гремели створки люков, закрывая выход во Вселенную. Прозрачный колпак через секунду раскрылся, выпуская людей наружу. Воздух на «Петре I», как на всех звездолетах, гоняли по замкнутому циклу, он был почти нормальным, к нему быстро привыкали. Но после Ри он казался чуть-чуть заплесневелым.

Отстегнув привязную систему, Рахметов шагнул за борт. Гравитацию на звездолете заменяли уложенные повсюду магнитные ковры, и падение с двадцатиметровой высоты было вполне безобидным.

Рахметов стоял рядом с перевернутой чашей отражателя. Катер тоже напоминал Останкинскую телебашню — ее сплюснутую, сильно уменьшенную копию. Пассажиры спускались по трапу из «Седьмого Неба» кабины.

Потом они шли к выходу из ангара — Левин чуть впереди, Рахметов и Бузенко сзади. Биолог уже не улыбался. Он морщил нос, приносясь к забытым запахам.

— И как мы могли два года...

— Привыкнешь, — сказал Левин. — Распустился на свежем воздухе.

Они шли по кольцевому коридору, приближаясь к кают-компани. Смотровые палубы пустовали — звездолет готовился к старту. Штурманы рассчитывали различные варианты обратного маршрута, программисты программировали, командир и его помощники проверяли расчеты и подписывали документы.

Левин ждал у дверей кают-компани, чтобы войти всем вместе. Здесь тоже было пусто, если не считать двух мальчиков из штурманской, гонявших шары на зеленом столе.

— У себя? — спросил Рахметов, кивнув в сторону двери с табличкой **«Командир звездолета»**.

Игроки повернули головы.

— Вы разве уже вернулись? — спросил один из них. — Встречу готовили через виток.

— Там Ланский, подождите, — сказал второй. — Проверяют стартовую программу.

Игроки отвернулись к бильярду. Бильярд для игры в неџесомости — невероятно сложный агрегат, напичканный электроникой, лазерами, голографией и бог знает чем. Но выглядит он как обычный.

В кают-компанию вошел радист, щуплый человечек с большим лицом, заросшим вчерашней щетиной. Не поздоровавшись, он направился к закрытой двери командирской каюты.

— Куда? — остановил его Рахметов. — Он занят, потом идем мы.

— У меня срочное сообщение.

— А у нас что, по-вашему? — сказал Бузенко.

— Ишь, какой быстрый! — сказал Левин. — В очередь, и никаких разговоров.

— Ну и порядки, — обиделся радист. — Бюрократы несчастные.

Он подошел к бильярдному столу.

— Контртуш в середину? — спросил Рахметов, взглянув на шары.

— Вы считаете, пойдет?

— Смотря как ударить, — сказал Рахметов.

Бьющий игрок прицелился и толкнул биток. Полосатый шар мягко покатился параллельно длинному борту и застыл у средней лузы, передав импульс другому шару. Тот направился дальше, к углу стола. Он ударился о короткий борт, вернулся и, вновь коснувшись битка, упал в среднюю лузу. Второй игрок молча начал выкладывать шары на стол.

— Четко исполнено, — сказал Рахметов. Автор решающего контртуша насвистывал что-то громко и фальшиво. Настроение компенсировало ему недостаток слуха.

— Играть будете? — спросил Рахметова второй игрок. Шары были уже выложены в пирамиду, подготовлены к новой игре.

— Нет уж, голубчик, — слышался внезапно голос Левина. — Сказано тебе — становись в очередь!..

Рахметов обернулся. Физик держал радиста у самой командирской двери.

— Но у меня срочное сообщение! — возмущенно закричал тот.

— Послушай, друг, — сказал Рахметов. — Мы ведь договорились. Какие могут быть сообщения?..

Обиженный радист пошел в дальний конец кают-компании листать журналы двухлетней давности. Или столетней, в зависимости от системы отсчета. Командирская дверь отворилась, оттуда вышел штурман Ланский с тяжелым бумажным рулоном под мышкой. Бильярдисты вновь превратились в мальчиков из штурманской.

— Свободен? — кивнул Рахметов в сторону закрывшейся двери.

— Не в духе, — сказал Ланский. — По вине этих лодырей. Ты почему, Слава, подсовываешь мне халтуру, и я всегда должен за тебя краснеть?..

— Где халтура? — побелел автор решающего контр-туша.

Ланский развернул рулон на бильярдном столе.

— Здесь. — Он ткнул пальцем в бумагу. — Несоответствие символов. А здесь ошибка в записи оператора. А здесь вообще не хватает рабочего поля.

Лодырь Слава склонился над программой.

— Как это, как это? — бормотал он, водя пальцем по напечатанным строчкам. — Как я мог наделать столько ошибок?..

— Пошли, ребята, — сказал Рахметов.

Он отворил дверь с табличкой «Командир звездолета».

3

— Сейчас заканчиваем, — сказал Сковорцов. Лицо радиста исчезло, и дверь медленно захлопнулась.

— Как командир командиру могу сказать следующее, — заявил Рахметов. — Уровень дисциплины на борту невысок. Особенно у радистов. На вашем месте я бы списал их в ближайшем порту.

— И куда рвется? — сказал Левин. — Видит же, что люди работают.

— Говорит, важное сообщение, — объяснил Бузенко.

— Важное? Тогда ничего, подождет. Продолжайте, товарищ Рахметов.

— Собственно, я уже все сказал. Мы произвели семь посадок в разных районах планеты. Собрано около ста

тонн биологических образцов. Мы планировали еще одну посадку, на островах, и еще одну — на второй планете. Но из-за большого веса собранной коллекции ресурс катера исчерпан.

— Как же быть?..

— Ничего страшного. Ведь главное — результат, а не количество высадок.

— Это для вас. Для меня главное — план экспедиции.

— Ничего, — сказал Рахметов. — Скорректируем план — и все дела.

— Высплут нам когда-нибудь за эти коррекции, — сказал Скворцов. — Ну ладно. Старт назначаю на послезавтра. Вами я вполне доволен. Молодцы.

— Так мы пойдем, — сказал Рахметов. Он встал, другие тоже. Дверь командирской каюты вновь заскрипела, и появилось лицо радиста.

— Можно?

— Заходите, — Скворцов сделал приглашающий жест. — Мне на вас жалуются. Советуют вас уволить.

— Срочное сообщение, — радист приблизился к письменному столу командира.

— Давайте.

Рахметов остановился в дверях. Скворцов взял из рук радиста листок бумаги, положил перед собой, надел очки и углубился в чтение. Выражение его лица менялось. Наконец он отодвинул листок, посмотрел сквозь очки на радиста и тихо сказал:

— Вы не могли показать это раньше?

— Я пытался, — возразил радист. — Но меня не пустили.

Скворцов заметил Рахметова в дверях каюты и позвал его кивком головы. Рахметов взял бланк, но уже знал его содержание не читая.

Так и есть — SOS.

— Я не космонавт, — сказал Левин. — Я просто физик, причем не очень хороший. А вы профессионалы, и вы обязаны что-нибудь придумать. А если вы ничего не придумаете, это позор.

SOS был принят с Элл — второй планеты системы. Потерпевшие были туристами, их было трое, они прибыли два месяца назад на небольшой фотонной ракете, перепутали планеты, пошли на посадку на Элл, реактор потерял режим незадолго перед приземлением, и ракета рухнула на скалы, разбив вдребезги отражатель. Пассажирский отсек почти не пострадал. Потерпевшие провели на пустынной планете два месяца, экономя энергию и припасы. SOS давали нерегулярно, просто на всякий случай, потому что не было никакой надежды, что призыв будет услышан.

Но SOS приняли. Приняли слишком поздно.

— Вы физики, но и мы не алхимики, — устало сказал Рахметов. — Если техника бессильна, никто в этом не виноват. Если бы их можно было вытащить голыми руками, я первый пошел бы на Элл и сделал это. Но мне нужен катер. А у меня не хватит топлива на посадку и взлет.

Они уже около часа совещались в командирской каюте. Скворцов, Ланский и Рахметов. Но говорил в основном Левин, которого пригласили как консультанта. «Он человек разносторонний, — сказал Скворцов. — У него может возникнуть мысль». Рахметов был против, но командир настоял на своем.

— У «Петра I» тоже фотонный двигатель, — сказал Левин. — Топлива для него много — кварков или антивещества, уж не знаю, на чем он работает. Я не понимаю, почему его нельзя использовать на вашем катере. Не вижу принципиальной разницы.

Рахметов перехватил взгляд Скворцова и усмехнул-

ся. Это была горькая усмешка. Какой смысл объяснять то, что в объяснениях не нуждается? Он сказал:

— Да, принципиальных затруднений нет. Есть технические. Трактор не станет работать на автомобильном бензине, а солярка не приведет в движение легковой автомобиль. Вы понимаете, что я хочу сказать?..

— Допустим, — сказал Левин. — Допустим, я снимаю свое предложение. Но что взамен предлагаете вы? Бросить их здесь на произвол судьбы, а самим возвращаться на Землю?..

Рахметов с трудом подавил что-то в себе. Зря Скворцов пригласил Левина. Ничего хорошего из этого не могло получиться. Непрофессионал — даже если он работает в космосе — никогда не сможет понять, что есть ситуации, когда приходится поступать именно так. К сожалению, космос — не парк, где можно гулять без всякого риска для жизни.

А риск есть. Но обычно трагедии происходят без свидетелей. Встреча двух космолетов — явление почти невероятное.

— Сесть я могу, — сказал Рахметов. — Я не могу взлететь.

— Значит, у вас все-таки есть топливо?..

Рахметов пожал плечами.

— Я этого не скрывал. Конечно, есть. Оно есть, но его недостаточно.

— Но на посадку хватит?

Левин говорил таким тоном, будто уличил Рахметова в чем-то недостойном. Но из того, что ты хорошо знаешь свою физику и немного разбираешься в биологии, еще не следует, что ты научишь профессионального космонавта сделать невозможное.

Рахметов снова пожал плечами.

— На посадку хватит. Даже останется, и довольно много. Но того, что останется, не хватит на взлет.

— Не понимаю, — сказал Левин. — Вам ведь не-

обязательно спускаться по штатной программе. Вы можете идти на более экономичном режиме. С увеличенными ускорениями или что-нибудь в этом роде.

Рахметов промолчал. Вместо него ответил штурман Ланский.

— Когда мы говорим «невозможно», это и имеется в виду. Самый жесткий режим.

— Самый жесткий?

— Да, конечно.

— Самый-самый жесткий? — допытывался Левин.

— Да, — сказал Ланский. — Он имеет в виду режим, при котором пилот будет раздавлен перегрузками.

Рахметов внезапно почувствовал себя отгороженным от остальных толстой перегородкой. Поступать нужно не так. Совсем не так. По-другому. Разговоры еще никого не спасали.

Перегородка исчезла, Левин не унимался.

— Тогда объясните мне такую вещь, — говорил он Ланскому. — Одно время, еще в студентах, я проходил практику на лунном спутнике, на тамошнем ускорителе. Жили мы, конечно, не на ускорителе, а на Луне, в гостинице. Каждый божий день мы мотались туда и обратно на фотонном катере вроде вашего. И я отчетливо помню, что катер был меньше. Гораздо меньше, чем ваш.

— На Луне и гравитация меньше, — объяснил Ланский.

— И все? — подозрительно спросил Левин.

— Кажется, да.

Рахметов молча прислушивался к спору. Все естественно, так бывает всегда, когда спорят дилетанты. Если один из них случайно и наткнется на что-то важное, другой этого не поймет. И разговор пройдет мимо.

— А мне кажется, дело не только в этом, — сказал Левин. — Мне кажется, там они летают каким-то особым способом. Помню, меня еще тогда это заинтересовало, но я так толком ничего и не выяснил.

— Не знаю никаких особых способов, — сказал Ланский.

Что ж, это тоже естественно. Ланский — штурман дальнего следования, где ему разбираться в тонкостях каботажных рейсов.

— Вы правы, — сказал Рахметов Левину. — На безатмосферные планеты, имеющие специальные посадочные площадки, действительно садятся с помощью особого маневра, позволяющего сэкономить много топлива. Этот маневр — контртуш.

— Точно, — удовлетворенно сказал Левин. — Контртуш, я тоже вспомнил. Ведь это так, как на бильярде. Расскажите нам, что это такое.

5

— В общем, идею вы поняли, — сказал Рахметов. — При ударе контртуш биток и мишень встречаются вторично, после того, как один из них отразился от борта. Это позволяет класть шары предельной сложности. Похожая идея применяется и в технике, например в экранолетах. Что такое эффект экрана? Воздух, отраженный от крыла аппарата, ударяется о землю, вновь поднимается вверх и создает дополнительную подъемную силу. Космический аналог — повторная встреча с рабочим телом, которое выбросили, и его повторное использование.

— Что-то не очень понятно, — сказал Сковорцов.

— Помнится, было предложено много различных вариантов использовать рабочее тело для повторной встречи. Но практически эта мысль реализуется лишь при взлете и посадке фотонных катеров малого тоннажа.

— Так, так, — кивнул Сковорцов.

— При торможении катер летит вперед отражате-

лем. Двигатель посылает вперед мощный световой луч. Свет давит на зеркало отражателя, и катер тормозится. Если же поставить на пути потока фотонов дополнительное неподвижное зеркало, картина изменится. Отразившись от неподвижного зеркала, свет вернется назад, снова подтормозит катер, опять отразится к зеркалу посадочной площадки и так далее. Поток фотонов взаимодействует с катером не один раз, а многократно, поэтому выигрыш в тяге получается очень значительный.

— Все понятно, — сказал Левин. — Кроме одного — почему вы излагаете это таким трагическим тоном? Ведь это же здорово! Ведь проблема в принципе решена!..

— В принципе да, — согласился Рахметов. — Но технические трудности непреодолимы. Я упоминал, что для посадки контртуш необходима специальная посадочная площадка. Успех зависит от того, насколько точно посадочное зеркало отражает луч к садящемуся катеру. На лунных фотодромах выигрыш получается до ста и больше, в зависимости от квалификации пилота.

— Сто нам не нужно, — сказал Левин. — Нам достаточно двух.

— Все равно. Где вы возьмете посадочное зеркало?

— Зеркало — это пустяки, — сказал Левин. — Например, мы можем использовать их отражатель.

— Он разбит вдребезги, — устало сказал Рахметов. — Я уже думал об этом, но не стал ничего говорить, потому что на Элл нет зеркала, а без зеркала контртуш невозможен.

— Зеркало — это пустяки, — упрямо повторил Левин. — Зеркало можно сделать.

— Предложите способ.

— Есть тысяча способов, — сказал Левин. — Например, вы можете выплавить его из камня лучом своего двигателя. На Луне так делают радиотелескопы. Вам нужно просто по-другому сфокусировать луч и идти на специальном режиме.

Рахметова наконец прорвало.

— Вы что, смеетесь? У меня не хватает топлива на обыкновенную посадку, а он предлагает мне идти контртуш на каменное зеркало! На зеркало, которое я сам должен при этом выжигать! Разве вы не понимаете, что это... это...

— Стоп, — сказал Скворцов. — А мой реактор?..

6

Магнитная катапульта бросила катер в распахнувшееся звездное небо. «Петр I» быстро уменьшался над резким горизонтом Элл, уходя на очередной виток. Мягкая сила планеты подхватила почти остановившийся катер, начиналось падение.

Ладони Рахметова легли на клавиатуру. Катер встал по отвесу, нацелившись кормой вниз, в невидимое отсюда вогнутое километровое зеркало, несколько часов назад выжженное в базальте могучим отражателем звездолета. По катеру прошла вибрация, двигатель заработал, изрыгая фотонный луч.

Контртуш — когда фотоны давят на зеркало и уходят, чтобы вернуться, когда это повторяется снова и снова, когда частота увеличивается и тяга тоже, когда растут перегрузки, а свет, как пружина, вбирает импульс, становясь голубым, фиолетовым, невидимым. Контртуш.

ПАЛИНДРОМ В АНТИМИР

Есть гипотеза, что в антимире — если он существует — время течет вспять. Поэтому предлагаемая миниатюра, посвященная полету космонавтов в такую область Вселенной, написана палиндромом — она одинаково читается как с начала, так и с конца. Всякое литературное произведение — это поток информации, время и информация связаны, и когда время меняет знак, текст зеркально отображается, причем центр симметрии (слова: «Удар. Еще удар») соответствуют моменту вторжения в антимир. Но жизнь продолжается, и вторая половина рассказа — это не просто перевернутое повторение первой, а некоторое развитие сюжета.

Звездолет пожирает пространство. Ускоряется. Ускоряется. Ускоряется все время. Темнота. Кругом звезды Галактики. Земля далеко позади.

Капитан говорит негромко:

— Приехали.

Звездолет окружают тени без формы. Впереди созвездия заслоняет пелена, черная, как непроницаемый мрак. Штурман не отвечает.

— Но тут они. Все десять кораблей погибли или потерялись здесь, — шепотом говорит капитан.

Ночь. Впереди звездолета — окно в антимир. Просачивается откуда-то, ползет сияние, тусклое свечение, блеск и безмолвные датчиков и анализаторов. Молчание длится долго.

— Конец, — это говорит штурман. — Горят все индикаторы антиматерии.

Густой комок пустоты — вакуум. Звезды не мерцают — тихо чернеют и гаснут. Слепы экраны. Темнота.

— Раньше думали, что вот границу преодолеть невозможно, — утвердительно говорит капитан. Штурман отвечает:

— Иное предполагают теоретики. Некоторые доказали это. Представьте: мы проходим барьер. Будет так. Темноту озарит взрыв большой силы. Магнитные и гравитационные поля разорвутся и искривятся. Случится это скоро, не очень долго этого ждать. Антивещество, уничтожив время, сделает его знак другим.

— Послать радиозонд?

— Беспилотный зонд? Зачем? Людям опасен не переход. — Штурман размышляет вслух: — Смерть — это остановка. Движение — это жизнь. Нет жизни без смерти, и движения без остановки нет. Дальше летят смелые. Пусть нас ждут холод, и мрак, и тьма крошечная, и ничто.

Впереди — барьер антивремени, зеркало антимира, граница Вселенной, Галактики. Позади — темнота.

— Автоматическую ракету бы пустить. Зачем полетели сами? — произносит потом капитан. Помолчав, признается: — Страшно боюсь отражения.

— Мы не успеем теперь затормозить, — жестко говорит штурман. — Вперед!

И вперед, все дальше мчится корабль. Но отважных поджидает непонятное и таинственное пространство, где вспясть движется время.

Часы, минуты, секунды уходят. Лица покрыты потом. Светом залиты пульты. Все замедляется. Тянется еще минута. Долгая дрожь. Удар. Еще удар.

Дрожь.

Долгая минута еще тянется. Замедляется. Все пульты залиты светом. Потом покрыты лица. Уходят секунды, минуты, часы...

Время движется вспять. Где пространство? Таинственное и непонятное поджидает отражных. Но корабль мчится дальше — все вперед и вперед.

Штурман говорит жестко:

— Затормозить? Теперь успеем.

— Не мы — отражения. Боюсь. Страшно, — признается, помолчав, капитан. Потом произносит: — Сами полетели. Зачем? Пустить бы ракету, автоматическую.

Темнота. Позади — галактики Вселенной, граница антимира, зеркало антивремени, барьер. Впереди — ничто и крошечная тьма.

— И мрак и холод ждут нас. Пусть. Смелые летят дальше. Нет остановки без движения, и смерти без жизни нет. Жизнь — это движение. Остановка — это смерть, — вслух размышляет штурман. — Переход неопасен людям. Зачем зонд?

— Беспилотный радиозонд? Послать другим знак.

— Его сделает время, уничтожив антивещество. Ждать этого долго — очень не скоро это случится. Искривятся и разорвутся поля, гравитационные и магнитные силы. Большой Взрыв озарит темноту. Так будет. Барьер проходим. Мы, представьте, это доказали. Некоторые теоретики предполагают иное, — отвечает штурман.

Капитан говорит утвердительно:

— Невозможно преодолеть границу — вот что думали раньше.

Темнота. Экраны слепы — гаснут и чернеют. Тихо. Мерцают не звезды — вакуум пустоты, комок густой антиматерии. Индикаторы все горят.

Штурман говорит:

— Это конец.

Долго длится молчание анализаторов и датчиков. Безмолвие. И — блеск. Свечение, тусклое сияние. Ползет откуда-то, просачивается антимир в окно звездолета. Впереди — ночь.

Капитан говорит шепотом:

— Здесь потерялись или погибли кораблей десять. Все они тут.

Но отвечает не штурман. Мрак, непроницаемый, как черная пелена, заслоняет созвездия впереди. Формы без тени окружают звездолет.

— Приехали, — негромко говорит капитан.

Позади — далеко — Земля, галактики, звезды. Кругом — темнота. Время все ускоряется, ускоряется, ускоряется...

Пространство пожирает звездолет.

КОНТРАТАКА

Но — беда, если встретишь
В предутренний час
Вместо Снарка — Буджума! Тогда
Ты внезапно и плавно исчезнешь из глаз
И назад не придешь никогда.

Л. Кэрролл, Охота на Снарка

1

— Опять ничего, — сказал Глынин. — Возвращаемся?

Солнце еще не вышло из-за горизонта, но небо было уже дневное, безоблачное, и вода вдалеке от глиссера светилась ядовитой голубизной. Рядом с глиссером у воды не было никакого цвета, здесь буйствовала пена.

— Куда торопиться? — сказал Анголов. — На берегу еще спят. Впрочем, как хотите.

Глынин повернул руль, и глиссер двинулся новым курсом. Никаких ориентиров в безбрежном просторе не было, даже горизонт сливался с небом, и ощущение поворота сразу исчезло. Анголов положил карабин на опору и выставил руку за борт, в холодные брызги.

— Воздушная подушка, — сказал он. — XXI век. Человек создал прекрасные суда — быстроходные и надежные. Но число морских катастроф в последние годы резко увеличилось.

Анголов посмотрел на Глынина. Тот молчал, глядя вперед сквозь ветровое стекло.

— Причем катастроф ужасных, загадочных, — продолжал Анголов. — Современные спасатели успеют куда угодно. Но они напрасно ждут SOS. Свидетелей тоже не остается, в итоге никто ничего не знает. Возьмите «Ривьеру-2».

Глынин молча смотрел вперед, на синее зеркало моря.

— 20 тысяч пассажиров, — продолжал Анголов, не спуская с Глынина глаз. — Не корабль, остров. Пальмовые рощи, искусственные озера. Непотопляемость 100 процентов. Вы читали про испытание расстрелом? Когда торпеды кончились, макет даже не накренился.

Глынин все еще молчал. Анголов продолжал:

— И такая махина пропадает бесследно, не подав сигнал бедствия. Если бы мы жили лет 500 назад, я бы сказал, что виноваты пираты. Причем дьявольски хитрые и удачливые.

Глынин наконец повернул голову.

— Да замолчите же, — сказал он. — Разве вы не понимаете, что на воде нельзя говорить о таких вещах? Рассуждайте об охоте, или о спорте, или о чем угодно. Но смените пластинку.

Сказал и вновь отвернулся.

— Больше не буду, — засмеялся Анголов. — Я не знал, что вы суеверны.

Он похлопал ладонью по полированному прикладу.

— Мы, вы, — сказал Глынин. — Вооружены, суеверны. Но я никак не пойму — пессимист вы или оптимист? Ваш тон никогда не соответствует теме, которую вы выбираете.

— Я оптимист по форме, но пессимист по содержанию, — усмехнулся Анголов. — Вы читали «Вторжение изнутри»? Каждый вид занимает определенную экологическую нишу. Равновесие — плод эпох эволюции. Человечество своей деятельностью нарушает равновесие, уничтожает другие виды, освобождает соответствующие ниши. Это дорога к гибели, утверждают авторы.

— Человек, — повторил Глынин. — Охотники вроде вас, только с настоящими пулями.

— Почему же только охотники? — усмехнулся Анголов. — Многие к этому причастны. Охотник стреляет не сам, его заставляют. Но хуже всего бесконечное чередование запретов и разрешений. Хаос запутывает противника.

— Кого?

— Природу, — объяснил Анголов. — Разве вы впервые слышите, что человек воюет с природой? Так вот, если война ведется по правилам, у противника остается возможность перестроить свои порядки и перейти в контратаку. Иначе он обречен. А мы — это часть природы, не более.

Глынин немного подумал.

— Возможно, это и верно. Но остальное слишком прямолинейно. Один вид ушел, другой пришел, как квадратики в игре «15». Китов ведь тоже почти полностью истребили. Незаметно, чтобы кто-нибудь занял их место.

— Почему незаметно? А эти катастрофы? — пошутил Анголов. — Ребенку ясно, что из глубин поднялся новый могучий хищник, который топит теперь океанские лайнеры.

— Я же вас попросил, — сказал Глынин. — Или вы хотите, чтобы я больше никогда не брал вас в море?..

Анголов не ответил, потому что гул двигателей вдруг прекратился. Воздушная подушка смялась, глиссер зашатало на незаметной раньше волне. Вода у борта, освободившись от пузырьков, стала синяя-синяя.

Анголов смотрел туда, куда показал Глынин. В двойном колодце бинокля металась однообразная водная поверхность, а потом он увидел что-то черное, удлиненное, уединенное, словно остров в океане, и следом за этим — фонтан, будто у горизонта внезапно вырос куст водяной сирени. Потом вверх, как черная бабочка, взметнулся громадный хвост, и все исчезло.

Бросив бинокль на сиденье, Глынин действовал. Глиссер уже несся вперед, набирая скорость.

— Кто это был?

— По-моему, кашалот, — сказал Анголов. — Но не берусь утверждать. Считается, что они сохранились только в аквариумах.

Глынин выключил вентилятор. Глиссер мягко сел на воду, разослав волны.

— Где-то здесь, — сказал Анголов.

Невдалеке от глиссера забулькало, послышалось тяжелое пыхтение, и перед ними показалась гигантская выпуклая спина. Кашалот был размером с подводную лодку. Он часто дышал, прочищая легкие перед погружением. Промахнуться по такой мишени было невозможно.

Анголов положил карабин на опору. Тело спящего исполина покачивалось на плоских волнах.

Глиссер медленно потащил тяжелую тушу.

2

За окном начинался день, встало солнце, а Анголов все еще лежал в постели. Он проспал утреннюю охоту, и никто его не разбудил.

Он быстро сделал зарядку, умылся и уже был готов идти на работу, когда вдруг вспомнил, что сегодня на работу необязательно. И завтра, и через неделю. Но привычка победила.

Он быстро шел по асфальтированной дорожке между колышущихся зеленых стен. Жилые корпуса размещались в стороне от остальных построек аквариума. Их соединяла вот эта аллея, сейчас безлюдная. Один Глынин шел навстречу Анголову уверенной капитанской походкой.

Поравнявшись, они поздоровались.

— Из конторы? — спросил Анголов. — Запрет еще не сняли?

— Нет. Наоборот, повсюду закрыли пляжи.

— Пляжи? Неужели это повторилось?

Глынин кивнул.

— Вчера, где-то в Америке. И еще в Австралии. И в Японии. И неподалеку от нас, на Длинной Косе.

— Кто-нибудь остался в живых? — спросил Анголов.

— У нас — никого, но их и было, говорят, всего человек двести. А где-то в Японии один свидетель остался. Но он ничего не помнит. Солнце только что встало. Он зашел в кабинку переодеться. Кто-то случайно запер его снаружи. Он сразу же выломал дверь и вышел. На пляже не было никого, только вещи. Солнце стояло в зените, будто он проспал несколько часов. Но он клянется, что не спал.

— Таких свидетелей нужно показывать психиатру, — сказал Анголов. — До свидания.

Они пошли каждый своей дорогой.

Попав на территорию аквариума, Анголов направился к бассейну, где жил Малыш — тот самый кашалот. Бассейн размером со стадион все равно преграждал путь к административному корпусу. Анголов подошел к барьеру, но ему пришлось сразу же посторониться. По периметру бассейна неслась громадная волна, ее толкала уродливая черная масса, а наверху всего этого восседал в одних плавках видный зоопсихолог Иван Крышкин. Он притормозил там, где стоял Анголов, и спрыгнул на берег. Голова кита лежала на воде, кося маленьким — с блюдце — глазом. Еще кашалот загребал хвостом, но это происходило вдали — метрах в двадцати.

— Молодец, — сказал Анголов. — Дрессируй его лучше. Хорошо дрессированный, он нам пригодится.

— Кому это — нам?

— Человечеству, — объяснил Анголов.

— Что вы имеете в виду?

— Ты же знаешь, что происходит в океанах, — сказал Анголов. — Кто теперь сможет помочь человечеству? Только хорошо дрессированный Малыш.

Он отошел от бассейна, оставив Крышкина размышлять над своей шуткой. Пусть думает, что его работа необходима. Если каждый будет считать, что спасает человечество, работа закипит.

Недалеко от административного корпуса Анголов встретил начальство. Директор появился из-за поворота и, как обычно, почти бежал, размахивая длинными руками. Он был весь в белом, как и подобает директору.

— Вадим Афанасьевич, — сказал он Анголову. — Или Андреевич?

— Алексеевич, — сказал Анголов.

— Правильно, — сказал директор. — Склероз, но помню, что А. Оставьте все дела и идите ко мне.

— Какие теперь дела, — сказал Анголов. — Конечно, зайду. Поговорим.

— Не до разговоров, — строго сказал директор и полетел дальше. Он остановился у барьера, поговорил с Крышкиным. Тот внимательно выслушал и пошел натягивать брюки.

Анголов подождал, и они вместе свернули к зданию управления. У входа стояли кружком академик Скловский, два доктора и несколько кандидатов. Все они курили.

— Сухопутный хищник — просто санитар, — говорил академик. — В океане все по-другому. Океанические формы необычайно плодовиты и по этой причине склонны к мутациям. Экологическое равновесие океана зиждется на том, что потомство одних видов служит пищей другим. Это ограничивает эволюционный потенциал. Но что будет, если убрать хищников?..

Никто ему не ответил. Академик бросил окурочек в урну и направился внутрь здания. Последним вошел директор. Он начал без предисловий.

— Здесь собрались специалисты, — сказал он. — Вы знаете, что происходит в морях. По неизвестной причине океан перестал быть нашим другом. За минувший месяц тысячи судов пропали без вести. В ряде случаев корабли уцелели, но исчезли люди. А в последние дни начались еще и инциденты на побережье. За месяц море унесло миллионы человеческих жизней. Последствия вы знаете. Судоходные трассы и порты закрыты. Кругом паника. Газеты выдвигают самые невероятные предположения. Например, кальмарная гипотеза...

— Бред, — сказал академик Скловский. — Океан — это самосбалансированная система. Вырвите из нее несколько элементов, и вы создадите чудовищ, рядом с которыми самый страшный кальмар покажется ягненком.

— Возможно, — сказал директор. — Но есть много других вариантов. Нам повезло больше, чем другим. Вы знаете о трагедии на Длинной Косе. Несчастье случилось вчера, и погибло около двухсот человек.

— Кто-нибудь остался в живых?

— Нет, нам повезло в другом, — сказал директор. Он поднял над головой портативный магнитофон. — Полюбуйтесь, это оттуда. Он работал на запись в момент трагедии. Нашему коллективу оказана высокая честь. Сейчас я его включу.

В комнату вошли слабый плеск волн, шорох песка, шелест ветвей. Потом — близкий мужской голос:

— Конечно, да.

И женский:

— Но вдруг тебе это только кажется?

— Нет, — сказал мужчина. — Я бы это понял. И ты бы это поняла. А теперь мы будем вместе всегда.

Они замолчали — остались плеск, шорох и шелест. Прошла минута.

— Послушай, как хорошо поют, — сказала вдруг девушка из магнитофона.

— Да. Я уже давно прислушиваюсь.

— Даже странно — так громко, но вместе с тем так приятно.

Директор остановил пленку.

— Обратите внимание, — сказал он. — Говорят о громком пении, но никакого пения нет. А чувствительность этой модели позволяет записать что угодно.

Голос мужчины удалился от микрофона, стал тише.

— Мне кажется, из воды будет лучше слышно.

— Ты прав, — сказала она, и ее голос тоже стал тихим, смутным, едва различимым. — Пойдем.

— Но ты не умеешь плавать! — тихо воскликнул он.

— Ничего, ты меня поддержишь. — Последняя фраза прозвучала уже совсем неразборчиво.

Голоса исчезли. Директор сказал:

— Это все, что нам передали на экспертизу.

— Действительно трагедия, — сказал один из докторов после непродолжительного молчания. — Конец кальмарной гипотезы.

— Почему? — поинтересовался другой.

— Кальмары не поют, — объяснил первый.

— Вы считаете, что песня...

— Безусловно, — сказал первый. — Вроде приманки. Да, в этом все дело. Человек идет на музыку, как карась — на блесну.

— Караси на спиннинг не ловятся, — сказал академик Скловский.

3

— Честно говоря, я не знаю, что делать, — сказал Глынин. — Когда начались эти ужасные катастрофы, и даже потом, когда нам запретили выходить в море, казалось, что это временно, что вскоре все вернется на свои места. Но теперь я просто не знаю.

Они стояли на бетонной дорожке в узком коридоре

листвы. Вдали аллея спускалась к берегу, но моря не было видно — просто окно синевы, обрамленное зеленью. Прерывистый ветер нес оттуда соленую влагу, кругом шелестели деревья.

— Хотите добрый совет? — сказал Анголов. — Переучивайтесь на пилота дирижабля. Я где-то прочел, что лишь дирижабль сможет теперь обеспечить межконтинентальные перевозки.

Глынин не ответил. Анголов продолжал:

— Я бы и сам с удовольствием пошел работать на дирижабль. К сожалению, в мире осталось много всякого зверья, место которому не на природе, а в павильоне. Да и очищать море от чудовищ тоже придется нам, если найдут подходящий способ.

Казалось, Глынин не слушает. Он молча смотрел в далекое окно синевы.

— Правда, многие считают, что это дело военных, — продолжал Анголов. — Я сомневаюсь. Сила здесь не поможет, нужна какая-то хитрость. Ведь совсем недавно они спокойно жили в глубинах и питались отбросами. Почему? Видимо, их не пускали на поверхность касатки и кашалоты. Теперь, после истребления китов, чудовища вышли из бездны и изменили режим питания. Человеку хуже всего. У обитателей моря мозг слаб, и гипноз на них не действует. Не знаю, что тут можно придумать. Но менять специальность рано. Мне. Вы — это другое дело.

Глынин молчал.

— Представьте себе, что вы летите на дирижабле. Ваш корабль, как облако, парит в прозрачном воздухе, вдали от всяческой суеты. Внизу проплывают города и леса. И море. Вы высоко над ним, и гигантские штормовые волны кажутся вам мелкой рябью. Не работа, курорт. Позавидуешь.

— Я моряк, — сказал Глынин. — Поймите это.

Анголов промолчал.

Синее зеркало океана занимало все поле зрения. Океан был чистый и ласковый, но там таилась угроза.

Анголов поежился, хотя и находился на почтительном удалении от места событий. Океан был на экране, и Анголов вместе с другими опять сидел в просторном кабинете директора.

Он знал, что произойдет сейчас на экране, в спокойном зеркале моря. Фильм не был прямым репортажем. Это была запись, и они просматривали ее уже не в первый раз.

Небольшой авианосец шел через Тихий океан, и телевизионная камера показывала его палубу. Но на палубе авианосца не было ни одного человека.

Его экипаж в полном составе размещался в самолетах, выстроившихся на взлетной полосе. Оснащенные самонаводящимися торпедами, они были готовы взмыть в воздух по первому сигналу.

Телекамера показывала это много часов подряд. Передача была однообразна, и никому бы не пришлось в голову вторично просматривать другие участки пленки.

Анголов знал, что произойдет, и ждал этого, тем не менее это произошло внезапно.

Телекамера, равномерно вращаясь, уходила от взлетной полосы, когда люк крайнего самолета открылся и пилот спрыгнул на палубу.

Он сделал то, что категорически запрещалось делать. А камера снова демонстрировала однообразную водяную пустыню.

Когда она вернулась к взлетному полю, оно напоминало людную площадь — пилоты в элегантных противоперегрузочных костюмах, оставив самолеты, пробирались к левому борту авианосца.

Кто-то дал знак, и пленка пошла замедленно. Но когда глаз телекамеры переместился на море, никому опять не удалось что-нибудь заметить. Море было пустынным, однообразным, зловещим.

Камера вернулась на палубу. Сейчас она показывала весь авианосец целиком — и левый борт, у которого толпились пилоты, и взлетную полосу, заполненную машинами, и кусочек водной поверхности за правым бортом. Когда запись просматривали в обычном темпе, никто не успел ничего разглядеть — просто в воде у правого борта возникло неуловимое движение, и палуба опустела. Теперь пленка шла медленно, давая возможность разглядеть подробности.

Люди на экране стояли неподвижной толпой, глядя вдаль с левого борта авианосца. Но там ничего не было. На экране один за другим вспыхивали последовательные неподвижные кадры. Внезапно на одном из них в воде у борта авианосца, противоположного тому, у которого толпились застывшие люди, появилось широкое темное пятно. Его контуры были смазаны, плохо различимы. На следующем кадре пятно приблизилось к борту вплотную, по его периметру возникло множество многометровых извилистых нитей. Через всю палубу они тянулись к толпе. Концы нитей были загнуты наподобие рыболовных крючков. Это изображение долго держалось на экране.

А на следующем кадре водная поверхность и палуба авианосца были уже одинаково пустынными.

— Верните, пожалуйста, назад, — обратился один из биологов к оператору. — Назад на один кадр. Вернее, на два. Верните к тому месту, где впервые появляется это существо. По-моему, это похоже на мутантную форму...

Он произнес длинное латинское название. Другие заспорили. Анголов встал и вышел из помещения.

На следующее утро, когда он попал на территорию аквариума, рядом с бассейном, в котором жил Малыш, урчали моторами два громадных КамАЗа. Один из них был оснащен мощным подъемным краном, на другом лежала тридцатиметровая цистерна с надписью во всю длину: «Живая рыба». В бассейне плавали люди в масках. Рядом с бассейном стоял зоопсихолог Иван Крышкин. С неба падала вода, поднятая хвостом кашалота.

— Привет, — сказал Анголов. — Уже продаете? Я трудился в поте лица...

Он не договорил.

— Я тоже, — грустно сказал Крышкин. — Он так чудесно дрессировался, даром что взрослый. Но правительства всех стран договорились через ООН собрать кашалотов и касаток, которые есть в аквариумах, океанариях и водных цирках, и выпустить в море. Киты — наши друзья. Правда, мы их слегка уничтожили, но они помогут нам сражаться с этими чудовищами из глубин.

Аквалангисты безуспешно пытались пропустить ремень под брюхо Малыша. Он ловко увертывался, думая, что с ним играют.

— Ведь это началось почему? — сказал Крышкин. — Я имею в виду ситуацию в океанах. Кажется, я уже говорил, что эти чудовища, которые терроризируют весь мир, вовсе не прилетели из Туманности Андромеды, как пишут сейчас в некоторых газетах. Они всегда жили в океанских глубинах, но наверх их не пускали хищные китообразные. Человек истребил китов, и вот результат.

— Правильно, — сказал Анголов. — Только рассказывал это я.

— Все равно, — сказал Крышкин. — Оказывается, в зоопарках мира осталось еще довольно много касаток и кашалотов. Правительства всех стран договорились

выпустить хищных китов в море. Они расплодятся и вытеснят этих тварей назад в глубины. Счастье, что часть китов сохранилась в аквариумах. Теперь мы выпустим их в океан, и всем снова станет хорошо.

— Да всем и сейчас неплохо, — сказал Анголов. — В конце концов, многие люди в глаза не видели океана. Прибрежная зона занимает ничтожную часть обитаемых территорий. И потом — сколько же это придется ждать?

— Ничего не поделаешь, — сказал Крышкин. — Но если бы киты были истреблены полностью, возможно, не хватило бы вечности.

Одному из аквалангистов наконец удалось подвести под Малыша ремень и завязать на его голове что-то вроде петли. Аквалангист вылез из воды и, не снимая акваланга, побежал вокруг бассейна, высоко подняв руки в знак победы.

Сзади подошел директор аквариума, остановился рядом с Анголовым и молча смотрел на ныряльщиков, бойко опутывающих Малыша веревочными доспехами.

— Вы чем-то расстроены? — спросил Анголов. — Разве вы не слышали о замечательном договоре, который мы подписали?..

Директор посмотрел на цистерну с надписью «Живая рыба», потом на аквалангиста, совершавшего круг почета с поднятыми вверх руками. Потом сказал:

— Поздно. Они вошли в реки.

НАД БЕЗДНОЙ

Злотов стоял на подножке дроммера и, прищурившись, наблюдал, как к нему длинными прыжками приближается Сандлер. Его силуэт вырастал на глазах, черный в лучах заходящего Солнца.

— Есть работа? — спросил Злотов, когда Сандлер вскочил на подножку. Тот кивнул, они влезли в кабину. Дроммер взмыл в небо. Облачный диск Луны таял внизу, сливаясь с голубым шаром Земли.

— Корабль в Орионе, — сказал Сандлер. — XX век, Или начало XXI.

Аппарат задрожал, оказавшись в фокусе марсианской гиперантенны. Потом вибрация прекратилась, и дроммер перемахнул 10^{13} -километровую бездну — легко, как радиолуч, только гораздо быстрее. Солнце превратилось в звезду средней величины.

— Надо же, какое старье, — сказал Злотов.

Сандлер ввел в память машины уравнение корабля, который они встречали. Дроммер сделал новый скачок — теперь уже автономный — и вышел с заданной скоростью в нужную точку пространства.

— Какой-то он необычный, — сказал Злотов. И пошутил: — Вроде как и не наш.

Прожекторы дроммера освещали старинный звездолет, возвращавшийся к Земле из дальнего рейса. Его нос и корма терялись во мраке. Цилиндрический корпус

размеренно вращался, имитируя гравитацию. Дроммер скользил вдоль прозрачных палуб, как каноэ.

— Просто он очень древний. — Сандлер остановил машину. — Попробуем здесь.

Дроммер совершил еще один, последний, скачок и очутился внутри звездолета, в просторном пустом коридоре. Центробежная сила мягко уложила его на прозрачный пол. Сандлер прыгнул из кабины на упругий настил. Зотов последовал его примеру.

— Здорово, — сказал он, глядя на звезды у себя под ногами. — Ходишь прямо по небу. Но почему так пусто?

— Видимо, у них ночь, — сказал Сандлер, подумав. — Ночь, и все спят. Смотрят сны о том, как через год приземлятся.

— А мы им — сюрприз, — усмехнулся Зотов. — Обожаю сюрпризы. Но хоть вахтенный у них есть?

— Наверняка. Где-нибудь впереди, в посту управления.

Они быстро шли по стеклянному полу. Стояла тишина, и лишь эхо шагов шелестело в концах коридора. Потом Зотов чуть слышно рассмеялся. Сандлер недоуменно посмотрел на него.

— Всю жизнь мечтал о таком варианте, — вполголоса объяснил Зотов.

— Представь себя на месте этого вахтенного. Ты много часов подряд сидишь в рубке, один перед пультом. Тут незаметно появляюсь я, дергаю тебя за плечо и протягиваю бланк: «Распишитесь вот здесь, пожалуйста». Ты падаешь в обморок.

— Ну и что? — сказал Сандлер.

— Смешно, — объяснил Зотов. Он вздохнул. — Но так никогда не бывает. Обязательно кто-нибудь еще раньше начнет сдирать с твоей головы воображаемый парик, так что тебе не до смеха. А потом, когда ты все объяснишь, они долго и нудно рассказывают о себе.

«Мы летали сто лет, достигли системы Сириуса, сидели там целых три дня, а теперь возвращаемся, неся свой вклад в копилку человеческих знаний...»

— Будет тебе, — тихо сказал Сандлер. — Нехорошо над этим смеяться.

— Чувства юмора у тебя нет, — обиделся Зотов. — И я не виноват, что они так задаются. Мне, может, больше тебя хочется, чтобы кто-нибудь вернулся и сказал: «Я облетел всю Галактику, побывал в системах тысячи звезд, повидал чужие цивилизации...» К сожалению, так не бывает.

Оставшийся отрезок пути они прошли быстро и молча. Дверь рубки была прикрыта, но не заперта. Зотов умоляюще посмотрел на Сандлера.

— Ладно, — сказал тот, поколебавшись. — Иди. Совершай акт вандализма.

Они осторожно проникли внутрь. Рубка оказалась просторнее, чем ожидал Зотов. У дальней ее стены спиной к ним во вращающемся кресле сидел человек. Его лысый череп рельефно вырисовывался на фоне приборных панелей.

Зотов бесшумно подкрался к человеку за пультом, ощущая осуждающий взгляд Сандлера на своем затылке. Но искушение было слишком велико. Он положил ладонь на плечо вахтенного. Секунду тот оставался неподвижным, потом стряхнул руку Зотова и повернулся на вращающемся кресле. Все в его лице, начиная с чересчур светлой кожи, указывало, что он — пришелец из прошлого. Его ясные голубые глаза вопросительно смотрели на Зотова.

— Вы вахтенный штурман? — спокойно спросил Зотов, доставая из нагрудного кармана заранее заполненный бланк. — Распишитесь вот здесь, пожалуйста.

Вахтенный молча взял листок бумаги. Он быстро

пробежал текст глазами, расписался под ним и вернул бланк Злотову. И отвернулся к пульту.

Через минуту он оглянулся через плечо.

— Я должен еще где-нибудь расписаться?

— Н-нет, — сказал Злотов.

— Тогда, с вашего разрешения, я удаляюсь, — сказал вахтенный. — Конец дежурства, пора и баньки. Скоро придет мой сменщик.

Он встал, оказавшись неожиданно высоким, и направился к выходу. Злотов опустил в освободившееся кресло. К пульту подошел Сандлер, пошарил под панелью, вытащил складную скамейку и сел. Некоторое время они молча глядели друг на друга.

— Вот так всегда, — сказал наконец Злотов. — Он что, какой-нибудь телепат?

Из коридора слышались быстрые шаги. Вошедший, мужчина лет сорока, тоже слишком светлолицый, направился прямо к ним, протягивая руку для приветствия.

— Доброе утро. Александр Кунцев, второй пилот.

Они обменялись рукопожатиями.

— Но как вам нравится Скляр? — поинтересовался Кунцев. — Это наш командир. Я встретил его у каюты. Там народ, говорит, прибыл. Встречающие с Земли. Мальчишки, говорит. И пошел спать. Вот я и прибежал.

— Ваш командир телепат? — спросил Сандлер.

— Вряд ли. Но интуиция у него поставлена хорошо. Мы вернемся через три века, заявил он еще на старте. Прогресс неумолим. Возвращение будет происходить совсем не так, как вы себе представляете. Нас обязательно перехватят еще на дальних подступах и аккуратно посадят где-нибудь на Луне.

— Так и сказал — на Луне?..

— Точно так, — подтвердил Кунцев. — Только Луна к этому времени изменится. Там появятся моря, ат-

мосфера. На Луне построят курорт, заявил он. Мы еще поотдыхаем на этом курорте.

— Значит, вы теперь ничему не удивляетесь?

— Почему не удивляемся? — сказал Кунцев. — Удивляемся, но в определенных границах. Лично я Склярю верю. Если он что-нибудь сказал — значит, так тому и быть. Но я вас отвлекаю, а вы, видимо, торопитесь. Вам помочь?

— Спасибо, — сказал Сандлер. — Сами справимся. Там всей работы-то на полчаса.

— А мне можно посмотреть, как вы будете это делать?

— Почему же нельзя? — сказал Сандлер. Они медленно пошли к выходу. Неожиданно для себя Зотов попросил:

— А вы пока расскажите, как там дела, на Альдебаране.

— Почему на Альдебаране?

— Ну я имею в виду ту звезду, на которую вы летали. Они вышли в коридор со стеклянным полом.

— Программа была свободной, — сказал Кунцев. — Маршрут пролегал через сотни солнц. Мы облетели целую звездную систему.

Зотов вздрогнул.

— Конечно, не Галактику, а только Нейтронное Кладбище, — уточнил Кунцев.

— Кладбище? — удивился Сандлер.

Кунцев усмехнулся.

— Название зловещее, но этот район действительно таков. Там было когда-то шаровое скопление. Потом оно взорвалось.

— Взорвалось? — переспросил Сандлер. — Я понимаю, когда звезда, но чтобы целое скопление...

— Все связано в один узел, — сказал Кунцев. — Это происходило миллиарды лет назад. Сначала просто Сверхновая. Уровень радиации резко возрос. Стабиль-

ность соседей нарушилась. Началась цепная реакция. Очень скоро все светила скопления стали Сверхновыми, оставив после себя множество пульсаров, или нейтронных звезд.

— Как интересно. Но почему я об этом нигде не читал?

— Не знаю, — сказал Кунцев. — Когда мы улетали, об этом слышал любой школьник. И понятно. Как-никак первая межзвездная экспедиция.

— Первая?

— Самая что ни на есть.

— Не понимаю, — сказал Злов. — Вы говорите — первая межзвездная экспедиция. И перед вами сразу поставили такую сложную задачу — облететь сотни звезд? Даже теперь не бывает таких полетов.

— Естественно, — сказал Кунцев. — Мы летели так, потому что иначе не смогли бы. Например, какая-нибудь Альфа Центавра была для нас недостижимой мечтой. Ведь мы выполняли карамболь.

Он посмотрел на их недоумевающие лица.

— Да, прогресс неумолим. Все забыли. Видимо, перешли на новые двигатели, и карамболь перестал быть актуальным. В наше время об этом знали все. Если вам интересно, я могу прочесть целую лекцию.

— Конечно, интересно, — сказал Сандлер. — Рассказывайте.

— Вы когда-нибудь видели бильярд? Вот и прекрасно. Карамболом называют сложный удар, при котором биток, прежде чем коснуться мишени, задевает промежуточный шар. Или несколько промежуточных шаров. А мы пользуемся этим термином для полетов с гравитационным разгоном и поворотом. Иногда говорят «пертурбационный маневр», но «карамболь», по-моему, лучше. Первые такие рейсы выполнялись еще в XX веке, когда облет Венеры или Юпитера по пути к другим планетам позволял набрать лишнюю скорость и сбросить

топливо. Потом этот маневр временно умер, чтобы возродиться при первых полетах к звездам. Правда, задачи карамболя изменились. Раньше он применялся в основном для увеличения скорости, теперь — для изменения ее направления.

Они внимательно слушали. Кунцев продолжал в бодром лекторском темпе.

— Представьте себе звездолет, летящий вдали от Земли. Если ему встретится звезда, он обогнет ее по гиперболе, и его курс изменится на некоторый угол. Можно составить маршрут так, чтобы корабль, совершив несколько последовательных поворотов, вернулся в точку старта. По сравнению с классической схемой, когда корабль тормозит у звезды-цели, а потом вновь разгоняется, при замкнутом карамболе экономится уйма энергии и вещества. Обратите внимание, какие у нас здесь просторные помещения.

— Простите, что перебиваю, — сказал Сандлер. — Мне непонятно, как может звезда завернуть корабль, если у него достаточно высокая скорость?

— Вопрос правильный, — сказал Кунцев. — Приемлемые поля реализуются только вблизи пульсаров и «черных дыр». Стандартный поворотный пункт — это нейтронная звезда, пульсар. Пульсар легко найти по радиоизлучению, особенно в Нейтронном Кладбище. Там их видимо-невидимо. А вот обнаружить «черную дыру» почти невозможно. Например, в нашем полете это случилось всего один раз.

— Значит, полет был беспосадочным?

— Какие там посадки, — сказал Кунцев. — Облет звезды длится мгновение. Обычно через несколько дней мы просматривали отснятые фильмы. Как правило, все они похожи. Но бывают и неожиданности.

— Вот и наш дроммер, — сказал Сандлер. — Нравится?

Злотов вскочил на подножку и отворил дверь кабины.

— Занятная штука, — сказал Кунцев. — А как она действует?

— Полезайте сюда, — сказал Злотов. — Кабина рассчитана на двоих, но вы тоже поместитесь. Устраивайтесь.

Он усадил Кунцева в кресло, а сам примостился рядом, на кожухе двигателя. Сандлер занял свое место.

— Я нажимаю вот эту кнопку, — сказал он. — Теперь все готово к перебросу. Если я нажму еще и эту, то мы вместе с вашим звездолетом окажемся на Луне.

— А как это действует?

Сандлер смутился.

— Не знаю. Нажимаешь кнопку — и все.

— Да, прогресс неумолим, — сказал Кунцев. — Нам бы такую штуку. Мы установили бы массу контактов.

— С кем?

— Ну, мы открыли кучу цивилизаций, — сказал Кунцев. — Нажимайте свою кнопку.

— Нет уж, — обиделся Сандлер. — Сначала расскажите про цивилизации.

— Разве вам это интересно? — удивился Кунцев. — Но как хотите. Это произошло на просмотре после «черной дыры», о которой я упоминал. Вероятно, вы знаете, что это такое? Или терминология за это время изменилась?

— Знаю, — сказал Сандлер. — Это массивная звезда, которая неудержимо сжимается. Теперь чаще говорят «коллапсар».

— Верно, — сказал Кунцев. — И вы, вероятно, знаете, что падать туда не рекомендуется. Ведь если вы начали туда падать, то через несколько часов от вас ничего не останется. Правда, коллапс изменяет течение времени, и для оставшихся за его пределами вы будете падать вечно. Это очень важное обстоятельство, но,

когда свет в зале погас, я о нем не думал. Как и другие, я не ждал от просмотра никаких неожиданностей.

На экране была темнота, она держалась долго, и многие уже решили, что оборвалась лента, когда на фоне непроглядного мрака перед нами засветилась амебообразная клякса. Вскоре она расплылась во весь экран. Шум в зале затих. Ведь это были подлинные кадры, еще не тронутые монтажом.

— Простите, — сказал Сандлер, — не совсем понимаю. Ведь это же «черная дыра», свет из нее не выходит. Откуда же взялось свечение?

— Электроны, — объяснил Кунцев. — Падая на коллапсар, они разгоняются и излучают. Правда, в рентгене, но мы и смотрели сквозь рентгеновские фильтры. Границы кляксы ушли за пределы экрана, и перед нами простиралась теперь светящаяся волнистая поверхность. Так было долго. И вдруг в углу экрана по ходу движения появился некий предмет.

«Стоп», — закричал кто-то, изображение застыло перед нами, четкое и подробное, и по рядам прошелестел вздох, потому что мы увидели космический корабль. Правда, он не имел привычной для наших глаз цилиндрической, конической или сигарообразной формы. С другой стороны, в нем не было ничего от сфер, дисков и прочих созданий изысканного воображения участников бюраканских симпозиумов. Если искать геометрическую аналогию, так это был просто параллелепипед. А из всех транспортных средств он больше всего напоминал железнодорожный или трамвайный вагон.

Представьте себе эту остановленную на экране картину. Глубокая чернота, опоясанная светящейся пленкой. Мы летим над нею на небольшой высоте, и все кажется нам плоским, как лед, под которым спряталась темная вода. А из угла экрана в поле зрения вползает неизвестно чей космический корабль, похожий на обыкновенный трамвай.

Мы смотрели на киноэкран, не веря своим глазам. Ведь земные радиотелескопы уже давно прослушивали Вселенную, но никто не засек ни одного искусственного сигнала.

— Еще бы, — сказал Злотов. — До сих пор никто ничего не принял. Вам здорово повезло, что вы встретили этот корабль.

— Повезло, — согласился Кунцев. — Особенно если учесть, что он терпел бедствие. Никто из нас в этом не сомневался. Как кирпич, вмороженный в лед, он беспомощно висел над пропастью. А мы проносились над ним в искривленном небе, но не могли притормозить и протянуть руку помощи. Ведь у нас не было возможности останавливаться на маршруте. Иначе мы бы никогда не оказались так низко над коллапсаром.

Главное, будь у нас ресурсы, наша помощь не запоздала бы. Если бы мы вернулись туда через миллион лет, ничто бы не изменилось, потому что на чужом корабле прошло бы всего несколько минут. Но тогда никто из нас об этом не вспомнил. О том, что перед нами запись, мы тоже не думали. Мы пролетали рядом с гибнущим кораблем, и в кают-компании была тишина.

«Дальше», — негромко скомандовал Скляр, и чужой звездолет, оставаясь на месте, снова пополз по экрану. Но он не успел сместиться и на полметра, как новый вздох пронесся по помещению. В поле зрения появился еще один космический корабль. Его положение было таким же критическим.

«Это помощь», — сказал вдруг кто-то, и мы увидели происходящее как бы с другой стороны. Было невероятно, что два разных корабля попали в аварию так близко друг от друга. Нет, лишь один из них терпел бедствие, а другой пришел на помощь, добровольно отдавшись тяготению коллапсара. Это был подвиг, растянутый на эпохи. Во всяком случае, так мы решили.

«Нет, это контакт», — сказал вдруг Скляр. А в кадр, как муравьи, вползли еще два космических корабля.

Потом, при повторных просмотрах, многие утверждали, что именно они производят наибольший эффект. Ведь только после их появления становится ясно, что мы имеем дело не со случайным инцидентом и даже не со спасательными работами. Возможно, это и так. Однако мне больше запомнился самый первый корабль — как он висит в сияющей дымке, похожий на трамвайный вагон, а мы пролетаем над ним по черному небосводу, не имея возможности прийти на помощь.

А возникавшие в поле зрения все новые и новые космические корабли вызывали у нас только чувство сенсационного любопытства — сколько их окажется всего? Их число перевалило за сотню, а они все появлялись и появлялись. Казалось, этому не будет конца.

— Но откуда же они прилетели? — вмешался Сандлер. — Ведь каждый биологический вид существует определенный срок. Разумный вид обычно не доживает до своего срока. В Галактике не может быть столько цивилизаций.

— Все правильно, — сказал Кунцев. — В наше время тоже так считали. Цивилизации вспыхивают в разные эпохи, и их представители не встречаются. Но это теория, а практика была перед нами. Потом корабли стали встречаться реже. Наконец последний из них исчез с экрана.

Кунцев замолчал.

— И это все?

— Почти, — сказал Кунцев. — Мы много раз просматривали запись. Разумеется, появилось много гипотез. Но единственная правдоподобная концепция основана на предположении, которое Скляр сделал сразу же, увидав первые два корабля. Как всегда, он попал в самую точку.

Главное затруднение в проблеме контакта — выбор

момента встречи. Цивилизации живут в разные эпохи, и вероятность контакта велика лишь в областях сжатого времени, у коллапсирующих звезд. Корабли двух цивилизаций окажутся здесь одновременно, даже если они прибыли с интервалом в миллиард лет. Поэтому планеты, нуждающиеся в контактах, направляют в «черные дыры» своих представителей. Постепенно здесь скапливается много кораблей разных культур, они обмениваются информацией, а потом возвращаются, пережив тех, кто послал их сюда.

Рано или поздно каждая цивилизация узнает о свойстве коллапсара прессовать время. «Черная дыра» — идеальное место контакта. Возможно, некоторые народы целиком разбредаются по «черным дырам» и, обогащенные знаниями, выходят оттуда через миллионы лет, возрождаясь. Но это уже домыслы.

— Почему же? — сказал Сандлер. — Ведь это страшно. Вдруг они действительно находятся в таком «закуленном» состоянии? И готовы в заранее рассчитанный момент вернуться в обычное время. Представьте себе — день «икс», выход целой цивилизации на арену Вселенной. И это может произойти хоть завтра.

— Нет, это домыслы, — возразил Кунцев. — Так говорит Скляр. Теперь включайте свой дроммер. Кстати, почему он так называется?

Сандлер пожал плечами.

— Спросите у своего Скляра, — сказал Кунцеву Злотов. — Он-то знает наверняка.

АХИЛЛЕСОВА ТОЧКА

1

Рукав скафандра звякнул, коснувшись металлической стенки туннеля, и эхо отразило исковерканный звук. Провожатый буркнул:

— Налево.

Коровин подчинился. Они так долго петляли в полутьме по бесконечным переходам камата, что он успел окончательно запутаться. Если раньше они поднимались от жилых этажей в носовую часть, к стартовым ангарам конвоя, то теперь ориентация была безнадежно утеряна. Коровин послушно свернул налево, в боковой коридор.

— Теперь направо.

— Как много поворотов, — сказал Коровин.

Провожатый передернул плечами, не оборачиваясь и не тормозя шага. Словно облитый ртутью, он шел танцующей походкой человека, привыкшего к магнитным башмакам. Коровин управлял телом гораздо менее уверенно. Ему казалось, что со стороны он выглядит нелепо. Ничего не поделаешь — ионные двигатели, почти невесомость. Караван Малой Тяги, вытянувшись 20-километровой вереницей пассажирских и грузовых блоков, входил в Пояс астероидов.

— Почему у вас не сделают лифтов? — миролюбиво спросил Коровин.

Провожатый, не останавливаясь, глянул через пле-

чо, показав бородатый профиль над откинутым на спину прозрачным шлемом. В молчании они миновали еще несколько поворотов. Потом провожатый остановился.

— Здесь, — сказал он, подождав Коровина. Коровин отстал, потому что ремень одной из его фотокамер зацепился за скобу, торчавшую из стенки туннеля. — Пришли наконец.

Они стояли в полутемном помещении с высоким потолком. Из стены перед ними через каждые два-три метра выдавались массивные крышки шлюзовых камер. Под потолком зала надпись на трех языках указывала на недопустимость присутствия здесь посторонних и пассажиров. Подойдя к одному из люков, спутник Коровина набрал комбинацию на цифровом замке.

— Пилот знает? — спросил Коровин.

Провожатый, не отвечая, опустил прозрачный колпак шлема на вакуумные присоски воротника. Коровин последовал его примеру. Они вместе подождали, пока тяжелая крышка не отодвинулась, обнажив черноту шахты. Коровин придержал фотоаппараты, чтобы они снова за что-нибудь не зацепились. Провожатый ждал. Его дыхание, искаженное переговорной системой, странно звучало в наушниках Коровина.

2

— Кроме атомных торпед, у меня есть лазеры, — сказал пилот, тыча пальцем в пульт. Пилота звали Гудков, и последние полчаса он рассказывал Коровину о своем катере. Гудков был светлый, даже белобрысый, невысокого роста, хотя заметить последнее было трудно, даже когда Гудков стоял, потому что стоял он на полусогнутых и все-таки упирался головой в потолок. Хорошо еще, что на потолке кабины не было никаких кнопок или клавиш, только циферблаты и индикаторы, и за те пол-

часа, пока Гудков, упершись головой в потолок, объяснял Коровину устройство катера, с курсом ничего не случилось. Коровин все это время сидел в кресле второго пилота, которое неожиданно оказалось гораздо удобнее роскошных пассажирских шезлонгов в соответствующей секции камата.

— На средней дистанции они его искромсают, — продолжал Гудков. — Дальше начинается стрельба из бластера. Бластеры сжигают все, что остается после лазеров.

— А если бластеры не справляются?

— У меня есть еще антипротоны. Специально для такого случая. Если он прошел все заслоны, пучок его остановит.

Коровин засмеялся.

— Вы говорите о метеоритах так, будто это ваши враги.

— А что вы хотели?

— Не знаю, — сказал Коровин, улыбаясь. Разговор ему нравился. Нормальный треп в трех астрономических единицах от Солнца. Он снова засмеялся.

— Но я не отношусь к ним как к врагам, — сказал Гудков. Он полулежал в своем кресле в метре от Коровина. Он устроился там перед тем, как начал рассказывать о вооружении катера. — Мне скучно, когда их нет. Особенно теперь.

— А что с вашим товарищем?

— Болезнь сугубо земная, грипп, — сказал Гудков. — Зато карантин небесный. Не исключено поэтому, что стрелять придется вам.

— Меня предупреждали. Это трудно?

— Наоборот, — сказал Гудков. — Промahnуться невозможно. Все оружие наводится автоматически. Стрелок — тот же пианист. Главное в его работе — в нужный момент попасть пальцем в нужную клавишу.

— Хорошо, — сказал Коровин. Он быстро освоился в кабине катера. Космоса здесь не было, только звездная пыль светила с большого — метр по диагонали — курсового телеэкрана на пульте управления. Из-за нестерпимого солнечного сияния экран заднего вида был приглушен, а на нем едва выступала пунктирная линия камата. — Фильм получится что надо. Ведь в труде конвоира столько романтики!

— Кое-что есть, — скромно сказал Гудков. — А вы профессионал?

— Что вы! — сказал Коровин. — Меня бы сюда не пустили. Вообще я экзосоциолог.

— Так вы по чужим цивилизациям? Тайна Казанского метеорита и так далее?

Коровин засмеялся.

— Почти угадали. Я действительно специалист по материальным следам. Экзоархеолог — так это называется.

— А есть и другие области?

— Сколько угодно, — сказал Коровин. — Кроме нашего направления, экзосоциология включает в себя экзобиологию, экзоастрофизику, экзорadioастрономию, экзологику, экзофилософию и массу других дисциплин с не менее экзотическими наименованиями. Как вам нравится, например, такое — экзопалеолингвистика?

— Это еще что за диковинка?

— Считается, что гипотетические пришельцы оставили не только материальные следы. После них сохранились предания и мифы, а также устойчивые идиомы в языках народов, с которыми они контактировали.

— Что ж, — сказал Гудков. — Звучит логично.

— Экзологично, — усмехнулся Коровин. — Знаете вы, например, где находится то место, что за тридевять земель?

Гудков пожал плечами.

— Наши экзопалеолингвисты выяснили, что на Луне, — продолжал Коровин. — Оказывается, если взять земной диаметр и умножить на двадцать семь, получится расстояние от Земли до Луны. Не с такой уж большой ошибкой.

— Здорово придумано, — сказал Гудков. — Остроумные ребята эти ваши палеолингвисты.

— Очень, — подтвердил Коровин. — Это тема диссертации.

— Неужели правда?

— Да, — сказал Коровин. — Причем автор делает много других выводов. В частности, цепочка изящных экологических построений приводит его от числительного «тридевять» к ценным соображениям относительно математики пришельцев и устройства их кибернетических машин.

— Блестяще, — сказал Гудков.

— Это не все, — продолжал Коровин. — Радиус лунной орбиты все-таки немного больше, чем «тридевять» земных диаметров. Используя известные данные по изменению гравитационной постоянной и связанному с ним увеличению земного шара и межпланетных расстояний, он находит дату прилета пришельцев.

— У меня нет слов, — восхищенно сказал Гудков.

Коровин продолжал:

— Кроме того, отмечая симметрию выражения «за тридевять земель, за тридевять морей», диссертант определяет соотношение площадей моря и суши в ту эпоху и вычисляет суммарную поверхность исчезнувших континентов, в том числе Атлантиды.

— Достаточно, — сказал Гудков. — Завтра же бросаю работу и перехожу в ваши палеолингвисты.

— Экзопалеолингвисты, — поправил Коровин. — Это очень важная приставка. Еще в прошлом веке некто Симсон указал на появление большого количества экс-

биологов, называющих себя экзобиологами. Его слова звучат сейчас очень современно. Именно так мы и трудимся. Экс-лингвист, называющий себя экзолингвистом, занимается построением языков, на которых никто никогда говорить не будет. Экс-радиоастроном, называющий себя экзорadioастрономом, прочесывает небо в поисках разумных сигналов, ничего не обнаруживает, получает результаты из области чистой астрофизики и кончает тем, кем начинал, — простым радиоастрономом. А экс-археологи вроде меня колесят по планетам, ищут следы — и тоже безрезультатно. Только в одном мы корифеи — в теоретической экзофилософии. Которая на самом деле экс-философия.

— Остановитесь, — сказал Гудков. — Я понимаю, что вы считаете себя вправе шутить над собственной профессией. Как всякий специалист, любящий свою работу. Но ведь у вас был контакт. В позапрошлом году. Только сейчас о нем почему-то не пишут.

— А, — сказал Коровин. — Односторонний радиоконтакт Волкова — Алешина — Гинзбурга. Было дело.

— Вот видите.

— Я-то вижу, — сказал Коровин. — Хотите знать, что произошло в действительности?

— Конечно.

— Тогда слушайте. За сто лет после опубликования статьи Коккони и Моррисона экзосоциология превратилась в солидную науку. Сейчас, спасибо теоретикам, нам известно практически все. Каким образом мы поймает сигналы чужих цивилизаций. Когда мы их поймает. Как расшифруем. Ну и, разумеется, какого могущества достигнем, приняв и прочитав их. А два года назад Волков и Гинзбург из Лунной обсерватории объявили, что они слышат чужую передачу.

Гудков слушал внимательно, не перебивая, повернув к Коровину чуть скуластое загорелое лицо. Ладонью

правой руки он ритмично похлопывал по широкому подлокотнику кресла.

— Представляете, что мы чувствовали?

Гудков в ответ улыбнулся.

— А что мы почувствовали через сутки, когда передача прекратилась? — сказал Коровин. — Но экзолингвисты заявили, что записанной информации вполне достаточно. А потом...

— У них ничего не получилось? — спросил Гудков. Он смотрел на Коровина не мигая.

— Уж лучше бы не получилось. Многие так считают. Знаете, что это было?

Коровин сделал паузу.

— Оказывается, в полупарсеке от Солнца чей-то чужой звездолет попал в аварию.

— Так это был SOS?

— Да, — сказал Коровин. — Причем из текста понятно, что его родная планета находится очень далеко, где-то в центре Галактики. И они обращались за помощью к ближайшим населенным мирам. То есть к нам. А мы расшифровали передачу только через год.

Гудков ничего не сказал. Он опустил глаза и смотрел на свои пальцы, лежащие теперь неподвижно на подлокотнике кресла.

— Возможно, они еще живы, — сказал Коровин. — Возможно, мы не так уж опоздали с расшифровкой. Какая разница? Мы не сможем прийти на помощь даже через полвека.

Некоторое время в кабине стояла тишина.

— Видимо, рано мы за это взялись, — сказал Гудков, разглядывая свои неподвижные пальцы.

— За что? — неохотно спросил Коровин.

— За экзосоциологию. За поиски контакта с другими цивилизациями. Мы еще недостаточно созрели. И технически и морально.

— По-моему, любая космическая деятельность подразумевает ответственность, — сказал Коровин.

Гудков помолчал.

— Возможно, вы и правы. Но на практике все иначе. Сейчас вы по делам?

— Да, — сказал Коровин. — На Титан, на экспертизу.

— Там что-нибудь нашли?

— Как обычно, — сказал Коровин. — Камень, похожий на кирпич.

— Понятно.

— Все равно когда-нибудь мы это сделаем, — сказал Коровин. — Когда-нибудь мы отыщем настоящие материальные следы. Найдем предмет, одного взгляда на который будет достаточно, чтобы понять, откуда он.

Он вздохнул.

— А пока приходится совмещать. Снимаем документальные фильмы, пишем популярные статьи. Иногда выходит неплохо. Думаю, и теперь получится. Очень выигрышная тема. Представьте это на киноэкране, из зрительного зала. Далекое Солнце. Мрак. Крупные планы больших планет. Растянутые порядки камата. Музыка, пальмы в пассажирских салонах. А по контрасту — мощные противометеоритные батареи. Короткие секунды тревоги. И наш катер, прикрывающий наиболее уязвимое направление...

— Понятно, — сказал Гудков. — Но, по-моему, вы должны раскрыть тему шире. Должны дать Границу, передний край битвы. Человека с Природой. Изобразить Человека, ведущего эту борьбу. Заключение в металлические коробки, лишённого элементарных удобств, страдающего от недостатка энергии и свободы передвижения. Человека, который ставит на карту все. Который сражается — и побеждает.

— Не беспокойтесь, — сказал Коровин. — Я покажу правду.

Через двое суток, после завтрака, просматривая бортовой фотоальбом катера, Коровин сказал, обращаясь к Гудкову:

— Какие красавцы! И снимки очень удачные. Кто их автор?

Гудков улыбнулся.

— Никто. Вернее, фоторобот на базе. Переснято с магнитной записи.

Коровин увлеченно перелистывал страницы альбома. Чего здесь только не было! И слабые искорки на пределе зрения телескопов. И близкие яркие огоньки. И наконец, метеориты рядом. Каменные и металлические, шарообразные, цилиндрические и пирамидальные, гладкие и неровные, ледяные айсберги и просто обломки, серые, желтые, коричневые, голубые, все метеоры мира, казалось, были собраны здесь, в альбоме с толстыми жесткими страницами.

— Настоящие красавцы! — еще раз повторил Коровин. — Это все ваши?

Гудков кивнул. На его лице появился неуловимый оттенок гордости.

— И вы еще будете утверждать, что метеориты встречаются редко?

— У вас есть собственный опыт, — сказал Гудков.

За прошедшие двое суток установленные на камате мощные радиолокаторы дальнего обнаружения засекли в их секторе всего один небольшой обломок, но и тот шел мимо, и уничтожить его не пришлось. Это согласовывалось с метеосводкой, обещавшей один метеорит в пять дней.

— Вы правы, — сказал Коровин. — Оказывается, здесь иногда тоже хочется переменить обстановку.

За двое суток космоса в кабине не прибавилось. Экраны обзора стали картинками — пейзаж в них застыл, потому что меняться ничто не могло. Звезды оста-

вались на месте — никакие межпланетные перелеты не в силах спутать рисунок созвездий. Камат висел в экране заднего вида. Взаимное расположение катера и камата осталось прежним, и он тоже казался нарисованным в глубине телеэкрана. Был еще, правда, Юпитер. Впереди, потому что камат должен был воспользоваться его гравитацией, чтобы набрать скорость на пути к Сатурну. За два дня Юпитер стал несколько ярче, но заметить это невооруженным глазом было невозможно.

— Тут нет ничего удивительного или странного, — сказал Гудков. — Например, раньше я работал в ближнем космосе, на осах. Возил боксеров на станцию.

— Простите, где вы работали?

— На орбитальных самолетах, осах. Возил людей на станцию. Станция у них называется Большая ОКС, сокращенно — бокс. Поэтому тех, кто там работает, называют боксерами. Или бокситами, кому как нравится.

— Понятно, — сказал Коровин. Разговор входил в обычное непритязательное русло.

— И что вы думаете? — продолжал Гудков. — Знаете, почему я оттуда ушел? От скуки. Не потому, что там мало происшествий, нет. Наоборот, сплошные аварии и инциденты. Но я не желаю вам присутствовать при подобной аварии.

— Почему?

— Потому что вам не дадут и пальцем пошевелить. Все за вас сделают.

— Кто?

— Центр, кто же еще, — сказал Гудков. — Есть у них такая организация. Так и называется — Центр управления полетами. Но работают здорово, молодцы.

— И поэтому вы перешли сюда?

— Частично, — сказал Гудков. — Здесь намного свободнее. Есть люди, которые считают, что безопасность превыше всего. Я не отношусь к их числу.

— Скажите, — проговорил Коровин после непродол-

жительного молчания. — А вот если вы встречаете очень большой метеорит, типа астероида? Уничтожить который обычными средствами вы не можете? Что тогда?

— Не понимаю. Объекты до ста тонн мы расстреливаем уверенно. Если вам угрожает что-то грандиозное, то штурман камата успевает пересчитать программу и уйти. Даже на малой тяге. Просто потому, что впередсмотрящие станции засекают большой метеорит на очень большом расстоянии.

— А если впередсмотрящие недооценивают угрозу?

— Ясно, — сказал Гудков. — В принципе такое, конечно, возможно. Но что делать, я не знаю. Никогда не был в подобной ситуации.

— Я вот к чему, — сказал Коровин. — Говорят, иногда конвойный расстреливает весь боезапас, но не уничтожает метеорит. Тогда он идет на таран. Рассказывают, что были такие случаи.

Гудков молчал, опустив серые глаза и похлопывая правой ладонью по широкому подлокотнику. Потом он серьезно посмотрел на Коровина.

— Нет, вряд ли. Я бы знал. И почему пилот должен погибнуть? Он может катапультироваться, и его подберут другие.

Он замолчал. В наступившей тишине вдруг проснулся, ожил связной громкоговоритель. Минуту он молча хрипел. Потом сказал металлическим, нечеловеческим голосом:

— «Рубин-пять, «Рубин-пять», здесь база. «Рубин-пять», вызывает база. Боевая тревога в вашем секторе.

4

Для воображаемого наблюдателя, поднявшегося над каматом к Северному полюсу мира, сектор патрулирования простирался вперед, левее траектории каравана.

Конвойный катер находился в вершине конуса, в тысяче километров от камата. Локаторы дальнего обнаружения засекают метеорит средних размеров на расстоянии, в сто раз большем. При скорости сближения порядка 100 км/с на все остальное остается 15—20 минут. Радиус действия атомных торпед составляет десять тысяч километров. При работе на максимальной дальности их следует запускать сразу после сигнала тревоги, чтобы они успели к месту встречи с целью.

Сейчас со стороны Юпитера, угрожая камату лобовым столкновением, приближался метеорит массой приблизительно в тонну. В том месте на курсовом экране, где он должен был находиться, висела бледная точка. Изображение синтезировалось бортовым вычислителем по данным, полученным из диспетчерской. Бортовые локаторы катера пока не видели метеорита. Атомные торпеды обычно стартуют вслепую, и до перехода на самонаведение их движением управляют по данным, полученным с камата.

Все, что требовалось от Коровина при сигнале тревоги, он уже сделал. На мгновение почувствовав себя автогонщиком, он надел на голову прозрачный колпак шлема, натянул на руки перчатки и пристегнулся к креслу привязными ремнями. Сиденье ощутимо давило на него снизу, потому что катер менял позицию, переходя в точку встречи. Катер двинулся, подчиняясь Гудкову, который приготовился, казалось, еще до сигнала тревоги.

— Ладно, — деловито сказал Гудков. — Уговорили. Выпущу еще одну. Все-таки тысяча килограммов.

Он что-то нажал, и перед ним послушно загорелся новый экран. Знакомые созвездия несколько раз качнулись из стороны в сторону, постепенно успокаиваясь. На втором малом экране небо было уже неподвижно. Он зажегся полторы минуты назад. А в центре пульта управления, в метровом прозрачном кристалле, две яркие искры сла-

бели и замедлялись на фоне звезд. Гудков направлял их так, чтобы они приближались к бледному огоньку цели.

— Выпускать торпеды было необязательно, — сказал Гудков. — Метеорит некрупный, нам хватило бы бластеров ближнего боя. Правда, я с ними давно не работал. Все больше на дальних подступах, торпедами. Но зачем вам столько оптики?

Перед Коровиным было разложено его собственное оружие. Расчехленные, заряженные и готовые к съемке кинокамера и два фотоаппарата. Они лежали на широких подлокотниках кресла.

— Увидите, — сказал Коровин. — Я хочу заснять процесс приближения на киноплентку, чтобы дать общую картину. А вблизи — только фотокамеры! Их две, чтобы не перезаряжать.

— Я о другом. Ведь все фиксируется на магнитной ленте. Зачем вам съемка?

Коровин засмеялся.

— Магнитофон ничего не понимает в композиции, — сказал он. — Но вы разрешите мне использовать часть записей? Для фильма?

— Конечно. Это ваш первый фильм?

— Пока последний, — сказал Коровин. — Я сделал их не один десяток.

— Ах вот как, — сказал Гудков. — Тогда уберите камеры с подлокотников. Наденьте их на себя. А то еще свалятся.

— Правильно, — согласился Коровин. — Я их надеваю, чтобы было удобнее снимать.

Они замолчали. Две искры на курсовом экране за это время поблекли. Они приблизились уже вплотную к огоньку цели, но практически не двигались, потому что торпеды удалялись от катера почти по лучу зрения. Над экранами на табло высказывали числа. Одни указывали расстояние от снарядов до цели. Другие, пони-

же, — от цели до катера. Еще ниже третий ряд цифр давал дистанцию между метеоритом и каматом.

— Смотрите, — сказал Гудков.

Коровин, подняв кинокамеру, взгляделся в экран бортового телеглаза торпеды. Рядом с центром экрана он с трудом различил едва заметную бледную точку. Гудков сказал официальным тоном:

— Цель в поле зрения первой торпеды.

Коровин, на мгновение подняв глаза, удивленно посмотрел на пилота. Оказывается, тот говорил в микрофон, беседуя с диспетчерским пунктом. Коровин снова заработал кинокамерой. Он осторожно перевел кадр на главный экран, где одна из искр слилась с целью, ставшей за это время гораздо ярче. Потом направил камеру так, чтобы поймать в поле зрения профиль Гудкова, говорившего в микрофон с каматом.

— Перехожу на непосредственное сопровождение, — сказал Гудков. — Поражение через тридцать секунд.

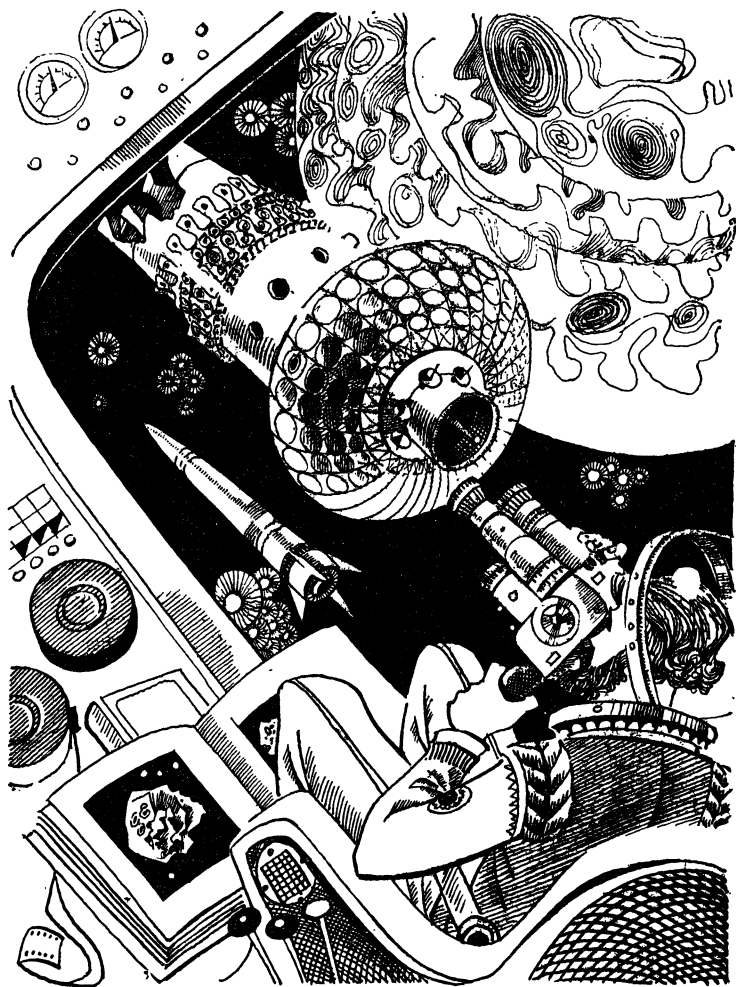
Коровин снял крупным планом его жесткие металлические пальцы на клавишах управления торпедами. Цель на малом экране сдвинулась к центру. Она становилась ярче.

— Вторая торпеда в пределах оптической видимости, — сказал Гудков далекому диспетчеру камата. На втором малом экране шевельнулся крошечный огонек. Повинуясь пальцам Гудкова, он двинулся к центру. Коровин продолжал работать кинокамерой.

— Поражение первой торпедой через двадцать секунд, — сказал Гудков.

Коровин поймал в видоискатель световое табло. Расстояние от снарядов до цели — 2160 км. Расстояние от цели до катера — 9870 км. Расстояние между катером и каматом — как обычно, тысяча километров.

— Смотрите, — услышал вдруг Коровин шепот Гудкова, искаженный двумя скафандрами. Оторвавшись от

кинокамеры, он глянул на экран передатчика первой торпеды.

Оттуда, увеличенная маломощным бортовым рефрактором, на него надвигалась цель, уже переставшая быть просто точкой. Но метеоритом она так и не стала.

5

Это был вытянутый металлический цилиндр, освещенный яркими лучами Солнца, к которому он приближался из глубокой черноты космоса. Цилиндр был маленький, еле видный на пределе разрешения телескопа торпеды. Но он быстро увеличивался в размерах, приближаясь. Скоро стало видно, что с одной стороны он обломан или оборван, а с другой кончается гладким сферическим утолщением. Металлический предмет горел в свете Солнца. И он приближался.

— Пятнадцать секунд.

Цилиндр увеличивался. Он занимал уже половину площади экрана. Стало заметно, что его поверхность неоднородна. Нет — в солнечный блеск незнакомого металла вплетался сложный узор круглых матовых пятен. В руках Коровина был фотоаппарат. Он делал снимки.

— Десять секунд до поражения цели.

Разве бывает поражение цели? Поражение терпят люди. Те, кто ее поставил. Те, кто идет к ней, поставив на карту все.

— Пять.

Изображение росло. Вот весь экран заняло одно из матовых пятен. И вдруг все исчезло, как будто ничего никогда не было, будто странный предмет сдуло ветром из телеэкрана. Там остались только звезды, далекие и холодные.

Глаза Коровина наткнулись на резкий, чужой взгляд Гудкова. Тот, ничего не сказав, отвернулся к пульта

управления. Последовав за его взглядом и увидев знакомое изображение на втором малом экране, Коровин понял, что произошло. Первая торпеда прошла мимо не разорвавшись. Теперь история повторялась.

— Двадцать секунд, — сказал Гудков. Пленка у Коровина кончилась, в его руках появилась вторая фотокамера. Она щелкала совершенно независимо от его желания. Он смотрел на невозможную, немыслимую вещь, похожую на металлическую колбу или на половинку гантели, стремительно выраставшую в экране торпедного телескопа. Но потом ее не стало и здесь, как будто она им приснилась или пришла галлюцинацией в награду за долгую пустоту дежурства.

— «Рубин-пять», «Рубин-пять», — сказала база металлическим, нечеловеческим голосом. — «Рубин-пять» вызывает база. Почему цель не уничтожена?..

Громкоговоритель умолк на полуслове, внезапно, будто его выключили. На главном экране возникла медленно толстеющая асимметричная точка.

— Вот он, — сказал Гудков. — Наши телескопы его достали.

Рисунок созвездий на малых экранах утратил устойчивость. Звезды начали вращаться. Ставшие неуправляемыми торпеды теряли стабилизацию.

— Чуть не забыл, — сказал Гудков.

Малые экраны погасли одновременно с двумя нестерпимо яркими вспышками на главном экране, по эту сторону звезд. Некоторое время ничего там нельзя было различить, но постепенно двойная сверхновая потускнела, и от взрыва осталось медленно расплывающееся облачко, на фоне которого быстро увеличивался в размерах диковинный цилиндр с шаровым расширением на неповрежденном конце.

— Вы уверены, что это не наше? — спросил Гудков неожиданно спокойно.

Коровин кивнул. Во рту у него пересохло, и он не мог говорить. Он еще раз кивнул. И он делал снимки.

На потолке кабины, над дистанционными индикаторами зажегся транспарант: «Дистанция лазерного огня». — Тридцать секунд до встречи, — сказал Гудков.

Коровин смотрел на экран сквозь видеоискатель, лихорадочно нажимая на спуск. Вот она приближается. Красивая, цилиндрическая, шарообразная. Чужая, неземная, изготовленная в недоступных глубинах вселенной. Она прилетела в Систему, оставив позади себя десятки и сотни световых лет. И вот она приближается — для того, чтобы они ее уничтожили.

— Пленка, — сказал он, с трудом ворочая сухим языком. — У меня кончилась пленка.

— Ничего страшного, — сказал Гудков. — Все фиксируется на магнитной ленте.

Коровин опустил камеру на грудь. Числа на указателе расстояния все уменьшались. На потолке кабины горел транспарант: «Дистанция лазерного огня». Обломанная гантель надвигалась из глубины курсового экрана. Гудков смотрел на нее из своего кресла молча и сосредоточенно. В кабине было жарко. Коровин начал растягивать привязную систему.

— Перестаньте, — прозвучал в наушниках искаженный голос Гудкова. — Ведь вы же мужчина!..

Коровин не мог найти запоров. Он рвался из ремней, хотел порвать их, рассчитанные на стократную перегрузку. В кабине ничего не осталось. Только цепкая паутина привязных ремней, да вязь матовых пятен в прицеле курсового локатора, да Гудков со взглядом охотника. Его жестокие металлические пальцы лежали на клавиатуре.

— Нет, — беззвучно сказал Коровин. Он вырывался из душивших его ремней. — Нет!..

Цель висела сейчас в центре курсового экрана, она была красива небывалой, небесной, так никем и не по-

нятой красотой, начиная от замысловатого орнамента темных пятен на зеркальной поверхности сферы и кончая волнистым, разорванным, с острыми зазубринами краем цилиндра. Проклятый запор наконец поддался. Но было поздно.

Экран стал белым, потом ослепительным, глаза перестали видеть, и, когда катер трянуло в туче газообразных, еще не успевших рассосаться осколков, ничего не осталось, на всем лежал черный квадрат, отпечаток взрыва.

Только пустота и тишина. И так было долго.

— Поймите, — сказал Гудков. — Если бы мы его пропустили, его бы уничтожили батареи камата. Если бы успели.

Коровин ничего не ответил.

— От него в любом случае ничего не осталось бы, — сказал Гудков. — И от каравана тоже. Все-таки сто километров в секунду.

Коровин молчал.

— Вы не думайте, что я не понимаю, — сказал Гудков. — Я вас прекрасно понимаю.

Коровин молчал, глядя в слепое пятно экрана.

УСЛУГА МАГА

— У меня есть мысль, — сказал незнакомец. — Ведь вы, конечно, разбираетесь в физике?..

Откуда он появился, осталось неясным. Мы сидели на бережке, на камушках, запивая николаевскую добычу пивом из белой канистры, и пляж вокруг был пустынный. Метров на двести в обе стороны не было никого, и, если кто-нибудь проходил мимо нас справа налево или наоборот, мы еще издали следили, как он приближается, особенно если женщина. Но на этот раз никто не заметил никакого движения ни справа, ни слева от нас.

Он возник внезапно.

Позднее Виталик утверждал, что незнакомец сконденсировался прямо из воздуха — не упал с неба, а сгустился из воздуха, постепенно приобретая очертания, и что он, Виталик, видел это своими глазами. Но после ухода — вернее, исчезновения — незнакомца любой мог бы поклясться в этом, потому что ничего удивительного в этом не стало. Но остальные не видели, как он появился.

А он — он появился и спросил:

— Ведь вы разбираетесь в физике?..

Конечно, эти слова вызвали замешательство. Из-за способа появления незнакомца. Минуту мы смотрели на него во все глаза — только Адам Сергеевич вроде спал. Незнакомец не представлял собой ничего особенного. Скромный и чуть печальный — человек, каких много.

Когда народ за минуту привык к его обыкновенному виду, Славка Владимиров сказал:

— Есть один специалист.

Незнакомец почему-то посмотрел на Виталика. Тот застеснялся.

— Нет, — выручил Виталика Славка. — Вы посмотрите в воду.

Из бескрайнего моря, которое начиналось у наших ног, взлетел узкий фонтанчик — Николай всплыл со дна передохнуть. Он давно плавал среди подводных валунов и добыл уже много крабов. Он находит их под камнями, крупных, как блюдце, и стреляет из пневматического ружья собственного изготовления. Незаменимую закуску под пиво добывает нам Николай. Сам он пива не пьет и крабов не ест, но охотится на них с удовольствием.

Именно на него — единственно трезвого и вооруженного представителя нашего коллектива — и показал незнакомцу Славка Владимиров как на величайшего физика всех времен и народов. Он всегда так делает, и Николай не возражает, а часто даже способствует этому.

Во взгляде незнакомца появилось недоверие.

— Мне казалось, вы все в некотором роде...

Наш коллектив ответил дружным вопросительным взглядом.

— Мне нужны люди, разбирающиеся в физике, — объяснил незнакомец.

— Зачем? — проснулся вдруг Адам Сергеевич.

— Я, видите ли, волшебник, — скромно сказал незнакомец. — И у меня есть мысль.

Минуту мы смотрели на него во все глаза. Невероятно, но это проясняло непонятное. Гипотеза о существовании волшебников не противоречит законам природы. Закон и преступление — разные вещи.

— Вы новатор, — сказал через минуту Адам Сер-

геевич. — Я полагал, дело волшебников — творить чудеса.

Незнакомец печально улыбнулся.

— Творить чудеса просто. А я хочу сделать что-нибудь полезное. Совет мне просто необходим.

Из бескрайнего моря взлетел новый узкий фонтанчик. Потом там забурило, у берега встал во весь рост Николай, встряхнулся телом и пошел к нам, шлепая по камушкам треугольными ластами. Он нес ружье и веревку с закуской под пиво. Но никто не среагировал. Раскрыв рты, все мы смотрели на незнакомца, который оказался волшебником и которому легче творить чудеса, чем думать.

— Например, я знаю о вас многое, — сказал незнакомец. — Мне известно, что вы физики, что вы делаете какую-то фотонную ракету и что недавно вы что-то такое запустили и теперь приехали сюда вместо премии.

Возразить на это было нечего.

— И многое другое, — добавил незнакомец.

Шлепая ластами, подошел Николай, удивляясь, что никто не подпрыгивает от радости, не хлопает в ладоши и не кричит: «Где это ты добыл таких тарелков?»

— Вот и наш физик, — представил его Славка Владимиров.

— Не надо, — вежливо сказал незнакомец. — Я прекрасно вижу, что он у вас лаборант или другой обслуживающий персонал.

Николай побагровел и уронил крабов на гальку.

— Это волшебник, — объяснил ему Виталик. — Поэтому он знает все о каждом из нас.

— А другие чудеса умеете? — спросил Николай.

Незнакомец взял камушек и подбросил его вверх. Камушек скоро потерялся из виду, исчез в необъятном небе. Все ахнули.

— До Луны долетит? — спросил у волшебника Николай.

Волшебник печально пожал плечами.

— Не знаю. Я траектории не умею рассчитывать.

Славка Владимиров оскорбительно засмеялся.

— Мне хочется принести пользу, — сказал волшебник. — Я должен с вами посоветоваться.

— Тогда вам надо учиться, молодой человек, — сказал Адам Сергеевич. — Чтобы приносить пользу, нужно много знать.

— Но я волшебник.

— Следовательно, вы должны знать гораздо больше других. Если бы всемогущий бог был невеждой, мир остался бы хаосом.

— Не понимаю, — сказал волшебник. — Ведь как я захочу, так и будет.

Он щелкнул пальцами. Через минуту закуску под пиво можно было собирать голыми руками, потому что вода отступила и на месте бескрайнего моря осталась огромная плоская яма, дно которой было укрыто влажными водорослями.

— Мир остался бы хаосом, — повторил Адам Сергеевич. — Не удивляйтесь, если завтра прочтете, что вчера на побережье обрушились волны невиданной силы и стерли с лица земли города и селения.

Волшебник смутился, печально взмахнул рукой, и море вернулось в свои берега.

— Поэтому я и пришел посоветоваться, как лучше принести пользу. Помогите мне, и я помогу вам.

— Вам нужно не советоваться, а учиться, — повторил Адам Сергеевич. — Вам сколько лет, молодой человек?

— Да, — подхватил Славка Владимиров. — С какого года, папаша?

— Тридцать, — сказал волшебник. — Даже чуть больше.

— Тогда все, — сказал Владимиров. — Физике вам обучаться поздно. Не примут вас ни в одно приличное учебное заведение.

Всем нам стало жалко волшебника, который был хоть и невежественный, но человек, и мы смотрели на него с сочувствием. Даже Николай, которого еще лет пять могли взять в любое сколь угодно приличное заведение.

— Нет, — сказал волшебник. — Я и так могу многое. Например, межзвездный полет. Ведь у вас ничего не получается. Почему вы не хотите, чтобы я вам помог?

Он был настоящий волшебник. О том, что у нас ничего не получается, не подозревало наше собственное начальство. Все считали, что мы движемся вперед под бой барабанов и рев фанфар, и пройдет год, два, от силы три — и первый фотонный корабль полетит к звездам. Но впереди нас подстерегал тупик, и мы уже чувствовали его приближение, хотя вслух об этом никто не заговаривал. Чтобы выйти из тупика, нужно туда попасть. В тупике нас ждали новые идеи.

— Не понимаю, о каком тупике вы думаете, — продолжал волшебник. — С моей помощью можно проломить выход из любого тупика.

Он заблуждался. Чтобы рыть туннель, нужно знать направление. Вслух эту мысль высказал Адам Сергеевич.

— Молодой человек, — сказал он. — Поймите, ваши способности могут пригодиться нам только при доставании какого-нибудь дефицитного оборудования. Ведь мы вынуждены действовать в рамках законов природы.

Волшебник рассмеялся,

— Пока я жив, вам они не страшны.

Адам Сергеевич нахмурился.

— Это опасная точка зрения. Отрицать законы природы никому не дано.

Он помолчал и добавил:

— Никому, никогда.

Он произнес эти слова странным тоном — будто всю жизнь или лучшую ее половину занимался конструирова-

нием вечного двигателя или чего-нибудь в этом роде. Об этом он никогда не упоминал. Видимо, это была тайна. Но для волшебника не существовало чужих тайн.

— Я говорю, о другом. Вы хотели обойти какого-то там Ньютона, — он сделал ударение на букву «о», — а мне это не нужно. Я могу изменить какой угодно закон. Только подскажите какой.

— А если мы ошибемся?

— Исправим, — самоуверенно сказал волшебник. — Мои возможности безграничны.

— Мир — это клубок узлов, — возразил Адам Сергеевич. — Нить нужно распутывать постепенно, не торопясь. Если беспорядочно дергать, она обязательно порвется во многих местах, и останется груда обрывков. Хаос, я уже говорил.

— Приведите пример, — сказал волшебник. — Впрочем, зачем придумывать искусственные проблемы? Вот недавно вы запустили макет своей ракеты. Запуск вас не удовлетворил. Почему?

— Потому что все встало на свои места, — неохотно признался Адам Сергеевич. — Фактически запуск макета подтвердил, что мы не сможем довести фотонную тягу до нужного уровня.

— И что вы намерены делать? — спросил волшебник. Никто ему не ответил. — У вас не хватает тяги, — продолжал он. — Вам нужно ее увеличить, но вы не можете это сделать. Я предлагаю кардинальное решение. Для увеличения фотонной тяги я предлагаю повысить скорость света.

— Чего вы этим достигнете? — спросил Славка Владимиров.

— Увеличения тяги, — снисходительно улыбнулся волшебник. — Пусть я не физик, но я понимаю, что тяга фотонного двигателя определяется давлением света. А чтобы увеличить давление света, нужно повысить его скорость. По-моему, это понятно.

— Кажется, вы ошибаетесь, — робко сказал Виталик. — Давление света обратно пропорционально его скорости. Так гласят формулы.

Волшебник опять рассмеялся, но уже не печально, а снисходительно.

— Формулы? На зеркало падает поток фотонов. Скорость фотонов я увеличиваю. И тяга от этого уменьшится?..

— По-моему, да, — сказал Виталик. Неуверенно, как на экзамене.

Славка Владимиров этого не вытерпел — он демонстративно отвернулся от спорящих, плеснул себе в банку из канистры пива и начал отхлебывать, разглядывая обрыв.

Но волшебник этого не заметил.

— Почему? — спросил он Виталика. — Почему же она уменьшится?..

— Не знаю, — признался Виталик.

Волшебник смотрел на него с большим превосходством. Все молчали. Потом Николай встал.

— Ну вас всех, знаете, — сказал он. — Развели тоску, как на конференции. А еще волшебники.

Он взял ружье, опустил маску на глаза и пошел в воду. И поплыл по бескрайнему морю, оставляя пенистую дорожку от работающих ластов. И нырнул и исчез, перейдя в другое измерение.

— Кто ответит на мой вопрос? — сказал волшебник. Оставшиеся молчали.

— Кто ответит?..

Молчание.

— Кто?..

— Я, — сказал Адам Сергеевич.

Все повернулись к нему, даже Славка Владимиров перестал разглядывать обрыв. Все мы любили слушать Адама Сергеевича. Рассказывать о физике он умел.

— В детстве все о чем-то мечтают, — начал он. —

Когда я учился в школе, очень модно было опровергать третий закон Ньютона. Действие равно противодействию. Отсюда следует закон сохранения импульса. Ракеты, поднимавшие спутники и космические зонды, благодаря этому закону весили тысячи тонн. А если бы третий закон был неверен, все было бы по-другому. Поэтому многие и хотели его опровергнуть.

Хотя я был еще школьником, я тоже над этим задумался. Способностей у меня было столько же, как сейчас. Знаний было меньше, но это, по-моему, только способствовало успеху. Грубо говоря, нужно было построить машину, которая поднимала бы себя сама, ни от чего не отталкиваясь. Как барон Мюнхгаузен, вытащивший себя из болота за волосы.

Прежде всего я понял, что работа такой машины должна основываться на запаздывании взаимодействий. Если силы переменны, противодействие отстает, не успевает за действием, и это нужно было использовать.

В своих мысленных экспериментах я начал с простого. Представим себе электромагнит и железный брусок. Их разделяет некоторое расстояние. Для наглядности очень большое — например, световой год. В начальном положении магнит включен. На железный брусок со стороны электромагнита действует некоторая сила, а на магнит, в полном соответствии с третьим законом Ньютона, действует такая же по величине сила, направленная к железу.

Что случится, если выключить электромагнит? На магнит никакие силы не действуют — он ведь выключен. Но брусок продолжает притягиваться к выключенному магниту. Он удален от магнита на световой год и еще целый год будет притягиваться к выключенному магниту, «не зная» о том, что магнит выключен. Целый год на систему будет действовать нескомпенсированная сила, и система получит ничтожный, но совершенно определенный импульс.

В принципе проблема была решена. Оставались пустяки. Я зациклил процесс. Я заменил железный брусок вторым электромагнитом, вместо включений и выключений ввел переключения с «притяжения» на «отталкивание» и, пользуясь запаздыванием взаимодействий, подобрал режим коммутаций, при котором силы, действующие на магниты, были постоянно направлены в одну сторону.

Получив в своих мысленных опытах такой результат, я, естественно, задрал нос. Еще бы! В те годы многие бились над безопорным движением, конструировали механизмы с вращающимися эксцентриками, «машины Дина», «инерциоиды» и так далее, а я решил задачу в уме. Правда, взрослые считали, что в моих рассуждениях есть ошибка, но найти ее никто не мог. А я не мог привести достаточно строгого доказательства.

После школы я поступил на физфак университета, окончил его, работал. Теперь я знал уже и физику, и математику, но не возвращался к своей задаче. Я боялся, что выявится ошибка. Формулы могли это убить. Иногда я посвящал в это разных людей. Всем это нравилось, как какой-то хитрый парадокс, никто не мог найти ошибку в моих рассуждениях, но, как и прежде, никто не сомневался, что она есть.

Так тянулось довольно долго. Как-то я рассказал об этом одному человеку. Тот был первым, кто поверил в это по-настоящему. Он загорелся, мы математически корректно сформулировали задачу, заменили магниты электрическими диполями, а прямоугольный режим переключений — синусоидальным и проделали все выкладки вместе.

Мы действительно получили ненулевой эффект, но это была обычная формула для импульса электромагнитного поля. Оказалось, что наши диполи генерируют мощный поток излучения, направленный в сторону, противоположную движению системы. Выяснилось, что взаимо-

действие двух диполей в режиме переключений, подобранном мною еще в школе, ничем не отличается от взаимодействия излучателя с металлическим зеркалом, рядом с которым он расположен.

Вот и все. Изобретая безопорный двигатель, я пришел к фотонной ракете. Иногда так получается. Искал одно, нашел другое, и это определило судьбу.

— В судьбах я разбираюсь лучше, чем в физических проблемах, — сказал волшебник, когда Адам Сергеевич замолчал. — Но почему вы не ответили на вопрос, который я задал?

Славка Владимиров застонал от негодования. А Виталик сказал волшебнику:

— Адам Сергеевич на все ответил. Вы спрашивали, почему тяга фотонного двигателя обратно пропорциональна скорости света. Теперь вы это знаете. Действие фотонного двигателя, как только что выяснилось, основано на запаздывании взаимодействий. Если скорость света бесконечна, запаздывание отсутствует, и тяга равна нулю. И предложение, с которым вы пришли, никуда не годится. За каждой формулой стоит физический смысл. Чтобы видеть его в формулах, нужно учиться. Об этом вам уже говорили.

Теперь все мы сидели молча, вдумываясь в только что услышанное. Адам Сергеевич часто приводил вот такие примеры из собственной жизни. В каждом конкретном случае было непросто понять, правду ли он рассказывает. Всю эту историю он мог придумать — для наглядности. Но во время рассказа ему всегда верили.

Волшебник тоже молчал, но читать чужие мысли мы не умели, и было неясно, что он обо всем этом думает. Потом он заговорил:

— Значит, увеличение скорости света ничего вам не даст?

Славка Владимиров опять застонал.

— Да, — сказал он. — Разве можно объяснить это

понятнее? Это ничего не даст и даже приведет к противоположному результату.

— И тяга не увеличится? — спросил волшебник.

— Если вы ускорите свет, она уменьшится, — сказал Владимиров. — Чтобы увеличить тягу, нужно сделать наоборот.

— Наоборот? — переспросил волшебник.

— Наоборот, — повторил Владимиров. — На-о-оборот. Если увеличить скорость света, фотонная тяга уменьшится. Если скорость света уменьшить, тяга возрастет. Если уменьшить скорость света на порядок, то и тяга увеличится на порядок. Господи, да неужели это даже теперь непонятно?..

Волшебник усмехнулся.

— Нет, — сказал он. — Это вполне понятно.

И побледнел.

Никто не успел двинуться. Он продолжал бледнеть. Он стал как мел, потом как папиросная бумага. Потом он стал прозрачным, как воздух. И исчез.

Все мы смотрели на место, где он только что сидел. Потом повернулись друг к другу и поняли, что это не сон, потому что коллективных снов не бывает.

Импровизированные кружки были пусты. Кто-то потянулся за канистрой и налил всем по полной стеклянной банке. Ветер уносил пену и укладывал ее на воду — вместо прибора.

— Он исчез, — сказал наконец Виталик. — И появился он точно так же. Я думал, это мне привиделось. А теперь он исчез.

Другие молчали.

— Я знаю, куда он исчез, — сказал вдруг Славка Владимиров. — Я знаю, что он сейчас делает. Сейчас он уменьшает скорость света. На порядок или на два — на сколько ему захочется.

Все посмотрели по сторонам.

— Нет, — сказал Владимиров. — Пока она еще

прежняя. Свет приходит от Солнца. Допустим, он уменьшил ее вдвое. Тогда первая порция света — до чуда — придет через восемь минут, как обычно. Следующая — после чуда — только через 16 минут. И эти восемь минут на Земле будет темно.

Минуто все размышляли.

— Может, это и к лучшему? — робко сказал Виталик. — Может, это действительно выход? Я хочу сказать — вдруг это значит, что путь к звездам открыт?..

В этих словах был момент истины. Все снова повеселели. Повеселев, мы занялись пивом и смотрели в бескрайнее море. Там в разных местах поднимались струйки воды — это дышал Николай. Потом он направился к берегу, оставляя за собой пенистую дорожку, забурлил телом на мелководе, встал во весь рост, задрал маску на лоб и пошел к нам, шлепая треугольными ластами.

— А световой барьер? — сказал вдруг Адам Сергеевич.

Это был приговор. Скорость света — естественный предел, превысить который нельзя. Если волшебник уменьшит ее всего на порядок, тяга наших ракет возрастет, но скорость, которой они смогут достигнуть, останется незначительной. Ибо даже свет будет путешествовать века до ближайших звезд. И никто не подпрыгивал от радости, глядя на крупных крабов, волочившихся за Николаем на длинной веревке.

Мы сидели на бережке, на камушках, потягивали пиво из стеклянных консервных банок и ждали наступления ночи.

ЦВЕТЫ ЗЕМЛИ

В конце прохладного коридора, рядом с лестницей, ведущей на верхние этажи, висела табличка **«Директор института»**. Чернов толкнул дверь. В большом окне в просвете между деревьями золотились на фоне неба далекие купола какого-то храма. За столом у окна сидел молодой человек в темных очках. Он неприветливо смотрел на Чернова.

— Чем буду полезен?

— Мне нужен директор.

— Чем буду полезен? — повторил человек.

Чернов с опозданием понял, что в комнате всего одна дверь — та, через которую он вошел.

— Вы директор этого института?..

— Директора нет. Отпуска, никого нет. Лето, жара, вы понимаете. Я его заместитель. Моя фамилия Буняк, — представился он, не подавая руки. — Чем буду полезен?

Чернов молчал.

— Садитесь, — сказал Буняк.

Чернов опустился в кресло для посетителей. Никакого дружелюбия в лице Буняка он не видел.

— Работать? — спросил Буняк.

Чернов молча смотрел на него. Такой молодой, а уже заместитель. Карьерист, вероятно. Впрочем, теперь все выглядят молодыми и карьеристами.

Буняк ждал.

— Нет, — сказал наконец Чернов. — Я космонавт.
— Я... Не нужно. Я и так все знаю.

Буняк щелкнул тумблером и теперь смотрел на невидимый Чернову экран.

— Чернов Анатолий Васильевич, русский, год рождения 1996-й, профессиональный космонавт, покинул Землю в 2020 году, вернулся месяц назад. Вас, вероятно, предупреждали. Теперь каждый носит с собой биографию.

— Но я думал, это просто номер. Комбинация цифр, и ничего больше.

— Верно, — усмехнулся Буняк. — Такие приборы, как у меня, установлены всюду. Он зарегистрировал ваш номер и передал его в Информарий, где хранятся данные обо всех гражданах Земли. Но ведь вы пришли не для того, чтобы я вам это объяснил.

— Да, — сказал Чернов.

Буняк ждал.

— Я вернулся из трудного перелета, — сказал Чернов. — Для Земли рейс продолжался 200 лет. Те, кто нас провожал, мертвы.

— Ясно, — сказал Буняк.

— После возвращения меня поместили в специальный центр. Мне читали там лекции о технических достижениях человечества.

— Ясно, — сказал Буняк. — По-моему, так всегда делают.

— Из лекций я узнал, что современной науке доступны многие вещи, которые нам и не снились.

— Неудивительно, — кивнул Буняк. — Целых два века.

— Я узнал, что даже в области медицины достигнут значительный прогресс. Рак побежден. Неизлечимых болезней нет. Наука вплотную подошла к решению проблемы бессмертия.

Буняк кивнул.

— Еще я узнал, что найден способ оживления мертвых.

Буняк молчал, пряча глаза под темными стеклами.

— Я узнал, что этим занимаются здесь, в Институте реанимации, — продолжал Чернов. — Говорят, вы можете восстановить живое существо по самым ничтожным останкам.

— Даже по окаменевшей кости, — сказал Буняк. — Каждая клетка организма содержит информацию об организме в целом. Процесс реанимации по нашей методике распадается на два этапа. Самое трудное — реанимация клетки. Вторая стадия — окончательное восстановление организма. Этот этап требует много времени и энергии, но принципиально несложен. Первых мамонтов, из тех, что живут сейчас в Антарктиде, мы воссоздали именно так.

Буняк умолк. Некоторое время Чернов тоже молчал. Разговор уходил в сторону. Чернов сказал:

— Мамонты. Не понимаю. Неужели нет более достойных объектов?..

— Что вы имеете в виду?

— Людей, — объяснил Чернов. — Из лекций я понял, что вы оживляете только вымерших чудищ. Это потрясло меня гораздо сильнее, чем сам факт. Или я ошибаюсь?..

Буняк молчал.

— Я вернулся всего месяц назад, — сказал Чернов. — Мне у вас многое не нравится. Вероятно, это естественно. Но когда вы воскрешаете мамонтов?.. Скажите, что я неправильно понял, и я уйду.

Буняк снял темные очки. Глаза у него были усталые, вовсе не молодые.

— Нет, вы все поняли правильно. Но для второго этапа необходима энергия. Колоссальное количество энергии.

— Больше, чем для мамонтов?..

— С мамонтами было просто, — сказал Буняк. — Нам предложили реанимировать несколько особей, безразлично каких. Самца и несколько самок. Люди — это другое дело. Поймите, что существуют моральные проблемы, не имеющие с биологией ничего общего.

Чернов молчал, глядя на далекие купола в окне за спиной собеседника.

— С годами в клетках организма накапливаются необратимые изменения, — продолжал Буняк. — Для человека возрастной порог, за которым реанимация невозможна, составляет около тридцати лет. Если смерть наступила позже, мы бессильны. Но даже с учетом этого остаются миллиарды кандидатур. И возникает проблема выбора.

Чернов молчал.

— Массовая реанимация немыслима из-за энергетических ограничений, — продолжал Буняк. — Другие варианты отпадают. Этические проблемы значительно сложнее научных. Не думайте, что вы первый. Мы бессильны. Поставьте себя на мое место, и вы это поймете.

— Нет, — сказал Чернов. — Вы знаете обо мне не все. Ведь я вернулся один.

Буняк ждал.

— Нас было двое, — продолжал Чернов. — Полет в один конец занял пять лет. Планета, возле которой мы оказались, была окутана ядовитой, по нашим понятиям, атмосферой. Но на ее поверхности теплилась примитивная жизнь. Это все, что нам удалось установить сверху.

Буняк внимательно слушал.

— Как и другие звездолеты первого поколения, наш корабль не предназначался для посадки. На борту имелся десантный бот — одноместная ракета с ограниченными ресурсами. Как и предусматривалось программой полета, мой товарищ занял место в кабине бота, и мы расстались. Как вскоре выяснилось — навсегда.

Что-то в лице Буняка изменилось.

— Вероятно, вы догадались, что бот потерпел аварию. Но человек уцелел. Он проводил запланированные исследования и передавал мне их результаты. Когда поток информации пошел на убыль и когда окончательно выяснилось, что бот отремонтировать невозможно, мы попрощались, и я стартовал к Земле.

— А он...

— Да, — кивнул Чернов. — Помочь ему я все равно не мог. И нам обоим казалось, что это очень важно — доставить на Землю информацию о биосфере планеты. Да, это было самое важное.

Буняк ничего не сказал.

— Мы служили Земле, — продолжал Чернов. — Мне было нелегко, но поступить иначе я не мог. Сейчас, находясь среди людей, которых эта информация вряд ли интересует, я смотрю на все по-другому. Но тогда нам казалось, что это единственное решение.

Буняк молчал.

— Теперь я смотрю на все по-другому, — повторил Чернов. — Вполне возможно, он уже тогда понимал, что так будет. Просто притворялся ради меня. И то, что я его бросил...

— Не надо, — сказал Буняк. — Вам было труднее. Он был обречен, вы были бессильны.

Чернов не ответил. Он смотрел в окно, в просвет между деревьями.

— Тем, кто бессильен, труднее, — повторил Буняк. — Мы тоже бессильны.

Над далекими куполами стояло небо. Голубое небо-убийца.

— Нет, я не согласен, — сказал наконец Чернов. — Я все понял, но я не согласен. Действительно, человечество нам ничем не обязано. Для Земли мой товарищ — один из миллиардов. Пусть так. Но ведь были другие.

— Кто?

— Разве мало выдающихся людей жило на Земле во

все эпохи? — сказал Чернов. — Людей, без которых ваш мир был бы иным? Без которых он был бы гораздо хуже, чем сейчас?..

— Не забывайте о возрастном пределе, — предупредил Буняк. — Не старше тридцати лет.

— Все равно. Лермонтов, Галуа... Таких очень много.

— Да, — согласился Буняк. — В этом вся сложность.

— Нет, — сказал Чернов. — Все равно их можно перечислить по пальцам. Дело не в количестве. Но вы... Вы... — Чернов запнулся, нужное слово было, но он не сразу смог его произнести. — Вы ничего не помните!...

Буняк не ответил. Некоторое время он неподвижно сидел на фоне далекого неба, и в его глазах была усталость. Потом он встал.

— Да, мы ничего не помним, — сказал он. — Пойдемте.

Через четверть часа они стояли на узкой площадке, на вершине ажурной башни над сплошным океаном листвы. Каким образом они здесь оказались, Чернов не понимал — потерял ориентацию. Помнил только, как они выходили из здания института, потом долго куда-то шли по улице, похожей на парк, потом поднимались по высокой винтовой лестнице.

Под ними до самого горизонта простиралось зеленое море. Кое-где, как айсберги, торчали глыбы домов. Над городом было много ветра и воздуха, по верхушкам деревьев бежали волны. Тонкая труба треугольного сечения уходила вдаль. Вдоль трубы на них надвигалось что-то стремительное, беззвучное.

— Монор, — объяснил Буняк. — Монорельс. Теперь это у нас основной общественный транспорт.

Вытянутый вагон прошелестел мимо, не замедлив хода, оставив после себя угасающий порыв ветра.

— Куда мы поедем? — спросил Чернов.

— Все равно, — усмехнулся Буняк. — По-моему, это безразлично.

Новый вагон плавно затормозил у площадки. Его стенка исчезла, они перешли внутрь. Вагон тронулся и понесся над зеленой равниной. Паутина путей блестела над городом, среди белых островов зданий.

— Я могу знать, куда вы меня везете? — настойчиво повторил Чернов.

— Вы считаете, что мы ничего не помним, — сказал Буняк. — И не хотите понять, почему мы не работаем на людях. Я помогу вам разобраться в этих вопросах. А куда мы едем конкретно, не знаю. Это действительно почти безразлично.

Чернов молчал, приглядываясь к пассажирам. Одни женщины, на вид совсем юные. Платья — недлинные, вдобавок розовые. Женщины прикрывали колени пышными букетами, аромат незнакомых цветов пронизывал все. Вагон монора двигался быстро, иногда останавливаясь.

— Не понимаю, зачем им столько цветов? — сказал Чернов. — И когда они все работают? Полдень, но улицы заполнены гуляющими. Когда они работают — вот что мне непонятно.

Вагон снова затормозил — на этот раз где-то за городом, и станция, видимо, была конечной, и вагон монора остановился у самой земли. Девушки с цветами в руках спустились по легким ступенькам и шли теперь по узкой тропинке, изгибавшейся между лесом и полем. Буняк и Чернов немного отстали. Тропа поднималась, вверх шумели высокие сосны. В поле колосились злаки.

— Сейчас лето, — сказал наконец Буняк. — Отпуска, я уже говорил. Не сердитесь.

Подъем кончился. Тропа сделала последний поворот. Буняк остановился, а стайка девушек продолжала движение — туда, где на земле под высокими соснами

лежала простая каменная плита. И рядом — Вечный огонь.

— И вообще не сердитесь, — сказал Буняк. — Все трассы монора оканчиваются в таких же местах. Везде, где когда-то прошла война, земля смешана с прахом погибших. Из каждой ее частички мы могли бы возродить человека. Их десятки миллионов. Большинство — почти дети. Они тоже ничего не успели сделать для человечества. Ничего, кроме самого главного. Вот о каком выборе идет речь. Теперь вы понимаете?..

Он умолк. Чернов тоже молчал. Представители разных эпох, они стояли плечом к плечу, а цветы неровными холмиками ложились на темный гранит, и девушки в розовых платяцах отходили с пустыми руками.

ОБ АВТОРЕ

Михаил Георгиевич Пухов родился в 1944 году в городе Томске. Окончил Московский физико-технический институт. Работает в одном из московских НИИ. Первый научно-фантастический рассказ молодого автора — «Охотничья экспедиция» — опубликован в сборнике «Фантастика-67». Рассказы Михаила Пухова печатались в журналах «Знание — сила», «Техника — молодежи», «Земля и вселенная», сборниках фантастики, за рубежом — в Народной Республике Болгарии. «Картинная Галерея» — первая книга писателя.

СОДЕРЖАНИЕ

Свет звезд	5
Костры строителей	14
На попутной ракете	22
Нитка бус	33
Ненужное — уничтожить	53
Случайная последовательность	69
Картинная Галерея	129
Восьмая посадка	139
Палиндром в антимир	154
Контратака	158
Над бездной	171
Ахиллесова точка	183
Услуга мага	202
Цветы Земли	214
Об авторе	222

Пухов М. Г.

П90 **Картинная Галерея. Рассказы. М., «Молодая гвардия», 1977.**

224 с с ил. (Библиотека советской фантастики.) На обороте тит. л. художник Р. Авотин.

В первую книгу молодого московского писателя вошли рассказы, опубликованные в журналах «Знание — сила», «Техника — молодежи», в коллективных сборниках. Герои произведений успешно решают проблемы восстановления природных ресурсов и их использования, изобретают новые способы посадки на безатмосферные планеты, открывают новые миры, идут на подвиг во имя науки.

P2

п 70302—068
078(02)—77—265—77

ИБ № 739

Михаил Георгиевич Пухов
КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Редактор Д. Зиберов
Художественный редактор Б. Федотов
Технический редактор Р. Грачева
Корректоры Т. Пескова, Е. Самолетова, Г. Василёва

Сдано в набор 3/IX 1976 г. Подписано к печати 18/II 1977 г. А05025. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 3. Печ. л. 7. (усл. 9,8). Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 100 000 экз. Цена 60 коп. Т. П. 1977 г. № 265. Заказ 1529.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

3 60 коп.

8623

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

